Коми отделение
Академии военно-исторических наук

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вологодский региональный
научно-исследовательский центр краеведения и локальной истории
«Северная Русь»

ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Выпуск 10

Юбилею Отечественной войны 1812 года посвящается

Сыктывкар-Вологда 2012

УДК 947 (470.13)

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 10. 236 с. (Юбилею Отечественной войны 1812 года посвящается).

Очередной выпуск «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» приурочен к проведению в России Года российской истории и юбилейных мероприятий, посвященных победе русского оружия в Отечественной войне 1812 года.

Сборник содержит статьи и сообщения о наполеоновских военнопленных в России, о составе полков наполеоновской гвардии, а также материалы, посвященные Первой мировой и Гражданской войнам.

Книга адресована научным сотрудникам, специалистам в области музейного, архивного и библиотечного дела, а также широкой читательской аудитории.

Редакционная коллегия

д.и.н., академик АВИН **И.Л. Жеребцов** (председатель), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О. Васкул** (зам. председателя), к.э.н., член-корр. АВИН **Е.Н. Рожкин** (отв. секретарь), к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д. Напалков**, д.и.н., академик АВИН **А.А. Попов**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В. Таскаев**, д.и.н., академик АВИН **В.И. Чупров**

Ответственные редакторы и составители выпуска
д.и.н. ***И.Л. Жеребцов, С.А. Тихомиров***
Рецензент д.и.н. ***М.А. Мацук***

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

ISBN 978-5-89606-488-6

© Коллектив авторов, 2012
© Коми отделение Академии военно-исторических наук, 2012
© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012
© Вологодский региональный научно-исследовательский центр краеведения и локальной истории «Северная Русь», 2012
© Жеребцов И.Л., Тихомиров С.А., сост., науч. редакт., 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Д.И. Горшков*

СОСТАВ ГВАРДЕЙСКИХ ПОЛКОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В НАЧАЛЕ «ВТОРОЙ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ»

Возможно, кому-то удастся создать нечто, сопоставимое с моей Итальянской армией или армией, которая была у меня при Аустерлице. Но превзойти их не удастся никому и никогда.
Наполеон

В отечественной историографии не имеется сопоставимых аналогов с исследованием «Война 1812 года. Хроника событий. Grande Armée. Состав армии при Бородино», подготовленным десять лет назад историками А.А. Васильевым (Москва) и А.И. Поповым (Самара), где с предельной четкостью на основе большого круга отечественных и иностранных источников представлено расписание Великой армии при Бородино [1]. Тем не менее возможно привлечение новых источников, которые позволят более полно отразить такую уникальную военную структуру, как Великая армия, причем не только на момент генерального сражения, но и на начало кампании. Ниже приводится расписание всей Гвардии (за исключением Велитов Флоренции и Турина) в начале 1812 г., в том числе полков, не принимавших участие «во второй польской кампании», таких как полк Воспитанников (или Гвардия Римского Короля), роты Ветеранов, а также первых полков Тиральеров (2, 3) и Вольтижеров (2, 3), вошедших в состав двух маршевых батальонов бригадного генерала, барона Анри Ротенбурга (1769–1857) и другие воинские соединения [2]. Основным источником этой работы послужил ежегодный «Альманах Империи», выходивший в период Первой Империи [3]. Данный источник уже использовался во французской историографии, в частности Марко де Сент-Иллером, выдержки из которого можно встретить в его труде «Военная, политическая и анекдотическая история Императорской Гвардии» [4]. Историк также выявил ряд особенностей «Альманаха Империи». Так, он обратил внимание на не соответствие дат, т.е. сам номер вышел в начале 1812 г., но сведения, представленные в нем соответствовали 1811 г. Например, в 3-м полку пеших

***Горшков Дмитрий Игоревич** (Москва) – ведущий специалист Центра научного использования и публикации архивного фонда Главного архивного управления Москвы.

(Голландских) гренадер, в расписании на 1812 г., указаны знаменосцы, тогда как 30 июня 1811 г. ему были вручены орлы [5]. Интересно и то, что командующий 3-м гренадерским полком Ральф Дюндас Тиндаль (1773–1834) указан с чином бригадного генерала, который он получил 11 ноября 1810 г. [6]. В этом же полку, исходя из этого же источника, 10 постов младших офицеров вакантны, тогда как перед вступлением в Россию все они были заполнены, по данным Ж. Фабри, в строю был 41 офицер [7]. Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что расписание 3-го гренадерского полка приведена на период между концом 1810 г. и серединой 1811 г. Но было бы опрометчиво сразу относить все расписание к 1811 г., так как другие гвардейские части, приведенные в нем, полностью соответствуют состоянию Гвардии на момент перехода через р. Неман 24–27 июня 1812 г., что подтверждают архивные изыскания Г. Фабри [8]. Вероятно, эти расхождения в дате вызваны следующей причиной: военные инспекции, проводимые ежегодно, проходили не сразу во всех полках, а по очередности (к тому же многие находились в разных концах огромной Империи), и, во-вторых, сведения запаздывали к публикации «Альманаха Империи», а отсюда и ряд расхождений [9]. К сожалению, публикация М. де Сент-Иллера носила выборочный характер, при этом были также расхождения в написании фамилий с первоисточником (это одна из причин, почему в данной работе не транскрибируются фамилии и титулы), а также в некоторых случаях – довольно вольная передача оригинала. В дальнейшем «Альманах Империи» практически не использовался в зарубежной историографии, не говоря уже об отечественной, став библиографической редкостью. Ниже приведено все расписание, так как оно выглядело в оригинале, с сохранением особенностей «Альманаха Империи». Текст расписания по возможности дополнен данными Г. Фабри, Л. Маргерона, А. Мартиньена, А. Ляшука, А. Шюке, А. Пижара и П.-Ф. Рэбуля [10]. Так, после каждого полка курсивом выделена краткая информация о нем на начало кампании, за исключением тех полков, которые не принимали участие в военных действиях 1812 г. и иностранных формирований, не имевших гвардейского статуса [11]. Данные об артиллерии, специальных и вспомогательных войсках объединены и представлены в конце росписи. К сожалению, в ходе работы у автора не было возможности привлечь по понятным причинам иностранные источники (документы, в частности формулярные списки Архива Сухопутных войск Франции, Национального архива Франции и других архивохранилищ), которые смогли бы дополнить данный материал и проверить точность некоторых деталей.

Военная свита Его Величества Императора
Главный штаб
Маршалы Империи, Генерал-полковники

Герцог d'Aüerstaedt, Князь d'Ekmühl (G.A. ★), Командующий пешими Гренадерами.

Герцог de Dalmatie (G.A. ★), Командующий пешими Егерями.

Герцог d'Istrie (G.A. ★), Командующий Кавалерией.

Герцог de Trévise (G.A. ★), Командующий Артиллерией и Моряков.

Генерал-адъютанты Императора

Дивизионные генералы:
Граф Le Marois (G. ★)
Граф de Caffarelli (G.A. ★)
Граф Rapp (G. ★)
Герцог Charles de Plaisance (C. ★)
Граф de Lobau (G. ★)
Граф de Reille (C. ★)
Полковник: Барон Gueheneuc ★.
Дивизионные генералы:
Граф Durosnel (G. ★)
Граф Hogendorp
Граф Louis de Narbonne (O. ★)

Барон Deriot (C. ★), бригадный генерал, исполняющий обязанности шефа штаба.

Помощники Главного штаба

Шефы батальонов: Quesnel ★, Quandalle ★, …….. .
Капитаны: шевалье Charroy ★, …….., ……..
Начальник гарнизона, при квартире Наполеона: полковник Fusy (C. ★).
Библиотекарь: Lemonnier.

Главная администрация

Мэтр по судебным ходатайствам, инспектор смотров, улица Lille, № 73: барон Félix (O. ★).

Суб-инспекторы смотров:
Шевалье Clarac (O. ★), улица S.-Georges, № 15,
Sabatier ★, улица Moulins, № 15,
Lasalle ★, улица Caumartin, № 12,
Charamond ★, улица Fb. Poissonniére, № 27,

Dangeny ★, улица Condé, № 20.
Помощник инспекторов смотров: Legras.
Военный комиссар распорядитель: Dufour (G.J.B.) ★.
Военные комиссары первого класса:
Dauxon ★, Odier , Toulgoët ★.
Военные комиссары второго класса:
Perceval ★, Lemaítre, Menoir, de Laneuville, Astrue.
Помощники Военных комиссаров:
Молодой Dauxon, Lanthonnet, Pellechet ★, Roux, Penguilly l'Haridon.
Помощники по административно-хозяйственной части:
Bellaguet ★, Picard ★, Bergés ★, Pierre, Toche.

Пешие гренадеры

Штаб

Дивизионный генерал, командующий полковник: граф Dorsenne (G. ★)
Дивизионный генерал, второй полковник: барон Roguet (C. ★)
Бригадные генералы, полковники штаба:
Барон Boyeldieu (C. ★)
Барон Rottembourg (O. ★)
Барон Berthezéne (C. ★)
Квартирмейстер-казначей в чине капитана: шевалье Réant ★
Капитан, ответственный за обмундирование: Digremont ★
Капитан, ответственный за продовольствие: Lambert ★
Офицеры атташе учебных батальонов в Фонтенбло:
Полковник, командующий школой: барон Christiani (O. ★)
Шеф батальона: шевалье Trappier (O. ★)
Адъютант в чине капитаны: Maigrot ★ и … .
Младший хирург: Belloc.

1-й полк гренадеров

Командующий майор: барон Michel (O. ★), бригадный генерал, полковник.
Шефы батальонов: шевалье Laurede (O. ★), шевалье Aversenc (O. ★).
Адъютанты в чине капитана: Belcourt ★, Ritter (O. ★).
Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Tardicu ★, Deperron ★.
Первый лейтенант орлоненосец: Chauvey ★.
Старший хирург: Dudanjon ★.
Младший хирург: Braise.
Сверхштатные офицеры:
Villeumeureux ★, капитан.
Dessirier, Huvé, первые лейтенанты.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	**……**	**Gremion ★…….**	**Lallemant C. ★, Roux ★**
2.	**Tailhan ★……**	**Dumont ★……..**	**Houarne ★, Bedelle ★**
3.	**Goutefrey ★……**	**Faré ★……**	**Platté, Laignoux**
4.	**……**	**Kermorial……..**	**Bresson ★, Anrioud**

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Chaud ★…….	Brasseur ★	Lac ★, Demontqueron.
2.	Chaillou ★…….	Antheaume ★	Porée ★, ……..
3.	Durye ★……..	Picq ★	Othenin, ……
4.	Higonet ★……...	Gosseret ★	Montpez, ……..

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
31 офицер, 1 294 гренадера и 35 лошадей.
Численность полка на 10 июля 1812 г., в Вильно:
32 офицера, 1 278 гренадер и 20 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
40 офицеров и 1 317 гренадер.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже.
1 марта 1812 г. – в Париже. В начале марта 2-а батальона покидают Париж и выступают на Мец, а потом движутся на Майнц.
Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Picq (лейтенант), ранен 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном.

Рота Ветеранов

Шеф батальона: шевалье Charpentier (O. ★).
Капитан: Magnée ★.
Первые лейтенанты:
Rebourg ★
Colletier ★
Вторые лейтенанты:
Beudin ★
Parvy ★
В кампании участие не принимала.

2-й полк гренадеров

Командующий майор: барон Harlet (О. ★).

Шефы батальонов: шевалье Albert (О. ★), Lavigne (О. ★).

Адъютанты в чине капитана: Leroy ★, ……..

Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Foucher ★, Guigneret ★.

Второй лейтенант орлоненосец: Lebeau ★.

Старший хирург: Heron.

Младший хирург: Sue.

Сверхштатные первые лейтенанты:

Jung,

Philidor ★,

Geoffroy.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Deblais ★…….	Oussot ★	Lallemand A. ★,
2.	Барон Hervieu ★….	Christiani ★	Susini, Porchet ★.
3.	Sicart ★……	Crétal ★	Borne ★, …….
4.	Fantin desOdoards ★	Dard ★	Tarlé ★, Harlet.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Jouette ★	Bourdin ★	Boisson ★
2.	…….	Vaude ★	Tardieu, Locqueneux.
3.	Godard ★…….	Andrivon	Germain ★,
4.	Barthelemy ★……..	Levaux ★	……..

Численность полка на 20 июня 1812 г.:

33 офицера, 1 079 гренадер и 36 лошадей.

Численность полка на 10 июля 1812 г., в Вильно:

34 офицеров, 1 030 гренадер и 33 лошади.

Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:

40 офицера и 1 136 гренадер.

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Париже.

1 марта 1812 г. – в Париже. 2 марта покидает Париж; 15 марта вступает в Мец, после выступает на Майнц и Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Favauge (капитан) ранен 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном, Umbgrove (лейтенант), Leveaux (лейтенант) ранен 5 января 1813 г. во время боя перед Кенигсбергом.

3-й полк гренадеров

Командующий майор: R.-D.Tindal, бригадный генерал.

Сверхштатный майор: Concourt.

Шефы батальонов: George, Duuring.

Капитан квартирмейстер: Ferrus.

Адъютанты в чине капитана: B.-G. Tindal, De Quay.

Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Reichardt, Overreitn.

Капитан, ответственный за обмундирование: Pyman.

Первый лейтенант, ответственный за продовольствие: Wagenaar.

Лейтенанты знаменосцы: Roelvink, Kronenberger.

Старший хирург: Jeannier.

Младший хирург: Schneidler.

Помощник хирурга: Janssen.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	De Kock	Jouy	Huygens, …….
2.	Favauge	Ambos	…….
3.	De Groot	Carteret ★	Liuden, Van Sprang.
4.	Kuyck	De Stuers	…….

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Mongel	……..	Baggelaar, ……..
2.	Boebel	Ninaber	…….
3.	De Sonnaville	Paets	Van Hoüten, Umbgrove.
4.	Van den Broech	Knoll	Mielieff, ……

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
41 офицер, 1 165 гренадер и 27 лошадей.
Численность полка на 10 июля 1812 г., в Вильно:
38 офицеров, 1 074 гренадер и 67 лошадей.

Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:

44 офицера и 542 гренадер (при выступлении из Смоленска к нему присоединились 2 офицера и 64 гренадер).

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Версале. 20 февраля выступает на Мец.

1 марта 1812 г. на марше, по направлению в Мец. 6 март – в Мече; 13 марта выступает на Майнц и Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Во время сражения при Красном 17 ноября 1812 г. – De Quay (адъютант в чине капитана) умер 20 января 1813 г., Boebel (капитан) ранен, скончался 24-го, Ambos (лейтенант) ранен, скончался 19-го, Ninaber (лейтенант) убит, Roskamp (лейтенант) ранен, скончался 24-го, Huygens (лейтенант) ранен, скончался 18 января 1813, George (шеф батальона) ранен, Tindal (адъютант в чине капитана) ранен, De Stuers (лейтенант) ранен, Scharp (лейтенант) ранен, Roelvinck (лейтенант) ранен, Vanderhoef (лейтенант) ранен, Bruigom (лейтенант) ранен. Hoeff (лейтенант) ранен 7 декабря 1812 г. при стычке впереди Вильны, Overreith (лейтенант помощник адъютанта) ранен казаками 11 декабря 1812 г. по дороге из Ковно, Janssens (помощник хирурга) ранен 11 декабря 1812 г. в амбулансе, двигавшимся из Вильны, Goossens (лейтенант) ранен 12 декабря 1812 г. по дороге, Ковно, Troegg (лейтенант) ранен 13 декабря 1812 г. при поднятии в гору, Ковно.

Полк Фузилеров-Гренадер

Командующий майор: барон Bodelin (O. ★)

Шефы батальонов: шевалье Vionnet (O. ★), шевалье Gillet (O. ★).

Адъютанты в чине капитана: Rostein ★, …..

Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Delaitre ★, Pasquy.

Старший хирург: Mouton.

Младший хирург: Cain.

Сверхштатный первый лейтенант : Boisseau ★.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
Эл.	Daix ★	Gabilloi ★	……..
1.	Brousse ★	Pernon	Monnot ★, Garbouleau.
2.	Goussin ★	Créquy ★	Vachin, ……
3.	…….	Maupas ★	Pierret ★, ….
4.	Desmoulins ★	Epailly ★	Rausi ★, Tamponet ★.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
Эл.	Rouillard ★	Egret ★	……..
1.	Барон Locqueneux (О. ★)	Guesdon ★	Favin, Rabourdin ★
2.	Moulin ★	Colomb ★	Deville ★, Gauthier ★
3.	Шевалье Jaquot (О. ★)	Lion ★	Grobert, ……..
4.	Laborde ★	Faucon	Serraris, ……..

Численность полка на 20 июня 1812 г.:

30 офицеров, 1 391 фузилеров-гренадер и 25 лошадей.

Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:

32 офицеров и 1 352 фузилеров-гренадер.

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Испании. Получает приказ вернуться во Францию.

1 марта 1812 г. – в Испании. 13 марта прибывает в Байону; 15 марта вступает в Париж.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Во время сражения при Красном 16 и 17 ноября 1812 г.: Gillet (шеф батальона) ранен, скончался 8 декабря, Guesdon (лейтенант) ранен 16-го, скончался, Vionnet de Maringoné (шеф батальона) ранен 17-го, Ribet (капитан) ранен 17-го, Delaitre (лейтенант помощник адъютанта) убит 17-го. Pierret (лейтенант) ранен 28 ноября 1812 г., на мосту через Березену, скончался 6 декабря. 10 декабря 1812 г. позади Вильно: Charlier (младший хирург) ранен и впоследствии исчез, Cain (младший хирург) ранен и впоследствии исчез. Raussy (лейтенант) ранен 13 декабря 1812 г. при поднятии в гору, Ковно, скончался.

1-й полк Тиральеров

Командующий майор: Lenoir ★.

Шефы батальонов: шевалье Porret ★, шевалье Vautrin ★.

Адъютант в чине капитана: Chicot ★.

Помощники адъютанта в чине суб-лейтенантов: Savy, Savard.

Офицер казначей, суб-лейтенант: Levesques.

Старший хирург: Chappe (О.★).

Младший хирург: Verge.

Сверхштатные капитаны:

Dutrône ★, Dhim.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Суб-лейтенанты
Эл.	Massol ★	Vaillant	……..
1.	Ranchon (О. ★)	…….	Roche, Dutérail.
2.	Шевалье Dambly (О.★)	…….	Regnault, Laucliéres.
3.	Lours ★	…….	Poingné, Chaussier.
4.	Bellanger ★	…….	Raboutet, Laporte.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	……	…….	Schmit, Legrand.
2.	……	…….	Guirgny, Charbonniéres.
3.	Durieux	…….	Koeler, Galle
4.	Folley ★	…….	Quinsac, …….

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
22 офицеров, 928 тиральеров и 18 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
32 офицера и 625 тиральеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Испании.
1 марта 1812 г. – в Испании. 14 марта прибывает в Байону; 16 марта вступает в Париж.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Izard (капитан) ранен 7-сентября 1812 г. в сражении при Бородино. Во время сражения при Красном 17 ноября 1812 г.: Roche (суб-летенант) убит, Laporte (суб-летенант) убит, Manescau (суб-летенант) убит, Regnault (суб-летенант) убит, Savy (суб-летенант помощник адъютанта), Vaillant (летенант) ранен 18-го, скончался 15 января 1813 г., Lenoir (майор) ранен, Delattre (суб-летенант) ранен, Savard (суб-летенант помощник адъютанта) ранен. Poignée (суб-летенант) убит 28 ноября 1812 г., сражение при Березене, Durieux (капитан) ранен 13 декабря 1812 г. позади Ковно, Charbonnières (суб-летенант) пропал 21 декабря 1812 г. около Немана, Dubiez (капитан) ранен 21 1812 на понтонном мосту на Немане.

2-й полк Тиральеров

Командующий майор: барон Flamand (О. ★).
Шефы батальонов: барон Lepaige-Dorsenne ★, шевалье Vezu ★.

Адъютант в чине капитана: Brémont ★.
Адъютанты в чине лейтенантов: Guillaume, Bouillet.
Помощник адъютанта в чине суб-лейтенанта: Chabrol.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Bonnet.
Старший хирург: Leroux.
Младший хирург: Lecomte.
Сверхштатный лейтенант: Gillet.
Сверхштатные суб-лейтенанты:
Isnard, Desroche, Guillabert, Delattre, Mauget, Decourt, Boon, Stoller.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
Эл.	Leclerc ★	Courtin ★	……	……
1.	Vandragt	…….	Tassard……	Lanthier……..
2.	Morlay ★	…….	Roelants…..	Karth,……..
3.	Шевалье Mercier ★	…….	Harant…….	D'Hauteville, Nogaret
4.	Déléage ★	…….	Grandchamp..	Grossardi…….

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	……	…….	Tarayre……	Beaujeu, Portalés
2.	Gastanier ★	…….	Riccardi…..	Roux, …….
3.	Lefargue ★	…….	Lefrotter….	Garde,…….
4.	Galois ★	…….	…….	……

В кампании участие не принимал.

3-й полк Тиральеров

Командующий майор: барон Darquier (О. ★).
Шефы батальонов: шевалье Mosnier (О. ★), шевалье Martenot (О.★).
Адъютант в чине капитана: Micheler ★.
Адъютанты в чине лейтенантов: Rulliére, Arnaud.
Помощники адъютанта в чине суб-лейтенантов: Trouette, Rallon.
Офицер казначей, су-лейтенант: Bréart.
Старший хирург: Charlier ★.
Младший хирург: Hérouart.
Сверхштатный шеф батальона: De Eerens
Сверхштатный лейтенант: Pypers

Сверхштатные суб-лейтенанты:
Guyonnet,
Sépiere,
Stutzer.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
Эл.	Cogne ★	Lavoine ★	……	……..
1.	Rozé ★	…….	Caupenne……	Du Theillet,…...
2.	Condé ★	…….	Chirac ……..	Godebert……...
3.	Шевалье Caron ★	…….	Delise…….	Labole,……..
4.	Déthan ★	…….	Macé…	Bourdon,……...

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	Cavardie ★	…….	Dupuis……	Morand.
2.	Mirabel ★	…….	Nolivos ★……..	Delagarde.
3.	Bureau ★	…….	Nompére de Champagny.	Cayroche ★
4.	Fougéres ★	…….	Posuel de Verneaux……	Dupuis

В кампании участие не принимал.

4-й полк Тиральеров

Командующий майор: барон Robert (О. ★).
Шефы батальонов: Pailhes ★, шевалье Faucon ★.
Адъютант в чине капитана: Guillemin (О.★).
Адъютанты в чине лейтенантов: Paillard ★, Malassagne.
Помощники адъютанта в чине суб-лейтенантов: Vigneaux, …..
Офицер казначей, су-лейтенант: Desprez.
Старший хирург: Lagneauj.
Младший хирург: Patuel.
Сверхштатный капитан: Destombe.
Сверхштатные суб-лейтенанты:
Dubourg,
Grissot,
Brunel,

Andréossy,
Lomaria-Dupart,
Fayet,
Meyer,
Heyermans,
Clement de Breugel.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
Эл.	Pelée ★	Poulmant ★	……	…….
1.	Шевалье Delauney ★	…….	Tourasse…	Canivet,……..
2.	Rouillé ★	…….	Delsol…….	…….
3.	Cirou ★	…….	Goupillaud	…….
4.	Bourchette ★	…….	Richard	Grangeneuve, Durége de Beaulieu

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	Bounoure ★	…….	Turq	Lachapelle de Beaulieu
2.	Deboisthierry ★	…….	Ubarghs	Bigorgne
3.	Deneuilly ★	…….	Rivals	Bilate
4.	Deleuze ★	…….	Demonchy	Fays

Численность полка 20 июня 1812 г.:
Определено позднее.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
29 офицеров и 232 тиральеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Испании.
1 марта 1812 г. – в Испании. В течение марта находится на марше из Байоны в Париж.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Fays (суб-летенант) ранен 17 августа 1812 г. на аванпосту позади Смоленска. Сражение при Красном 17 ноября: Germain (капитан) ранен, Sabatier (капитан) ранен, De Boisthierry (капитан) ранен, Turcq (лейтенант) ранен, Goupilleau (лейтенант) ранен, Duparc-Locmaria (суб-летенант) ранен,

Heyermans (суб-летенант) ранен. Bigorgne (суб-летенант) ранен 10 декабря 1812 г. в бою позади Вильно, Lachapelle de Beaulieu (суб-летенант) 12 декабря 1812 г. по дороге из Ковно. 31 декабря 1812 г. бой против казаков на Немане: Sabatier (капитан) ранен и пропал, De Boisthierry (капитан) ранен и пропал, Turcq (лейтенант) ранен и пропал, Grissot (суб-летенант) пропал, Heyermans (суб-летенант), Grangeneuve (суб-летенант) ранен и пропал.

5-й полк Тиральеров

Командующий майор: барон Hennequin (О.★)

Шефы батальонов: шевалье Léglise (О.★), Dupre ★.

Адъютанты: капитан Haillecourt ★, суб-лейтенант Bourgoing, суб-лейтенант Brisson.

Офицер казначей, суб-лейтенант: Foucher.

Старший хирург: Poirson.

Младший хирург: Danvers.

Первый батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	Vessillier ★	Cahier, Fontenailles.
2.	Lavillette ★	Roux Montagniére, Augros.
3.	Théry ★	Robin de Coulogne, Verger.
4.	Laigre ★	Brugiére de la Motte, Rameau.

Второй батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	Royére ★	Chavaux, Dausse.
2.	Emond ★	Poisson de Grandpray, Blancard.
3.	Thomas	Bros, Cruvellier.
4.	Léglise	Aubert, Tilly.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:

28 офицеров, 1 011 тиральеров и 18 лошадей.

Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:

27 офицеров и 470 тиральеров.

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Брюсселе.

1 марта 1812 г. – в Брюсселе. 2 марта покидает Брюссель и выступает на Магдебург, куда прибывает 29 марта.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Dun (капитан) ранен 16 ноября 1812 г. сражение при Красном, Bros (суб-летенант) ранен 23 ноября 1812, бой на дороге, Борисов. 28 ноября 1812 на мостах, Березены: Augros (суб-летенант) банен, впоследствии скончался, Coutelot (капитан) ранен, Brugière de la Motte (суб-летенант) ранен, Cahier (суб-летенант) ранен, Poisson de Grandpray (суб-летенант) ранен. Clavaux (суб-летенант) ранен 5 декабря 1812 г. бой позади Сморгони, Peyrani de Tourette (лейтенант) ранен 10 декабря 1812 г. бой позади Вильны, Emond (капитан) ранен 11 декабря 1812, бой на дороге, Ковно. 31 декабря 1812 г. бой против казаков на Немане: Blancard (суб-летенант) ранен и пропал, Brugière de la Motte (суб-летенант) пропал, Cahier (суб-летенант) пропал, Poisson de Grandpray (суб-летенант) пропал, Roux-Montagnière (суб-летенант) пропал, Rameau (суб-летенант) ранен, Fontenailles (суб-летенант) ранен.

6-й полк Тиральеров

Командующий майор: шевалье Carré ★.
Шефы батальнов: Masson ★, Golzio ★.
Адъютанты: капитан Baudry ★, суб-лейтенант Labruche.
Адъютант в чине суб-лейтенанта: Krebs ★
Офицер казначей, суб-лейтенант: Pasquier
Старший хирург: …….
Младший хирург: Mahieu.

Первый батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	……	Decourt, Lebre.
2.	Laurent ★	Démanny, Fayolle.
3.	Henry	Clément, Besson.
4.	Jegu ★	Beckers, Dubant.

Второй батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	Limonier ★	Pillion, Bruyneel.
2.	Alloze ★	Guillemot, Fournier.
3.	Touret ★	Rossi, Renoux.
4.	……..	Leduc, Ricard.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
22 офицера, 548 тиральеров и 18 лошадей.

Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:

31 офицеров и 300 тиральеров.

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Париже. 10 февраля выступает на Брюссель.

1 марта 1812 г. – в Брюсселе. 2 марта покидает Брюссель и выступает на Магдебург, куда прибывает 29 марта.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном: Marvie (капитан) ранен, Limonier (капитан) ранен, Laurent (капитан) ранен, Vertray (лейтенант) ранен, Pillion (суб-лейтенант) ранен, Clèment (суб-лейтенант) ранен. Labruche (суб-лейтенант исполняющий обязанности адъютанта) ранен 1 декабря 1812 г. во время боя около Сморгони. 9 и 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильны: Beckers (суб-лейтенант) ранен 9-го, Henry (капитан) ранен 10-го, Krebs (адъютант в чине суб-лейтенанта) ранен 10-го, Renoux (суб-лейтенант) ранен 10-го.

Пешие Егеря

Штаб

Дивизионный генерал, командующий полковник: барон Curial (С. ★)
Дивизионный генерал, второй полковник: барон Dumoustier (С. ★)
Бригадные генералы, полковники штаба:
Барон Lanabére (С. ★)
Барон Duvernet (О. ★)
Барон de Rebeval (О. ★)
Казначей-квартирмейстер в чине капитана: шевалье Larrouy ★
Капитан ответственный за продовольствие: Chamfroid ★
1-й лейтенант ответственный за обмундирование: Riviére ★
Офицеры атташе учебных батальонов в Фонтенбло:
Шефы батальонов: шевалье Ramand (О. ★), шевалье Castanié ★
Адъютант в чине капитана: Michel ★.
Капитаны:
Renaudin ★,
Keller ★,
Dufour ★,
Bertin ★,
Agnes ★,
Levé ★.
Первые лейтенанты:
Rouchard ★,

Donnet ★,
Julien ★,
Mesenguy ★,
Creté ★,
Noel ★.

1-й полк пеших егерей

Командующий майор: барон Gros (С.★), бригадный генерал.
Шефы батальонов: шевалье Secretan ★, шевалье Kessel ★.
Адъютанты в чине капитанов: Chartrand ★, Fabre ★.
Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Divat ★, Debay.
Второй лейтенант орлоненосец: Waro ★.
Старший хирург: Cathenet ★.
Младший хирург: Diéche.
Сверхштатные капитаны: Conste ★, Chabrar ★, Cheverry.
Сверхштатные лейтенанты: Veraure, Puchois.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Goutenoire ★	Farmcour ★	Sorreval ★, Blanc.
2.	Mouréze ★	Duchanois	Andouy ★, Galmich.
3.	Minville ★	Barbier	Stinville ★, ……..
4.	Cardinal ★	Lefranc ★	Amiot ★, ……..

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	…….	Blondon ★	……
2.	Chabrier.	Autry ★	Chevalier ★, Vildier.
3.	Roset.	Filix ★	Delostange ★, Bernerdi.
4.	Vernadet ★	Hœuillet ★	Thibaut ★, Damour ★.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
34 офицера, 1452 егерей и 40 лошадей.
Численность полка на10 июля 1812 г., в Вильно:
33 офицера, 1 359 егерей и 63 лошади.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
29 офицеров и 1 514 егерей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже.

1 марта 1812 г. – в Париже. 1 батальон покидает Париж, 11 марта, и выступает на Мец и Майнц, куда прибывает 3 апреля. 2 батальон покидает Париж несколькими днями после и прибывает в Майнц 19 апреля.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Dubois (лейтенант) ранен 16 ноября 1812 г. во время сражения при Красном.

2-й полк пеших егерей

Командующий майор: барон Rosey (О.★).
Шефы батальонов: шевалье Maillard ★, шевалье Rignon (О.★).
Адъютанты в чине капитанов: Marthé, Prelier ★.
Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Gros, Gouillard ★.
Второй лейтенант орлоненосец: Martin ★.
Старший хирург: Jourda ★.
Младший хирург: Emery.
Сверхштатные вторые лейтенанты: Richelet, Monnier.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Thiebaut ★	Angefet	Repsomen, Dacheux.
2.	Bacquet ★	Gomion ★	Hermand, Beauvais.
3.	Jaubert ★	Novel ★	Lions ★, Tournier ★.
4.	Turin ★	Leymet	Devert, Roy.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Missonnier ★	Dequeux	Rencurel, Penot ★
2.	Royer ★	Vandenheuvel	Grimpret ★, Carteret ★
3.	Braun ★	Lardier ★	Delarue, Peitz.
4.	Tabardin ★	Lamourette ★	Thevenin

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
41 офицер, 1245 егерей и 36 лошадей.
Численность полка на 10 июля 1812 г., в Вильно:
41 офицер, 1 210 егерей и 15 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
32 офицера и 1 268 егерей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже.

1 марта 1812 г. – на марше из Парижа в Мец. 14 марта прибывает в Мец, откуда направляется в Майнц и Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Laymet (лейтенант) ранен 26 декабря 1812 г. казаками во время отступления.

Полк Фузилеров-Егерей

Командующий майор: барон Vrigny (О.★).
Шефы батальонов: шевалье Darcantel (О.★), шевалье Lambinet (О.★).
Адъютанты в чине капитанов: шевалье Lebeau ★, Gillet ★.
Первый лейтенант квартирмейстер: Remeise ★.
Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов:Bulle ★, Rivet ★.
Второй лейтенант, ответственный за обмундирование: Coste j.
Старший хирург: Gallernat.
Младший хирург: Juville.
Сверхштатные: шеф батальона Suisse, капитан Bertrand.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Martin ★	Challe ★	Bouzenot, Petitjean ★
2.	Lecomte ★	Dubois ★	Donny ★, Guibal ★
3.	Шевалье Poudavigne ★	Escudier ★	Bocquet ★, Félix ★
4.	Шевалье Beurmann ★	Clément ★	Couté ★, Alary.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Perillat ★	Binet ★	Noury ★, Contou ★.
2.	Шевалье Laplane ★	Gauthier ★	Songeux ★, Tamponet ★.
3.	Шевалье Labusquette ★	Cuenot ★	Lepage ★, Lecomte ★.
4.	Шевалье Pion ★	Guyot ★	Delaborde ★, Godefroy ★.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
33 офицера, 1 322 фузилеров-егерей и 22 лошади.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
38 офицеров и 1 119 фузилеров-егерей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Испании. Получает приказ вернуться во Францию.
1 марта 1812 г. – в Испании. 13 марта прибывает в Байону, 15 марта вступает в Париж.

Потери в офицерском корпусе во время кампании составили: 16 и 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном: Martin (капитан) ранен 17-го, Challe (лейтенант) ранен 16-го, Delaborde (лейтенант) ранен 16-го. Labusquette (капитан) убит 20 ноября 1812 г. на дороге из Красного. Poudavigne (капитан) ранен 28 ноября 1812 г. во время сражение при Березене.

1-й полк Вольтижеров

Майор: барон Mallet ★
Шефы батальонов: шевалье Soules ★, шевалье Blondeau ★.
Адъютант в чине капитана: Raltier ★.
Помощники адъютанта в чине суб-лейтенантов: Rival, Cabanel ★.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Wangrave.
Старший хирург: Jacob ★.
Младший Хирург: Buisson.
Сверхштатный: Dupetit.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Contret ★	……	Cuignet, Guerin.
2.	Charvin ★	……	Caillet, Baillon.
3.	Heuzard ★	……	Teissier, Monget.
4.	Шевалье Saulnier ★	……	Fabre, Pétion.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Шевалье Mallet ★	……	Langlade et Perrin.
2.	Шевалье Bigot ★	……	Clément, Gasqueton.
3.	Шевалье Bere ★	……	Borier, Knap.
4.	Шевалье Dupont	……	Mallat, Dumas.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
25 офицера, 788 вольтижеров и 20 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
35 офицеров и 762 вольтижера.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Испании.
1 марта 1812 г. – в Испании. 14 марта прибывает в Байону, 16 марта прибывает в Париж.
Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Dupont (капитан) ранен 16 августа 1812 г. во время сражения за Смоленск, скон-

чался 25-го. 16, 17 и 18 ноября 1812 г. сражение при Красном: Soulès (шеф батальона) убит 16-го, Rattier (адъютант в чне капитана) ранен 17-го, скончался 16-го февраля 1813 г., Bigot (капитан) ранен 18-го, скончался, Luce (капитан) ранен, скончался, Ginoux (капитан) ранен, скончался, Fabvre (суб-лейтенант) убит, Teyssier (суб-лейтенант) убит, Dumas (суб-лейтенант) убит, Guérin (суб-лейтенант) убит, Knapp (суб-лейтенант) убит, Gasqueton (суб-лейтенант) убит, Audé (суб-лейтенант) убит, Caillet (суб-лейтенант) ранен, Mallet (майор) ранен, Blondeau (шеф батальона) ранен, Pion (шеф батальона) ранен, Charvin (капитан) ранен, Heuzard (капитан) ранен, Lefebvre (капитан) ранен, Chavin (капитан) ранен, Arnaud (капитан) ранен, Rival (адъютант в чине суб-лейтенант) ранен, Mougeys (суб-лейтенант) ранен, Cabanel (суб-лейтенант) ранен, Célment (суб-лейтенант) ранен. Pétion (суб-лейтенант) ранен казаками 1 декабря 1812 г., на дороге из Вильны.

2-й полк Вольтижеров

Командующий майор: барон Deshayes(O. ★)
Шефы батальонов: Penguern ★, Schramm ★.
Адъютант в чине капитана: Bosquet ★.
Помощники адъютанта в чине лейтенантов: Delabiche ★, Bonnet.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Lemercier.
Адъютанты в чине суб-лейтенантов: Vincent, Salomon.
Старший хирург: Rollin.
Младший хирург: Lassére.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Шевалье Garnier ★	Guillier	Colinet,……
2.	Шевалье Hubert ★	Prevost	Charlet,……
3.	Parahis (O.★)	Monsara	Prieur, Hourdier.
4.	Шевалье Villaret ★	Lafitte	Perrin,……..

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Шевалье Masse ★	Forestier	Hirsq,……
2.	Шевалье Albert ★	Dupeyrou	Dubreucq, Favier.
3.	Шевалье Barral ★	Burtz	Domenjeux,……
4.	…….	……	Vigier, Boutaut.

В кампании участие не принимал.

3-й полк Вольтижеров

Командующий майор: барон Cambronne (О.★)
Шефы батальонов: шевалье Bert ★, шевалье Desalons ★.
Адъютант в чине капитана: Bernelle ★.
Адъютанты в чине лейтенантов: Huet, Durand.
Помощник адъютанта в чине суб-лейтенанта: Lacretelle.
Офицер казначей: Chandellier.
Старший хирург: Zinck.
Младший хирург: Larrey.
Сверхштатные: лейтенант Reveu, суб-лейтенант Melchior, суб-лейтенант Morel.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	……	Anciaume	Pons
2.	Cambour	Barbé	Montaldy
3.	Шевалье Deschamps (О.★)	Desguiot	Babut
4.	Шевалье Lapeyre ★	Bourget	L'Héritier

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Vergez ★	Prisse	Pouderoux
2.	Шевалье Charraud (О.★)	Rebilly	Melissent
3.	Шевалье Galland ★	Chevalier	Victor
4.	Шевалье Hanuche ★	Linois	Senes

В кампании участие не принимал.

4-й полк Вольтижеров

Командующий майор: барон Nagle ★.
Шефы батальонов: шевалье Galté ★, шевалье Teyssere ★.
Адъютант в чине капитана: шевалье Finat ★
Адъютант в чине лейтенанта: Monnier.
Адъютант в чине суб-лейтенанта: Gemeau.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Seux ★.
Старший хирург: Mandon.
Младший хирург: Morin.
Сверхштатные:
Капитан Barbas ★,

Капитан Baruteau ★,
Суб-лейтенант Mativet,
Суб-лейтенант Trappier.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Шевалье Colomban ★	Duchesne	Gauffret, Audé.
2.	……..	Duhesme	Tegelaar, Cabiro.
3.	Dupart ★	Bacquet	Giraut, Lassonder.
4.	Шевалье D'Hervilly ★	Dast	Hoising, Despaignes.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Arem ★	Vallat	Morel, Vandenbrock.
2.	Шевалье Nicolas ★	Boisgelin	Gaillant, ……..
3.	Шевалье S.-Martin ★	Philippe.	Bénezech, Drouin.
4.	Шевалье Lebourcier ★	Anrez	De Germey, Docquier.

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
Определено позднее.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
32 офицера и 427 вольтижеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Испании.
1 марта 1812 г. – в Испании. В течение месяца находится на марше из Байоны в Париж.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном: Barbas (капитан) убит, Vandenbrock (суб-лейтенант) убит, Lamt (капитан) ранен, Mondon (старший хирург) ранен, Anrès (лейтенант) ранен, Duhesme (лейтенант) ранен, Galian (суб-лейтенант) ранен, Goupilleau (суб-лейтенант) ранен, Rival (суб-лейтенант) ранен. Pradier (суб-лейтенант) ранен 29 ноября на одном из мостов через Березену (умер 11 февраля 1813), Hoising (суб-лейтенант) ранен 6 декабря 1812 г. во время боя около Осмианы (Литва), Lasonder (суб-лейтенант) ранен 10 декабря 1812 г. во время боя впереди Вильны.

5-й полк Вольтижеров

Командующий майор: барон Sicard (О. ★).
Шефы батальонов: шевалье Boucher (О. ★), барон Varlet ★.
Адъютант в чине капитана: Mustchter ★

Помощник адъютанта в чине суб-лейтенанта: Segalas.
Помощник адъютанта в чине суб-лейтенанта: Demasles.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Dupuy.
Старший хирург: Caumette.
Младший хирург: Valentin.

Первый батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Devaux ★	…….	Prudhomme, Delée.
2.	Severin ★	…….	Preverand, Clément.
3.	Montazet ★	…….	Lafontaine, Chauchard.
4.	Bayeux ★	…….	Bernard, Borrit.

Второй батальон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Beau ★	…….	Sparre, Jacob.
2.	Godefroy ★	…….	Leleu, Delavigne.
3.	Caillot ★	…….	Menet, Gallery.
4.	Chassey ★	…….	Belot, Peyrany.

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
28 офицеров, 917 вольтижеров и 18 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
30 офицеров и 417 вольтижеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Брюсселе.
1 марта 1812 г. – в Брюсселе. 2 марта покидает Брюссель, 29 марта вступает в Магдебург.

*Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Chauchar (суб-лейтенант) ранен 7 сентября 1812 г. во время Бородинского сражения. 13 декабря 1812 г. во время боя впереди Ковно (Литва): **Séverin (капитан) ранен и пропал, Beau (капитан) ранен и пропал, Ségalas (помощник адъютанта в чине суб-лейтенанта)**, Dupuis (суб-лейтенант) ранен и исчез, Prudhon (суб-лейтенант) ранен и исчез, Delée (суб-лейтенант) ранен и исчез, Préverand (суб-лейтенант) ранен и исчез, Lafontaine (суб-лейтенант) ранен, **Sparre (суб-лейтенант) ранен, Delavigne (суб-лейтенант) ранен**, Jacobs (суб-лейтенант) ранен, Belot (суб-лейтенант) ранен, Peyrany (суб-лейтенант) ранен.*

6-й полк Вольтижеров

Командующий майор: шевалье Rousseau (О. ★).
Шефы батальонов: шевалье Pioch ★, шевалье Hurel ★.
Адъютант в чине капитана: шевалье Guerdin ★.
Помощники адъютанта в чине суб-лейтенантов: Enjalran, Moisson, ….
Офицер казначей, суб-лейтенант: Deschamps
Старший хирург: Berthet.
Младший хирург: Nidard.
Сверхштатные капитаны:
Charpentier,
Lombardeau,
Raberain,
Pissére

Первый батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	Roby ★	…….
2.	Vernére ★	Borien
3.	Dasque ★	Saint-Juste.
4.	……..	……..

Второй батальон

№	Капитаны	Суб-лейтенанты
1.	Sauce (О.★)	Aurias.
2.	…….	Conny.
3.	Linard	Sollier.
4.	…….	…….

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
25 офицеров, 621 вольтижеров и 19 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
31 офицер и 310 вольтижеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже. 10 февраля выступает на Брюссель.
1 марта 1812 г. – в Брюсселе. 2 марта покидает Брюссель, 29 марта вступает в Магдебург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 17 и 18 ноября 1812 г. во время сражения за Красный: Moisson (суб-лейтенант) убит 17-го, Plantin (суб-лейтенант) ранен 17-го (умер 16 декабря), Roby (капитан) ранен 18-го, Enjalrand (суб-лейтенант) ранен 17-го, Demondescourt

(суб-лейтенант) ранен 17-го, Deschamps (суб-лейтенант) ранен 17-го, Aurias (суб-лейтенант) ранен 17-го. 28 ноября 1812 г. во время сражения при Березене: Couny (суб-лейтенант) ранен и исчез, Pissère (капитан) ранен, Enjalrand (суб-лейтенант) ранен, Renoux (суб-лейтенант) ранен. 10 декабря 1812 г. во время боя впереди Вильны Renoux (суб-лейтенант) ранен, 17 декабря 1812 г. на дороге из Тильзита Aurias (суб-лейтенант) ранен и исчез, 19 декабря 1812 г. около Немана Deschamps (суб-лейтенант) ранен и исчез, 3 января 1813 г. на дороге из Кенигсберга Demondescourt (суб-лейтенант) ранен и исчез.

Полк Национальной Гвардии

Командующий майор: барон Couloumy ★
Второй майор: Balthazard ★
Шефы батальонов: барон de Zaepffel ★, шевалье Jouan ★.
Адъютант в чине капитана: Jolain ★, Broussouze ★.
Лейтенант квартирмейстер: Cousin.
Офицер казначей, суб-лейтенант: Piaget.
Орлоненосец: Gentil.
Старший хирург: Bellenand.
Младший хирург: Besse.
Помощники адъютанта: Harsans, Zandyck.
Сверхштантый суб-лейтенант: Langris.

Первый батальон

№	Капитаны	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
Гр.	Coppens	David	Marc
1.	Lecorps ★	Hagre	De Guizelin
2.	Caumont	Bun	Meurizet
3.	Zevort	Maquerel de Pleineselve	Servatius
4.	Caqueray de Frileuse	Lerahier	Guillaumet
Вол.	Dauphin	De Giverville	Linard ★

Второй батальон

№	Капитаны	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
Гр.	Desfontaines	Desbuffards	Guillaume
1.	De Bucy	Hans	Suply
2.	Dupuis	Renart	Beissac
3.	De Crétot	Dhennezel	Laurent
4.	Maillard	Gallois	Heroguelle
Вол.	Lepesant-Lamazure	Duquesnoy	Le Metaer

В кампании участие не принимала.

Полк Фланкеров

Командующий майор: шевалье Pompejac ★
Шефы батальонов: шевалье Gueurel (О.★), Holtz (О.★)
Адъютант в чине капитана: Gonichon ★
Адъютант в чине лейтенанта: Girot
Адъютант в чине лейтенанта: Daudier
Офицер казначей, суб-лейтенант: Percheron
Старший хирург: Vitrac
Младший хирург: Paulin

Первый батальон

№	Капитаны	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	Moreau	Lachapelle	Favier
2.	Isch.	Baile	Malapert
3.	Hauton	Regnault	Bassaget
4.	Saisset	Couet-Lorry	Chouveroux

Второй батальон

№	Капитаны	Лейтенанты	Суб-лейтенанты
1.	Allemand	Gentil	Tibleau
2.	Daran	Lacretelle	Lavaisse
3.	Delanoy	Derouen	Beaupere
4.	Truguet	Gobert	Varlet

Численность полка на 20 июня 1812 г.:
25 офицеров, 1 134 фланкеров и 14 лошадей.
Численность полка на 13 ноября 1812 г., в Смоленске:
28 офицеров и 591 фланкеров.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Рюэле.
1 марта 1812 г. – в Рюэле. 1 батальон 2 марта выступает на Майнц.
Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 17 ноября 1812 г. во время сражения за Красный: Bassaget (суб-лейтенант) убит, Delannoy (капитан) ранен. 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену Malapert (суб-лейтенант) ранен, 13 декабря 1812 г. во время боя около Ковно Girot (лейтенант) ранен.

Полк Воспитанников

Полковник: Bardin ★
Майор: Dibbets
Капитан квартирмейстер: Vandewoorde
Шефы батальонов:
Mugne
Westenberg
L'Honneux
Rochelle
Brade
Tengnagell
Devassy
Savarin
Lefebvre
Адъютанты в чине капитана:
Vandenberg
Charlot ★
Troulot ★
Fuselier ★
Beollaard
Van Bronkhorst
Lenoir ★
Plafait
Lamoureus ★
Cornaglin
Konne
Адъютанты в чине лейтенантов:
Vandermonden
Phyffer
Dolman
De Beesten
Spengler
Sanders
Corbelyn
Старшие хирурги:
Lemoine
Marin
Младшие хирурги:
Petersen
Demanget
Opdelacy
Héséque
Sue
D'Hercourt

Капитаны

Schiphorst. Aumont ★. Kirchner. Plée ★. Minyielle. Génisson ★. Jevin. Leger ★.	Padtberg. Seguin ★. Schantz. Dalaut ★. De l'Echelle. Leclerc ★. Kessler.	Landeau ★. Vander Dussen. Dumesnil ★. Delafarre. Boucher ★. Monhemius. Michel ★.	Simonnot ★. Largilliére ★. Carben. Hugonnet ★. Vuaille. Faivre ★. Gauge.	Lacour ★. Waldkrch. Mayot ★. Weytingh. Blom. Dubattu. Brouchon.

Лейтенанты

Reuther. Croes. Caron ★. Stohlman. Stock. Lente. Durafouce ★. Follet ★.	Alizon. Thiel. Bonnet. Werner. Schimpf. Theyssen. Brouwers. Verdelet.	Deschamps. Schlosser. Veldkamps. Tepper. Dehu. Luykel. Martin. Rietstap.	Sens. Bemffer. Latour. Bietz. Decourt ★. Hamersma. Corbrion ★. Poplimont ★.	Lecomte. Rouillard. Casi ★. Martin E. Victor ★. Keiser. Vanizac. Vental.

Суб-лейтенанты

Bossoney. Dumois. Clément. Barbette. Buchner. Sutherland. Rouville. Carles. Pujol.	Vanderlugt. Charon. Peelr. Ipenburg. Valkenburg. Crouillebois. Creuster. Klein	Bideault. Garavel. Dupanis. Vand-Dyk. Mouras. Delava Dumas. Vankrieken.	Gonodé. Maurentz. Maigné. Chambon. Staalvanholstein. Barré. Som.	Schreyver. Dietz. Faure. Damour. Barhereau. Schneider. …….. ……..

В кампании участие не принимал.

Конные Гренадеры

Штаб

Командующий полковник: граф Walther (G.A.★) дивизионный генерал.

Майоры: барон Lepic (C.★) бригадный генерал, барон Chastel (O.★) бригадный генерал.

Шефы эскадронов: барон Perrot (O.★); квартирмейстеры – шевалье Mesmer (O.★), барон Remy (O.★), шевалье Hardy ★, Morin (O.★), Véniére (O.★), Pernet (O.★).

Адъютанты в чине капитанов: Scribre ★, Spennel ★.

Капитан инструктор: Le Maire ★.

Помощники по административно-хозяйственной части: капитан Lajoie ★, первый лейтенант Varnout ★, первый лейтенант Messager ★.

Помощники адъютанта: первый лейтенант Schmidt ★, первый лейтенант Lepot ★, первый лейтенант Dessoffy ★, первый лейтенант Le Roy ★, второй лейтенант Guindey ★.

Орлононосцы в чине вторых лейтенантов:

Lapersonne ★, Bertrand ★, Latartre ★, Manaut ★.

Старшие хирурги:

Diéche ★, Valet ★, Liberon.

Младшие хирурги:

Descot, Gauthier.

Сверхштатные:

Капитан Billaudel ★, капитан Javarry ★, первый лейтенант Valter ★.

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1. 6.	Bufgraff ★. Dufourg ★.	Tueffert ★,…… Borde (O.★), Franquin ★.	Hablot ★, Jeannet ★. Pannier ★, Teysseyre ★.
Второй эскадрон			
2. 7.	Gautron (O.★). Le Clerc ★	Rollet (O.★), Coffinhal ★. Poncet ★, Legrand ★.	Moreau ★, Verpillat ★. Patrin ★, Glauron.
Третий эскадрон			
3. 8.	Delaporte ★. Goubet (O.★).	Bufquin ★, Calvy ★. Audeval ★,…….	Le Cat ★, La Bachellerie. Lignot ★, Bruneau.
Четвертый эскадрон			
4. 9.	Juncker ★. Berger ★.	Barton ★, Coutausse. Richard ★,……	Junck ★,……. Billot ★,……..
Пятый эскадрон			
5. 10.	Ollivier ★. Harembert ★.	Mary ★, Mahy ★. Bouvier Destouches ★, Gaudinot ★.	Allmacher ★,…… Bergeret ★,……...

Численность полка на 1 июля 1812 г.:

70 офицеров, 1 096 конных гренадер и 1 307 лошадей.

Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Париже.

1 марта 1812 г. – в Париже. В марте выступает из Парижа, на-

правляясь на Мец, откуда движется на Майнц, прибыв туда 23-27 марта, потом берет направление на Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Legrand (лейтенант) ранен 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену (скончался 13 декабря), Audeval (лейтенант) убит 10 декабря 1812 г. во время боя перед Вильно. 13 декабря во время боя около Ковно: Bergeret (лейтенант) ранен (скончался 23 марта 1813 г), Coffinal (лейтенант) ранен (скончался 7 января 1813 г).

Драгуны

Штаб

Командующий полковник: граф de S.-Sulpice (С.★) дивизионный генерал.

Майоры: барон Letort (О.★), барон Marthod (О.★).

Шефы эскадронов: шевалье Lérivint ★, шевалье Pucheu ★, шевалье Hoffmayer ★, Testot Fery ★, Montigny ★.

Квартирмейстер-казначей, капитан: Delassus ★.

Капитан инструктор: Sachon ★.

Адъютанты в чине капитанов: шевалье Chatry Delafosse ★, Tierce ★.

Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Alexandre ★, Lancestre ★, Cacheleux ★, Legrand ★, Bloume ★.

Орлоненосцы в чине вторых лейтенантов: Hunold ★, Dubourg ★, Landry ★, Gency ★.

Помощники по административно-хозяйственной части: первый лейтенант Orby ★, второй лейтенант Maronnier ★, второй лейтенант Gibert ★.

Старшие хирурги: Raiffer ★, Foucart ★.

Младшие хирурги: Blondy, Degenssac

Помощник хирурга: Auvity

Сверхштатные: капитан Clément de Ris ★, капитан De Montarby.

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1. 6.	Thierry ★ Racquet (О.★)	Vuillemey ★, Carré ★. Deverdiere ★, Dulac ★.	Chabrand ★, Brabant ★. Vincent ★, Villemette.
Второй эскадрон			
2. 7.	Macé ★. Belot ★.	Aguy ★, Pisler ★. Despierres ★, Hallé ★.	Lepaumier ★, Germont ★. Hulot ★, Reizet.

Третий эскадрон			
3. 8.	Ligier ★. François ★.	Dupuis ★, Jomard ★. Brundsaux ★, Robert ★.	Heid ★, Braconnot ★. Buchot ★, Gandolfi ★.
Четвертый эскадрон			
4. 9.	Шевалье Pictet ★. Meyronnet ★.	Maillard ★, Hérissant ★. Larzillere ★, Tiersonnier.	Delapierre ★, Carré ★. Chevalier ★, Leblanc ★.
Пятый эскадрон			
5. 10.	Mercier (О.★). Chamorin ★.	Pillay ★, Costalin ★. Crosnier ★, Deneuilly ★.	Desroches ★, Landry de Saint-Aubin ★. Monneret ★,……..

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
64 офицеров, 1 015 драгун и 1 217 лошадей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже.
1 марта 1812 г. – в Париже. В марте выступает из Парижа, направляясь на Мец, откуда движется на Майнц, прибыв туда 23-27 марта, потом берет направление на Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: Pinteville (старший полковник) ранен 7 сентября 1812 г. во время сражения при Бородино. 23 сентября 1812 г. во время рекогносцировки впереди Москвы: Lerivint (шеф эскадрона) убит, Marthod (шеф эскадрона) ранен (скончался 5 октября), Hoffmayer (шеф эскадрона) ранен, Ligier (капитан) ранен, Legrand (помошник адъютанта в чине лейтенанта) ранен, Hulot (лейтенант) ранен, Pisler (лейтенант) ранен. 3 октября 1812 г. во время боя впереди Москвы Leblanc (лейтенант) убит. 25 октября 1812 г. во время сражения при Малоярославце Gandolph (лейтенант) ранен, Le Paumier (лейтенант) ранен, Leblanc (лейтенант) ранен. 18 ноября 1812 г. во время сражения при Красном Robert (лейтенант) ранен. 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену Chabran (лейтенант) ранен.

Конные егеря

Штаб

Командующий полковник: граф Lefebvre Desnoettes (С.★), дивизионный генерал.

Второй командующий полковник: барон Guyot (С.★), дивизионный генерал.

Майоры: барон Lion (О.★), полковник; барон Davrange-d'Haugeranville (О.★), полковник; полковник ……. .

Шефы эскадронов: шевалье Mugnier (О.★), шевалье Schneit (О.★), шевалье Joannes (О.★), Rabusson (О.★), шевалье Bayeux (О.★), Labiffe (О.★).

Квартирмейстер-казначей, капитан: Guiot ★.

Капитан инструктор: Bellebaux ★.

Адъютанты в чине капитанов: Domengé ★, Séve ★.

Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Assant ★, Deville ★.

Помощники адъютанта в чине вторых лейтенантов: Keraval ★, Vazillier ★, Benton ★.

Помощники по административно-хозяйственной части: капитан Maziau (О.★), первый лейтенант Donchery (О.★), второй лейтенант Bonnet ★.

Орлоносцы: первый лейтенант Perrier (О.★), второй лейтенант Allié, второй лейтенант Bayard ★, второй лейтенант Lepape ★.

Старшие хирурги: Lachome ★, Ferrus ★.

Младшие хирурги: Bockenheim ★, Pergot ★, Sorlin ★.

Сверхштатные: шеф эскадрона Lafite ★, барон, бригадный генерал, майор Excelmans (О.★).

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1. 6.	Cayre ★. Parizot (О.★)	Charel (О.★), de Kleinenberg ★. Thervay ★, граф Oudinot.	Enjubault ★, Speriére ★. Cabart ★, Décalogne ★.
Второй эскадрон			
2. 7.	Vieilh ★. Lebrasseur ★.	Lambert (О.★), Gay ★. Dupont ★, Levasseur ★.	Brice ★, Helson ★. Mey de Charles ★, Moutard ★.
Третий эскадрон			
3. 8.	Rougcot ★. Schmidt ★.	Basse ★, Faurés ★. Viala ★, Dieudonné ★.	Piquemal ★, Forcioli. Darmagnac ★, Rolin ★.
Четвертый эскадрон			
4. 9.	Thomas ★. Moysant ★.	Garnier (О.★), барон Duc. Barbanégre(О.★), Bourdon ★.	Durand ★, Gutschenreiter. Faite ★, Rudelle ★.
Пятый эскадрон			
5. 10.	Bureau (О.★). Bro ★.	Robin ★, Pichon ★. Achintre ★, Bourgeois ★.	Lemaire ★, Allimant ★. Bugat ★, Vadon ★.

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
70 офицеров, 1 107 конных егерей и 1 366 лошадей.
Дислокация:

1 февраля 1812 г. – в Париже.

1 марта 1812 г. – в Париже. В марте выступает из Парижа, направляясь на Мец, откуда движется на Майнц, прибыв туда 23-27 марта, потом берет направление на Вюрзбург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 14 октября 1812 г. на аванпосту позади Москвы Thervay (лейтенант) ранен. 15 октября 1812 г. во время боя на Калужской дороге Faures (лейтенант) ранен. 24 октября 1812 г. во время сражения при Малоярославце ***Basse (лейтенант) ранен. 25 октября 1812 г. во время боя впереди Малоярославца:*** *Kirmann* ***(шеф эскадрона) ранен, Schmidt (капитан) ранен, Vazilier (лейтенант) ранен,*** *Forcioli* ***(лейтенант) ранен. 17 ноября 1812 г. во время сражения за Красный*** *Bouton* ***(помощник адъютанта в чине лейтенанта) ранен (умер 20 декабря). 21 ноября 1812 г. во время боя на дороге из Борисова*** *Dijols (капитан) ранен. 7 декабря 1812 г. на дороге из Вильны Dieudonné (лейтенант) ранен (скончался 8-го числа).*

Мамлюки

Штаб:
Шеф эскадрона, командующий: шевалье Kirmann (О.★).
Капитан инструктор: Abdalla ★.
Помощник адъютанта в чине второго лейтенанта: Delor ★.
Орлоненосец в чине второго лейтенанта: Fonnade ★.
Старший Хирург: Mauban ★.
Капитаны:
Renno (О.★),
Daoud (О.★).
Первые лейтенанты:
Chahin (О.★),
Elias ★.
Вторые лейтенанты:
Soliman ★,
Gay ★,
Kapfer ★,
Mirza ★.

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
8 офицеров, 67 мамлюков 100 лошадей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Париже.
1 марта 1812 г. – в Мелюне.

Первый полк шволежеров-лансьеров

Штаб:

Полковник, бригадный генерал: граф Krasinski (С.★).

Майоры: бригадный генерал Konopka (С.★), барон Dautancourt (О.★).

Шефы эскадронов:

Барон Kozietulski (О.★),

Барон Chlapowski ★,

Шевалье Jerzmanowski ★,

Krasinski (Pierre) ★,

Fredro ★,

Шевалье Rostworowski, старший ★,

Квартирмейстер-казначей, капитан: шевалье Raulet ★.

Адъютанты в чине капитанов: Giedroyé, De la Roche.

Помощники адъютанта: первый лейтенант Coulon ★, первый лейтенант Deshayes ★, первый лейтенант шевалье Vianney ★, первый лейтенант Ladroite ★, второй лейтенант Sikorski.

Орлоненосец: Rostvorowski, младший.

Су-инспектор: второй лейтенант Zolkiewiez.

Капитан по обмундированию: Pfeiffer.

Старшие хирурги: Girardot ★, Maugras ★.

Младшие хирурги: Courtiade ★, Gadowski.

Помощник хирурга: Kuszanski.

Сверхштатные вторые лейтенанты: Horaczko, Stanizwoski.

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1.	Zaluski (Riv.) ★.	Hempel, младший ★…..	Krasinski, молодой.
		Hempel, старший ★…..	Zawadzki.
5.	Шевалье Szeptycki ★.	Malinowski……	Cickocki ★.
		Mierzeiewski ★…….	Mattaszynski.
Второй эскадрон			
2.	Jordan ★.	Dobiecki	Chodakowski
		Gotartowski, старший	Gotartowski,
6.	Skarzynski ★.	Luszczewski	молодой.
		Balinski	Lubanski.
			Wasilewski ★.

Третий эскадрон			
3. 7.	Jankowski ★. Шевалье Broski ★.	Niegolewski ★…….. Todwen, старший ★. Mikulowski, Zielunka ★.	Zaluski. Lacki. Wasowicz, Fieknowski.
Четвертый эскадрон			
4. 8.	Zayonzek Шевалье Trzcinski.	Kruszewski ★…… Zawidzki…… Vandernoot…… Korycki……..	Wilczek ★. Kilihski. Kielkiewicz. Trzcinski (Clément)

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
69 офицеров, 887 лансьеров и 1 685 лошадей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Шантилли. 20 февраля выступает на Майнц.
1 марта 1812 г. на марше в Майнц. 14 марта в Майнце, 8 апреля прибывает в Дрезден.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 18 октября 1812 г. во время боя у Вороново Brocki (капитан) ранен. 18 октября 1812 г. во время боя у Вороново Roman (лейтенант) ранен. 23 октября 1812 г. при деле на дороге из Калуги Koziétulski (шеф эскадрона), 7 декабря 1812 г. на дороге из Вильны, казаками Wisniewski (лейтенант) ранен.

Второй полк шволежеров-лансьеров

Штаб:
Полковник, бригадный генерал: барон Colbert (С.★).
Майоры: полковник Dubois, Vanhasselt.
Шефы эскадронов:
De Tiecken,
Hoevenaar ★,
Coti,
Барон de Vatteville ★.
Квартирмейстер-казначей, капитан: Dufour.
Капитан инструктор: Van Balveren.
Адъютанты в чине капитанов: Courbe ★, Delafargue.
Помощники адъютанта в чине первых лейтенантов: Royen, De Fallot, De Stuers, Heshusius.
Орлоненосец: Verhaagen первый лейтенант.
Старшие хирурги: Mergel, Hennige.
Младшие хирурги: Stutterheim, Steenis.

Сверхштатные вторые лейтенанты:
Spies, J.C.,
Spies, J. W. C.,
Spies, J.F.,
Bredenback.

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1. 5.	Van-der-Meulen… Sterke……	…….. Bocher……..	Tenbrinch-Weerts. Brepoels. Leutner. Van-Doorn.
Второй эскадрон			
2. 6.	Post…… Dumonceau……	Chomel…….. Mascheck……..	Franck. Geubels. De Wackerwanzon. Zieglen.
Третий эскадрон			
3. 7.	Calkoen…… Tulleken……..	Van Zuylen-van-Nyevelt. Vermaesen……..	Paats-van-Wychgel. De Bellefroid. Das. De Jongh.
Четвертый эскадрон			
4. 8.	Schneiter…… Werner……	Van-Haersolte…… Van Heyden……	Van-der-Linden. Van Omphal. Delaizement. Willich.

Численность полка на 1 июля 1812 г.:
57 офицеров, 1 095 лансьеров и 1264 лошадей.
Дислокация:
1 февраля 1812 г. – в Версале. 10 февраля выступает на Брюссель.
1 марта 1812 г. – в Брюсселе. 2 покидает Брюссель и через Маэстришт, Везель, Мюнстер, Минден, Брюнсвик движется на Магдебург, куда прибывает 28 марта.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 27 июля 1812 г. во время боя на аванпосту: Van-Vychgel (лейтенант) ранен (скончался 17 января 1813 г), Van-Zuylen-Van-Nyeveld (лейтенант) ранен. 7 сентября 1812 г. во время сражения при Бородино Fallot (лейтенант) ранен. 25 сентября 1812 г. во время дела впереди Москвы Delaborde (лейтенант) ранен. 28 ноября 1812 г. во время сражения при Березене: Van-Hasselt (майор) ранен (скончался 30 числа), Courbe (капитан) ранен (скончался 22 декабря), Sterke (лейтенант) ранен и исчез 3 января 1813 г., Das

(лейтенант) ранен (скончался 16 декабря), Verdière (шеф эскадрона) ранен, Heyden (лейтенант) ранен. 7 декабря 1812 г. на дороге из Вильны De Watteville (шеф эскадрона) смертельно ранен. 10 декабря 1812 г. позади Вильны Vandermeulen (капитан) ранен и исчез. 14 декабря 1812 г. при деле около Ковно Timmerman (капитан) ранен и исчез. 15 декабря 1812 г. на дороге из Тильзита Fischer (лейтенант) ранен и исчез.

Элитные жандармы

Штаб:

Полковник, дивизионный генерал: граф Durosnel (G.★).

Полковник-майор: барон Henry (O.★).

Шефы эскадронов:

Барон Meckenem (O.★),

Janin ★.

Квартирмейстер-казначей, шеф эскадрона: шевалье Colin ★.

Адъютант в чине капитана: шевалье Oger (O.★).

Капитан инструктор: Richoux ★.

Помощники адъютанта: первый лейтенант Sarrazin ★, второй лейтенант Batut ★.

Помощники по административно-хозяйственной части: первый лейтенант Pidoux ★, первый лейтенант Clement.

Орлононосецы в чине вторых лейтенантов: Letondal ★, Marache ★.

Старший хирург: Celiéres ★.

Младший хирург: Durand.

Сверхштатные вторые лейтенанты, придворные фурьеры:

Шевалье Deschamps ★,

Шевалье Emery ★.

Первый эскадрон

№	Капитаны	Первые лейтенанты	Вторые лейтенанты
1. 2.	Lagorsse ★. Pinon ★.	Labbé, Pachot. Compagnon ★, ……..	Petit ★, Cuvillier. Moléne ★, Lacour.
Второй эскадрон			
3. 4.	Doncœur ★. Borne (O.★)	Perrottet ★, Verjus ★. Hallouin ★, Garbé ★.	Jeanrot ★, Barrier ★. Laborde ★, Burgeat.

Численность полка на 1 июля 1812 г.:

28 офицеров, 363 элитных жандармов и 476 лошадей.

Дислокация:

1 марта 1812 г. – в Париже и в Антверпене. Отряд в количестве 50

жандармов покидает Париж с 1 полком шволежеров. 14 марта в Майнце, 8 апреля прибывает в Дрезден. Второй отряд покидает Антверпен 5 марта с батальоном рабочих моряков. 29 марта прибывает в Магде-бург.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили: 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену: Oger (капитан) ранен (скончался 26 декабря), Batut (лейтенант) ранен (скончался 18 декабря), Letondat (лейтенант) ранен (скончался 1 января 1813 г.), Burgeat (лейтенант) ранен (скончался 7 декабря). 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильны Laborde (лейтенант) ранен. 13 февраля 1813 г. во время дела позади Познана: Jeanrot (лейтенант) ранен, Borne (лейтенант) ранен.

Артиллерия

Штаб

Полковник, дивизионный генерал: граф Sorbier (G. ★)

Бригадный генерал, командующий Артиллерийской Школой в Фэрэ: барон d'Aboville (O. ★)

Бригадный генерал, майор конной артиллерией: барон Desvaux (O. ★)

Полковник, майор пешей артиллерией: барон Drouot (O. ★)

Майор начальник парка: Pellegrin-Millon (O. ★)

Шефы эскадронов: майор, барон Dubuart-Marin (O. ★), Chauveau (O. ★).

Шефы батальонов: майор, барон Boulard (O. ★), Pommereul ★, барон Lallemand ★, Cottin ★, Henrion (O.★).

Командующий капитан, адъютант конной артиллерии: Mancel ★.

Капитан, адъютант пешей артиллерии: Evain ★.

Лейтенанты помощники адъютанта конной артиллерии: Cercelet ★, Guilley ★.

Лейтенанты помощники адъютанта пешей артиллерии: Hortel ★, Zeis, Sallerin ★, Charpentier ★.

Капитан-квартирмейстер: Bécu.

Первый лейтенант по обмундированию: Duval ★.

Первый лейтенант по гвардейскому инженерному парку: Grapin.

Старший хирург: Therin (O. ★), Souchotte.

Младший хирург: Boileau

Преподаватель математики: Servois.

Пешая артиллерия

Командующий капитан	Вторые капитаны	Первые лейтенант	Вторые лейтенанты
Couin ★.	Tardy de Mont	Dumont ★.	Lasarras.
Pion ★.	Ravel ★	Munereau ★.	Demerville.
Montlebert ★.	Euvrard ★.	Bosquette ★.	Dumas-Culture.
Framery ★.	Maillard ★.	Beranger ★.	Aubert.
Foltz ★.	Lefrançais ★.	Demetz ★.	Stutz.
Bonnafos ★.	Leclerc ★.	Derrion ★.	Aubertin.
Mabru ★.	Durbach ★.	Thouvenel ★.	Riviére.
Aubert ★.	Eggerlé ★.	Bollemont ★.	Lanouc.
Mocquart ★.	Paillhou ★.	Fourcroy.	……
	Cuny ★.		

Конная артиллерия

Командующий капитан	Вторые капитаны	Первые лейтенант	Вторые лейтенанты
Ceorges Delemue (O.★)	Allavenne ★.	Massias ★.	Huet.
Sandras (O. ★)	Savarin ★.	Devries.	De Marcilly.
Lafond (O. ★)	Dechambray ★.	List.	Delabigne.
Boisselier (O. ★)	Laporte ★	Denizet ★.	Lyautet.

Понтонеры-Рабочие

Oudin ★.
Lavillette ★.
Guettmann ★.
Guichard ★.

Артиллерийский обоз

Первый батальон

Шеф батальона: Leroi ★.
Адъютант: Dutaillis ★.
Квартирмейстер: Nicolas.
Старшие унтер-офицеры: Anozet ★, Bouriot.
Хирург 2-го класса: Hery.
Хирург 3-го класса: Pichot.
Лейтенанты командующие ротами: Beudot ★, Colomb ★, Ciret (Louis) ★, Senille ★, Bertrand ★, Baron ★.
Сверхштатный суб-лейтенант: Breniéres ★.

Второй батальон

Шеф батальона: Demaidy ★.
Адъютант: David ★.
Квартирмейстер: Vallery.
Помощник суб-лейтенантов: Dubois ★.
Старший унтер-офицер: Fournel ★.
Хирург 2-го класса: Was.
Хирург 3-го класса: Dusourbier.
Лейтенанты командующие ротами: Godin ★, Arnoux ★, Lemercier ★, Fouet ★, Genin ★, Ciret (Prosper) ★.
Сверхштатные: командующий капитан Bulotte ★, квартирмейстер Monin ★.

Инженеры

Бригадный генерал, полковник: барон Kirgener de Planta (C. ★).
Майор: Boissonnet (O. ★).
Шеф батальона: Guiraud ★.
Капитан: Fournier ★.
Помощник лейтенанта: Lebis.

Рота саперов

Шеф батальона, командующий капитан: Poulain ★.
Первый лейтенант: Juillet.
Второй лейтенант: Duguet ★.

Экипаж моряков

Вице-адмирал, командующий: граф Ganteaume (G. A. ★).
Капитан корабля, майор: барон Motard (C. ★).
Лейтенант корабля, адъютант: Gerodias (O. ★).
Капитан, казначей-квартирмейстер: Gobert de Neufmoulin.
Старший хирург: шевалье Taillefer ★.

Первая рота

Лейтенант корабля, капитан: Gerdy ★.
Лейтенант корабля, первый лейтенант: Ferrand.
Лейтенант корабля, второй лейтенант: Perrot.

Вторая рота

Лейтенант корабля, капитан: шевалье Etchegaray ★.
Лейтенант корабля, первый лейтенант: Poideloue.
Лейтенант флота, второй лейтенант: Allary ★.

Третья рота

Лейтенант корабля, капитан: Grivel (O. ★).
Лейтенант флота, первый лейтенант: Denuelle.
Лейтенант корабля, второй лейтенант: Gueydan.

Четвертая рота

Лейтенант корабля, капитан: шевалье Tessier de Marguerittes ★.
Лейтенант корабля, первый лейтенант: Gautier.
Лейтенант корабля, второй лейтенант: Préaux.

Пятая рота

Лейтенант корабля, капитан: шевалье Leroy ★.
Первый лейтенант: …….
Лейтенант флота, второй лейтенант: Allegre.

Шестая рота

Лейтенант корабля, капитан: Boniface ★.
Лейтенант корабля, первый лейтенант: Ollivier.
Лейтенант корабля, второй лейтенант: Gallois ★.

Седьмая рота

Лейтенант корабля, капитан: Bouvier Destouches ★.
Первый лейтенант: ……
Второй лейтенант: …….

Восьмая рота

Капитан: ……..
Первый лейтенант: …….
Второй лейтенант: ……..

Батальон обоза

Штаб

Командующий: Gubert.
Адъютант: Tanchon.
Квартирмейстер: Very.
Офицер казначей: Hubert Valville.
Старший хирург: Tiberge.

Лейтенанты шести рот

Hugon ★.
Brélet.
Savary.

Delcambe.
Cayard.
…….

Суб-лейтенанты

Desmoutils.
Chobé.
Vavasseur.
Goublin.
Dusaudet.
Crosuier.

Госпиталь Гвардии, в Гро-Кайу

Главный врач: шевалье Suë ★, ул. du Chemin du Rempart, F. S.-Honoré, № 3.
Помощники врача: Castel, Coutenceau.
Главный хирург: барон Larrey (C. ★), cul-de-sac Conti.
Хирурги первого класса: Paullet (O. ★), Zink, Champion ★.
Хирурги второго класса:
Gautier,
Pierron,
Thanaron,
Demerlot,
Sue, молодой.
Capel,
Honin.
Jourdan.
Lewkoniez.
Хирурги третьего класса:
Boulay,
Pelletan,
Bron,
Lagasquie,
Lassus,
Aumont,
Laflize,
Petit-Radel,
Jouanneau,
Desmoulins,
Legai,
Borde,
Le Noble,
Beraud,

Verdier,
Richard,
Joly,
Blaquer,
Menou,
Imbert,
Belleroy.
Mondet.
Главный фармацевт: Sureau, площадь Favard, около les Italiens.
Фармацевты первого класса: Allyon, Lagarde.
Фармацевты второго класса: Fourcy, Barbés, Vigouroux.
Фармацевты третьего класса:
Poussoint,
Flamant,
Nachet,
Jourda,
Aubry,
Plane,
Boston,
Mortier.
Sureau, сын.

Дивизионная артиллерия 1-й дивизии

4 рота канониров-конскриптов.
Численность рот на 31 июля 1812 г.:
3 офицера, 81 унтер-офицеров и канониров-конскриптов, 2 рабочих-понтанера, 13 офицерских лошадей.

Дивизионная артиллерия 2-й дивизии

6 рота 4 батальона обоза.
Численность роты на 1 июля 1812 г.:
1 офицер и 97 кондукторов.
2 рота 7 батальона обоза.
Численность роты на 1 июля 1812 г.:
0 офицеров, 41 кондукторов.
Саперы
Численность на 1 июля 1812 г.:
5 офицеров и 102 сапера
Транспортный обоз
Численность на 1 июля 1812 г.:
0 офицеров и 44 кондукторов.

Администрация
Численность на 1 июля 1812 г.:
2 офицера и 44 рядовых.

Дивизионная артиллерия 3-й дивизии

3 рота пещей артиллерии Молодой Гвардии.
Численность роты на 20 июня 1812 г.:
4 офицера, 77 канониров и 10 лошадей.
1 и 2 роты пешей артиллерии Молодой Гвардии.
Численность рот на 20 июня 1812 г.:
8 офицеров, 182 канонира и 18 лошадей.
Рабочие.
Численность на 20 июня 1812 г.:
6 рабочих.
3 и 4 рот рабочих.
Численность рот на 20 июня 1812 г.:
9 офицеров, 199 рабочих и 24 лошади.
3 рота 2 батальона обоза.
Численность роты на 20 июня 1812 г.:
1 офицер, 108 кондукторов и 182 лошади.
1 рота 1 батальона обоза с присоединенными 1 и 2 ротами.
Численность на 20 июня 1812 г.:
2 офицера, 125 кондукторов и 200 лошадей.
1 рота 1 батальона обоза с присоединенными 3 и 4 ротами.
Численность на 20 июня 1812 г.:
1 офицер, 152 кондукторов и 271 лошадь
Транспортный обоз, личный состав при амбулансе.
Численность обоза на 20 июня 1812 г.:
23 кондуктора и 43 лошади.
Численность амбуланса на 20 июня 1812 г.:
1 офицер, 39 рядовых и 41 лошадь.
Рабочие 3-й гвардейской дивизии.
Численность на 20 июня 1812 г.:
2 офицера, 62 рабочих и 4 лошади.
Рабочие, присоединенные к резерву.
Численность на 20 июня 1812 г.:
2 офицера, 89 рабочих и 4 лошади.
Амбуланс.
Численность на 20 июня 1812 г.:
10 офицеров и 10 лошадей.

Гвардейская резервная пешая артиллерия

3 и 4 роты пешей артиллерии Молодой Гвардии.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
6 офицеров, 195 канониров и 15 лошадей.
3 и 4 роты 2 батальона гвардейского обоза.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
2 офицера, 267 кондукторов и 391 лошадь.
5 и 6 роты пешей артиллерии Молодой Гвардии.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
7 офицеров, 214 канониров и 17 лошадей.
1 и 5 роты 2 батальона гвардейского обоза.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
2 офицера, 226 кондукторов и 428 лошадей.

Гвардейская резервная конная артиллерия

2, 3, 4 роты Молодой Гвардии.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
7 офицеров, 173 канониров и 182 лошади.
1 рота 1 батальона обоза Гвардии.
Численность роты на 1 июля 1812 г.:
1 офицер, 125 кондукторов и 177 лошадей.
1 и 3 роты конной артиллерии Молодой Гвардии
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
6 офицеров, 157 канониров и 165 лошадей.
6 рота 2 батальона гвардейского обоза
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
1 офицер, 152 кондукторов и 242 лошади.
5 и 6 роты 1 батальона конной артиллерии
Численность рот на 1 июля 1812 г.:
5 офицеров, 134 канониров и 113 лошадей.

Резервный парк артиллерии Гвардии

Отряд канониров-конскриптов.
Численность отряда на 1 июля 1812 г.:
1 офицер, 42 канонира-конскрипта и 2 лошади.
Отряд артиллерийских рабочих Гвардии и отряд понтонеров Гвардии.
Численность отряда на 1 июля 1812 г.:
3 офицера, 236 рабочих и 7 лошадей.
3 и 6 роты 1-го батальона обоза Гвардии.
Численность рот на 1 июля 1812 г.:

2 офицера, 287 кондукторов и 429 лошадей.

2-я рота 1-го батальона обоза Гвардии и отряды из 1, 2, 3, 6 рот 2-го батальона.

Численность рот на 1 июля 1812 г.:

3 офицера, 285 кондукторов и 458 лошадей.

Инженерный парк Гвардии

1 и 7 роты моряков Гвардии.

Численность рот на 1 июля 1812 г.:

8 офицеров и 221 моряк.

3-я рота экипажа Гвардии.

Численность роты на 1 июля 1812 г.:

8 офицеров, 516 кондукторов и 750 лошадей.

Дислокация:

Артиллерия (артиллерийский обоз, конная и пешая артиллерии, артиллерийские понтонеры и рабочие) 1 февраля 1812 г. в Фэрэ или на марше.

Батальон рабочих моряков, названный 1 батальоном L'Escaut 1 марта 1812 г. в Антверпене, который он покидает 5 марта, 29 марта прибывает в Магдебург.

Роты рабочих-понтанеров Гвардии и артиллерийские рабочие1 марта 1812 г. в Фэрэ.

Гвардейский транспортный обоз (4 роты) 1 марта 1812 г. – в Париже. Покидают Париж 13 марта; 4 апреля прибывают в Майнс.

Гвардейские моряки:

1 рота 1 марта 1812 г. в Париже, который покидает 11 марта. 4 апреля прибывают в Майнс.

7 рота прибывает в Тулон в начале марта. Покидает его 21 марта, 31 марта прибывает в Страсбург, из которого выступает 3 апреля, чтобы 2 мая вступить в Дрезден и присоединиться к гвардейской колонне возглавляемой бригадным генералом, графом Винцентием Корвином Красинским (1782–1856).

Резервная артиллерия:

Артиллерийский обоз. По приказу, данному 28 февраля герцогом Истрийским, вся гвардейская артиллерия (персонал, материальная часть и упряжи) покидает Фэрэ, 1, 2, 3 и 4 марта, в четырех эшелонах, чтобы прибыть в Мец 10, 11, 12 и 13. Эти четыре эшелона формируют 6 пеших батарей и 2 конные.

Персонал и материальная часть 2 батарей конной гвардейской артиллерии, находившиеся в Испании, по возвращении создают 5 эшелон, который выступает из Парижа 15 марта 1812 г.

Конная и пешая артиллерия. 1 марта 1812 г. в Фэрэ и несколько рот в Меце. Герцог Истрийский аналогично поступает при выступлении из Меца, 5 марта:

1 эшелон 2 пешей батареи и 2 линейной батареи, с удвоенным снабжением и с 16 пехотными зарядными ящиками, который прибывает 2 апреля в Магдебург, где они присоединяются к дивизии Делаборда. 2 рота 5 батальона саперов соединяется с этой артиллерии при переправе через Майнс.

2 эшелон 2 батарея конной линейной артиллерии со снабжением, состоящим из 6 пехотных зарядных ящиков, которые прибывают 14 марта в Майнс, где объединяются с 1 полком шволежеров, чтобы отправиться в Дрезден.

Потери в офицерском корпусе за время кампании составили:

Батальон Гвардейских моряков: *28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену: Allègre (лейтенант) ранен (скончался 7 декабря), Bouvier des Touches (капитан) ранен, Préaux (лейтенант) ранен, Gallois (лейтенант) ранен. 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильны Perrot (лейтенант) ранен (впоследствии умер).*

Батальон Обоза: *7 сентября 1812 г. во время Бородинского сражения: Brelet (лейтенант) ранен, Delcambre (лейтенант) ранен. 15 ноября 1812 г. во время сражения за Красный Chobé (лейтенант) ранен. Исчез 21 ноября. 28 ноября на одном из мостов через Березену:* ***Brelet (лейтенант)*** *ранен и исчез, Crosnier (суб-лейтенант) ранен и исчез. 4 декабря 1812 г. около Сморгони Delcambre (лейтенант) ранен (предположительно скончался от ран). 9 декабря 1812 г. на дороге из Вильны* ***Thieberge (старший хирург)*** *исчез.*

Батальон (bis) Артиллерийского обоза (Молодой Гвардии): *7 сентября 1812 г. во время сражения при Бородино:* ***Demaidy (капитан)*** *ранен (скончался 27-го), Montreuil (лейтенант) ранен. 24 октября 1812 г. во время сражения при Малоярославце Godin (лейтенант) ранен, 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену Fouet (лейтенант) ранен.*

Главный батальон артиллерийского обоза (Старая Гвардия): *7 сентября 1812 г. во время Бородинского сражения: Beudot (лейтенант) ранен, Colomb (лейтенант) ранен, Senille (лейтенант) ранен. 24 октября 1812 г. во время сражения за Малоярославец Guevel (капитан) ранен. 17 ноября 1812 г. во время сражения при Красном* ***Monin (лейтенант)*** *ранен. 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену* ***Beudot (лейтенант)*** *ранен, 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильно* ***Monin (лейтенант)*** *ранен. 13 декабря 1812 г. во время боя около Ковно* ***Beudot (лейтенант)*** *ранен, 16 декабря 1812 г. на понтонном мосту через Неман Monin (лейтенант) ранен (скончался 6 января 1813 г.).*

Полк конной артиллерии (Старая Гвардия): *7 сентября 1812 г. во время сражения при Бородино: Guillet (лейтенант) ранен (скончался 10 апреля 1813 г.), Larond (капитан) ранен, Cercelet (лейтенант) ранен. 24 октября 1812 г. во время сражения за Малоярославец Dubuard-Marin (майор) ранен. 17 ноября 1812 г. во время сражения за Красный Deniset (лейтенант) ранен. 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену Joffrenot (капитан) ранен (скончался 4 января 1813 г.). 9 декабря 1812 г. на дороге из Вильны Delabigne (лейтенант) ранен (скончался), 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильны Dechambrey (капитан) ранен. 13 декабря 1812 г. во время боя около Ковно Boisset (лейтенант) ранен.*

Полк пешей артиллерии (Старая Гвардия): *5 сентября 1812 г. во время сражения за Шевардинский редут: Maillard (капитан) ранен, Sturtz (лейтенант) ранен. 7 сентября 1812 г. во время сражения при Бородино: Lanoue (лейтенант) убит, Sturtz (лейтенант) ранен (скончался 10 числа), Maillard (капитан) ранен, Oudin (капитан) ранен, Aubert (лейтенант) ранен, Charpentier (лейтенант) ранен, Devriès (лейтенант) ранен, Lesueur (лейтенант) ранен, Grappin (лейтенант) ранен, Derrion (лейтенант) ранен. 18 октября 1812 г. при взрыве зарядного ящика, в Москве Evain (капитан) ранен. 16 и 17 ноября 1812 г. во время сражения за Красный: Sallerin (капитан) ранен 16-го (скончался 14 января 1813 г.), Lavillette (капитан) ранен 16-го (скончался), Demerville (лейтенант) ранен 17-го (скончался), Massias (лейтенант) ранен 16-го. 28 ноября 1812 г. на одном из мостов через Березену: Bonaffos (капитан) ранен, Lesueur (лейтенант) ранен. 6 декабря 1812 г. на дороге из Вильны Mocquart (капитан) ранен (скончался). 9 декабря 1812 г. впереди Вильны Devriès ранен (исчез 3 января 1813 г). 10 декабря 1812 г. во время боя позади Вильны Zeis (лейтенант) ранен (скончался). 11 декабря 1812 г. на мосту через Вильну Grappin (лейтенант) ранен казаками (скончался). 13 декабря 1812 г. во время боя около Ковно Mabru (капитан) ранен.*

Список сокращений

★ – легионер ордена Почетного Легиона.
O. ★ – офицер ордена Почетного Легиона.
C. ★ – коммандан ордена Почетного Легиона.
G. ★ – высший офицер ордена Почетного Легиона.
G.A. ★ – кавалер знака Большого Орла ордена Почетного Легиона*.

* Более подробно о «легионерах» ордена Почетного Легиона и других иностранных орденов на 1812 г. см.: Almanach Op. cit., P., 1812. P. 148–193; Ètat general de la Légion d'Honneur depuis son origine / Publ. le Comte de Lacépède. P., 1814. T. 1–2. См. также: Бочоришвили К.Г. Орден Почетного Легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник, 1981. М., 1982; Daniel J. La Légion d'honneur. P. Bonne, 1948.

Литература и источники

1. См.: Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий. Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

2. В альманах по понятным причинам также не вошли полки, сформированные на территории Литвы 5 июля 1812 г.: 3-й полк (литовских) шволежеров лансьеров и эскадрон «литовских татар». Более подробно см. следующие работы: Brunon J. Des tatars au service de Napoléon (1812–1814). Marseille, s.a., Kukiel M. Dzieje oręża polskiego w epoce napoleońskiej 1795–1815. Poznaniu, 1912. S. 274-279. В него также не вошли и иностранные формирования, на время присоединенные к Гвардии, например, Легион Великого герцогства Варшавского, прикрепленный к гвардейским дивизиям 19 августа 1812 г.

3. Almanach impérial, pour l'année M. DCCC. XII, presenté a S.M. L'Empereur et Roi, par Testu. P., 1812. P. 85–105.

4. Saint-Hilaire de E.M. Histoire anecdotique, politique et militaire de la Garde Imperiale. T. 1–4. Bruxelles, 1845–1846 или же Saint-Hilaire de E.M. Histoire anecdotique, politique et militaire de la Garde Imperiale. P., 1847.

5. См.: Pigeard A. Les Grenadier Hollandais de la Garde Imperial // Tradition magazine. № 83. P. 36.

6. Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux francais de la Révolution et de l'Empire. P., 1934. T. 2 (K-Z). P. 501.

7. Fabry G. Campagne de Russie (1812) // Situation de la Grande Armée. P., 1903. Vol. 4. P. 343–344.

8. Ibid. P. 340–347.

9. Более подробно о дислокации гвардейских полков в начале 1812 г. см.: Margueron L. Campagne de Russie. P., 1897–1906. Vol. 4. P. 591–592, 620–622.

10. Сведения взяты из следующих работ: Fabry G. Op. Cit. P., 1903. Vol. 4. P. 343–346; Fabry G. Op. Cit. P., 1903. Vol. 5. P. 137; Lachouque H. Napoléon et La Garde Impériale. P., 1956. P. 401; Margueron L. Op. Cit. P., 1897–1906. Vol. 4. P. 591–592, 620–622; Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805–1815). P., s. a. P. 67–109; Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et Documents. P., 1912. P. 339–338, Pigeard A. La campagne de Russie (1812) / Tradition magazine. Hors série. № 3. P., 1997. P. 50–52; Reboul P.-F. Campagne de 1813. P., 1910. T. 1. P. 429–430. Некоторые данные были уточнены благодаря работе П.В. Суслова. См.: Суслов П.В. К вопросу об оценке численности и потерь пехоты Императорской Гвардии Наполеона на втором этапе «русской кампании» // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции. М., 2001.

11. Историю полков, не принимавших участие в кампании, см.: Lachouque H. Op. Cit. P., 1956.

В.А. Бессонов **

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РОССИИ В ЭПОХУ 1812 ГОДА (ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)*

Отечественная война 1812 г. является одной из самых ярких страниц в истории России. Среди многих проблем, стоящих перед исследователями 1812 г., немаловажное место занимает тема военнопленных Великой армии [1]. Ее значимость состоит в том, что военнопленные, как убитые и трофеи, являются непосредственным показателем степени победы и ее весомости [2]. Следовательно, пленные как объект изучения представляют особый интерес для анализа военно-исторических событий Отечественной войны 1812 г. Но в отличие от других, вещественных, показателей победы, военнопленные, как живые люди, нуждаются в особом отношении, направленном на сохранение их жизни. Решение этой сложной для воюющей страны задачи всецело ложится на военные и гражданские органы власти как в центре, так и на местах. При этом отношение к военнопленным является показателем степени гуманизации различных слоев общества и государства в целом. В свою очередь, значительное количество взятых в 1812 г. в плен генералов, офицеров, нижних и нестроевых чинов разных национальностей, разместившихся на территории почти всей России, оказало определенное влияние на внутреннюю жизнь страны. Изучение темы военнопленных позволяет также получить новые данные к биографиям конкретных людей, воевавших в составе Великой армии.

Исследование указанной проблемы предусматривает решение сложной пространственно-временной задачи, охватывающей участие военных и гражданских органов, а также частных лиц в пленении, препровождении, содержании на местах, распределении, принятии в подданство и репатриации более 100 тысяч военнопленных, находившихся на территории 47 губерний и двух областей Российской империи в период с 1812 по 1814 г. Поэтому изучение всего комплекса вопросов, относящихся к проблеме военнопленных, является особенно актуальным для осмысления истории Отечественной войны 1812 г.

На протяжении почти двух столетий война 1812 г. изучалась многими отечественными и зарубежными историками. Эта тема всегда оставалась актуальной и постоянно привлекала внимание исследователей. О войне 1812 г. написано свыше 10 тысяч работ, что по числу публикаций

*__Бессонов Виталий Анатольевич__ (Калуга) – директор Калужского объединенного областного краеведческого музея, кандидат исторических наук.

превышает освещение любого другого события дореволюционной истории России [3]. Только к концу XIX в. было издано почти 1 800 работ, посвященных Отечественной войне [4]. В начале XX в., когда в России проходило празднование столетнего юбилея этого достопамятного события, появилось еще около 600 изданий [5]. За период 1917–1990 гг. на русском языке было опубликовано более 2 000 книг, брошюр, статей в журналах и сборниках, авторефератов диссертаций [6]. Сегодня различные аспекты темы рассматриваются на конференциях в Москве, Петербурге, Бородино, Малоярославце, Больших Вязёмах, Самаре, Вологде, Туле и т.д. Ежегодно издается более 50 книг и статей, связанных с историей Отечественной войны. Таким образом, общий объем работ о войне 1812 г. продолжает неуклонно расти, и интерес к этой теме не пропадает с течением времени.

Не ставя перед собой цели дать подробный историографический анализ публикаций о войне 1812 г., что уже нашло отражение в исторической литературе [7], остановимся лишь на тех работах, которые имеют непосредственное отношение к теме военнопленных Великой армии. Весь комплекс литературы, посвященной войне 1812 г., условно можно разделить на четыре основные периода: *дворянский, буржуазный, советский и современный российский*.

Тема военнопленных в работах дворянских историков не получила должного освещения. Тяжелая доля военнопленных и их трагические судьбы создавали вокруг пленных романтический флер, привлекавший в первой половине XIX в., в основном, внимание литераторов. В России пленные становились героями художественных произведений, среди которых можно назвать романы Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин» и М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», а также рассказ О.М. Сомова «Вывеска», посвященный судьбе французского солдата [8]. В этот период только в исторической работе А.И. Михайловского-Данилевского несколько страниц было посвящено принятой на официальном уровне системе финансирования, а также затрагивались некоторые вопросы пребывания нижних чинов и офицеров Великой армии в плену [9]. Автор лишь вскользь коснулся проблемы военнопленных, стремясь, в первую очередь, показать человеколюбие Императора Александра Первого по отношению к ним. В этот период положение военнопленных нашло отражение в книге современника событий, преподавателя Калужской гимназии Г. К. Зельницкого «Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии», изданной в Москве в 1815 г. [10]. Исследование было выполнено в патетическом стиле на основе официальных документов, свидетельств очевидцев, личных впечатлений. В нем показано положение военнопленных, указаны места их размещения, препровождения, приведены данные

о численности. Вместе с тем в книге Г.К. Зельницкого отсутствует четкая датировка событий, а содержащиеся краткие сведения дают возможность воссоздать лишь самую общую картину пребывания пленных в одной из российских губерний.

Определенный интерес к теме пленных начинает проявляться буржуазными историками в конце XIX – начале XX в. Главным образом, это было связано с ростом исследовательской деятельности в регионах, которая стимулировалась столетним юбилеем Отечественной войны. Во многих губерниях изучались связанные с войной 1812 г. события, среди которых не последнее место занимало пребывание военнопленных. В этот период были опубликованы работы по Архангельской, Виленской, Витебской, Вятской, Калужской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Рязанской, Смоленской, Саратовской, Тамбовской губерниям [11]. Все они, как правило, имели описательный характер и основывались на архивных материалах, сохранившихся на местах. Опора на региональные источники составляет главную ценность этих исследований, так как многие документы, введенные тогда в научный оборот, оказались на сегодняшний день утраченными. Вместе с тем указанные публикации имели существенные недостатки: ограниченность источниковой базы, отсутствие научной критики документов, вольная их трактовка, незнание общих принципов содержания военнопленных, фрагментарность описания, оторванность от процессов, происходивших в других регионах, и необоснованные выводы.

Исследований, специально посвященных военнопленным, практически не публиковалось. Только В.Р. Апухтин затронул конкретный вопрос, связанный с историей формировавшегося в Орле для борьбы с Наполеоном легиона из французских, итальянских и голландских военнопленных [12].

Проблема военнопленных была затронута в некоторых общих работах, посвященных войне 1812 г. В статьях С.А. Князькова и В.П. Алексеева, опубликованных в капитальном труде «Отечественная война и русское общество», можно встретить некоторые описания, иллюстрирующие отношение к пленным со стороны разных слоев русского общества [13]. Однако в многотомном издании тема военнопленных не нашла своего всестороннего освещения. Положение пленных в 1813–1814 гг. было кратко описано в работе В.Н. Строева, который рассматривал делопроизводственные документы А.А. Аракчеева в контексте деятельности Собственной Его Императорского Величества канцелярии [14]. В советский период тема пленных практически выпадает из поля зрения историков, которые упоминали о них только при описании хода военных действий Отечественной войны. В то же время в работах В.И. Стрельского и П.Е. Матвиевского, посвященных

истории Сибири и Оренбургского края в 1812 г., рассматривались отдельные эпизоды из жизни находившихся там военнопленных [15].

Впервые вопрос о военнопленных в истории Отечественной войны поставил в 1974 г. В.Г. Сироткин, который в своей статье рассмотрел использование пленных в различных сферах жизнедеятельности России [16]. Он же посвятил пленным несколько страниц в своей книге «Отечественная война 1812 года», написанной для школьников [17]. Тема военнопленных нашла свое отражение и в изданной в 2000 г. научно-популярной работе «Наполеон и Россия». В ней В.Г. Сироткин рассмотрел общие вопросы, связанные с созданием нормативно-правовой базы, вступлением военнопленных в подданство, особенностями принятия и распределения новых подданных, отношением к ним правительства, различных слоев общества и т.д. [18].

На современном этапе историографии интерес к проблеме военнопленных возрастает и постепенно начинает привлекать к себе внимание исследователей. В 1987 г. появляется научно-популярная работа М. В. Любавина, посвященная общей численности пленных. В ее основу были положены документы Российского государственного исторического архива, которые не были в достаточной степени проанализированы автором, что привело его к ошибочным выводам [19]. В 1992 г. тема военнопленных нашла свое отражение в работах И.И. Савиновой и В.П. Тотфалушина [20]. В первой рассматривается история Новгородской губернии в Отечественной войне и кратко описывается пребывание в ней пленных. Статья В.П. Тотфалушина посвящена изучению положения военнопленных в Саратовской губернии. Опираясь на опубликованные материалы и архивные документы, он осветил различные стороны жизни военнопленных и рассказал о судьбе некоторых из них. Изучение этих сюжетов автор продолжил в своих последующих работах, посвященных положению вступивших в российское подданство пленных, случаю уголовного преследования и анализу их численности [21]. Вопросам пребывания военнопленных в Слободско-Украинской губернии посвящены работы С.В. Потрашкова, написанные, главным образом, по материалам Государственного архива Харьковской области. Анализ документов позволил автору осветить характерные для южных регионов мероприятия по содержанию пленных и показать особенности их положения в губернии [22]. Положение пленных в Олонецкой губернии охарактеризовано в статье Ю.Н. Поповой, написанной по материалам, выявленным в Национальном архиве Республики Карелия [23]. Она подробно передала содержание документов, но не сумела вписать олонецких пленных в общероссийские процессы. Пребыванию военнопленных в Казанской губернии была посвящена работа Т.А. Вишленковой,

которая предприняла попытку оценить положение пленных и их влияние на российское общество, не имея для этого достаточной источниковой базы [24]. Самарский историк Г.В. Алексушин, используя дневник исполнявшего в 1812 г. обязанности самарского городничева И.А. Второва, осветил отдельные эпизоды из жизни военнопленных в Самаре [25]. В статьях К.В. Иванова анализируется система финансирования военнопленных, рассказывается об их использовании на российской службе, оценивается выполнение предписаний правительства по содержанию военнопленных на местах [26]. При этом исследователь использовал как научные публикации, так и документы, извлеченные из Государственных архивов Пензенской, Оренбургской, Воронежской и Саратовской областей. Однако автор не подверг критическому анализу выявленный им материал, ограничившись в основном описанием событий и цитированием документов, что привело к ряду спорных выводов обобщающего характера, сделанных на основе единичных фактов. Краткий обзор деятельности правительства при решении различных задач, связанных с пребыванием пленных в России, содержится в статье С.А. Тихомирова [27]. Положение военнопленных в целом по России проанализировано в работе исследователя из Санкт-Петербурга Б.П. Миловидова, написанной в основном по мемуарам самих военнопленных [28]. Особенность источниковой информации позволила ему воссоздать общую картину жизни пленных, которую они оставили в своих многочисленных воспоминаниях. Скрупулезное изучение центральных и региональных архивов позволило Б.П. Миловидову в 2002 г. выступить с серией докладов, посвященных анализу пребывания военнопленных в Псковской и Ярославской губерниях [29]. В своих работах автор не только рассматривает положение военнопленных, фиксируя отдельные факты, но и показывает причинно-следственные связи, влиявшие на особенности пребывания пленных в регионах. В статье А.И. Попова, посвященной определению численности генеральских потерь в Отечественной войне, написанной по материалам отечественных и зарубежных публикаций, приведены данные и о тех генералах, которые оказались в русском плену [30]. При этом автор указывает фамилию, чин, дату и обстоятельства взятия в плен, а в некоторых случаях и другие сведения о пребывании представителей высшего командного состава Великой армии в России. Кроме того, А.И. Попов в своих работах не раз обращался к истории пленения конкретных людей (бригадный генерал Ж.П. Ожеро, подполковник Л. Конради, майор Ж.М. Абержу, штабного полковника Ж. Бойе и др.) [31].

Историк С.В. Шведов в работе «Пленные Великой армии в России», привлекая выявленные им в фондах Российского государственного военно-исторического архива документы (опубликованные им в приложении),

остановился на вопросах определения численности пленных, их поступления и положения в России [32]. Среди приведенных автором документов (в статье не анализируются другие источники, равно как и исследовательская литература по рассматриваемому вопросу) наибольший интерес представляет «Ведомость Главной квартиры 1-й Западной армии о численности военнопленных, отправленных во внутренние губернии России с июня по декабрь 1812 года». Вместе с тем в публикации этого источника допущены некоторые неточности: в ряде случаев неправильно указаны места назначений, имена и чины офицеров, опущены или неправильно написаны даты, встречаются ошибки или пропуски в цифрах, обозначающих количество военнопленных.

Автором обзора в разное время были опубликованы статьи, в которых на основе архивных и опубликованных источников анализировались численность пленных, нормативно-правовая база, подробно рассматривалось пребывание военнопленных в Калужской губернии [33]. Основные итоги работы нашли отражение в диссертации [34].

Анализ историографии, посвященной проблеме военнопленных, показывает, что на протяжении XIX–XX вв. к истории пребывания военнопленных обращались многие исследователи. В общей сложности к 2002 г. было опубликовано около 70 работ, в которых затрагивалась проблема военнопленных. При этом большая их часть (около 40) увидела свет в последнее десятилетие, когда тема военнопленных стала особенно актуальной. В рассмотренных публикациях решались, в основном, задачи, связанные с положением пленных в регионах. На этом пути были достигнуты наиболее значительные результаты, особенно современными исследователями. Однако попытки перейти к каким-либо обобщениям на межрегиональном или государственном уровне не привели пока к желаемому результату. Это объясняется, в первую очередь, недостаточной изученностью всего комплекса вопросов, связанных с особенностями пребывания пленных в разных регионах России. Так, на сегодняшний день различными авторами были затронуты 16 губерний, что составляет менее 1/3 части от их общего количества. При этом в большинстве публикаций только обозначен круг интересующих проблем через обращение к единичным фактам, описание отдельных событий, цитирование документов.

К числу достижений отечественной историографии следует отнести определение численности и состава отдельных категорий военнопленных, а также реконструкцию нормативно-правовой базы. Последнее направление в исследованиях особенно важно, так как все вопросы, связанные с пребыванием военнопленных на территории Российской империи (препровождение, содержание на местах, распределение, принятие в поддан-

ство и репатриация), регулировались комплексом нормативных документов, адресованных, в первую очередь, гражданским губернаторам и правителям областей, которые на практике реализовывали требования армейского и гражданского начальства на вверенной их управлению территории. Отражение этих взаимодействий можно представить в виде следующей модели. Правительственные органы власти регулировали положение военнопленных в государственном масштабе. В административно-территориальных единицах Империи (губерниях, областях) повторялась схема «государство – пленные», но только на ограниченном пространстве. Здесь представители администрации реализовывали предписания правительства в отношении военнопленных и сами делали свои распоряжения, разрешая тем самым возникавшие на местах вопросы. Далее следуют исполнительные органы власти, которые непосредственно вступали в контакт с военнопленными и реализовывали на практике распоряжения правительства и местной администрации. Положение и поведение пленных в регионах оказывало влияние на решения правительства, воздействуя тем самым на формирование нормативно-правовой базы.

Следовательно, изучение темы пленных оказывается напрямую связано с деятельностью различных органов и людей, отвечавших за них как на правительственном, так и на региональном уровнях. При этом первый отражает политику государства в отношении пленных в общероссийском масштабе, а второй иллюстрирует происходившие на местах процессы, от которых во многом зависело положение военнопленных. Поэтому при исследовании вопросов пребывания пленных Великой армии в России необходимо анализировать комплекс примарных фактов, содержащихся в делопроизводственных документах, дневниках, мемуарах и письмах, опираясь, в первую очередь, на созданную в стране нормативно-правовую базу, чего не достает большинству исследований, особенно, написанных в начале XX в.

Таким образом, в отечественной исторической литературе на сегодняшний день свое освещение получили лишь отдельные аспекты темы, касающиеся, в первую очередь, определения численности военнопленных, изучения нормативно-правовой базы, положения пленных в некоторых регионах и описания особенности взятия в плен отдельных лиц. Такая фрагментарность не позволяет представить целостной картины по всем вопросам, связанным с пленением и пребыванием военнопленных в России. По-прежнему проблема пленных Великой армии остается недостаточно изученной страницей Отечественной войны 1812 г. и можно констатировать, что на протяжении почти двух веков были сделаны только отдельные шаги в решении этой сложной пространственно-временной задачи. Тем

не менее особое внимание, проявляемое в последнее десятилетие к теме военнопленных, постоянное взаимодействие между исследователями, занимающимися этой проблематикой, активное введение в научный оборот новых источников оказывают положительное влияние на создание благоприятных условий для всестороннего изучения проблемы пребывания пленных Великой армии в России.

Литература и источники

1. К военнопленным в начале XIX в. относились генералы, штаб- и обер-офицеры, нижние и нестроевые чины, а также их жены и дети, которые в ходе боевых действий оказывались в ведении армейских органов управления и гражданской администрации. В русском языке слово «военнопленный» обозначает военнослужащих, взятых в плен в период войны. Синонимом его является слово «пленный», которое хотя и имеет больше значений, но также используется при указании лиц, оказавшихся в руках неприятеля во время боевых действий. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 231; Т. 3. С. 131; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 78, 450; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 330; Т. 3. С. 295.

2. Клаузевиц К. О войне. М., 1937. Т. 1. С. 262.

3. Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 3.

4. Липранди И.П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1874. Кн. 3; Дубровин Н.Ф. Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 гг. // Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882.

5. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 9.

6. История Отечественной войны 1812 г.: Указатель советской литературы, 1918–1990 гг. М., 1992.

7. Бескровный Л.Г. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 10; Он же. Отечественная война 1812 г.: Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований // Вестник АН СССР. 1962. № 9; Он же. Очерки военной историографии России. М., 1962; Он же. Отечественная война 1812 г. М., 1962; Жилин П.А. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 6; Он же. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974; Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988; Он же. Отечественная война 1812 г.: История темы. Саратов, 1991; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г. М., 1983; Они же. 1812 год на перекрестке мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990; Шеин И.А. Война 1812 г. в отечественной историографии. М., 2002.

8. Булгарин Ф.В. Ивана Выжигин: Нравственно-сатирический роман. СПб., 1829; Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. СПб., 1831; Сомов О.М. Вывеска // Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828.

9. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 4. С. 359–363.

10. Зельницкий Г.К. Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815.

11. Арсеньев В.С. Документы о французских военнопленных 1812–1813 гг. в Витебской губернии. Витебск, 1910; Ассонов В.И. 1812 год в Калужской губернии. Калуга, 1911; Он же. В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912; Булычов Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. Калуга, 1910; Глухарев Н.П., Цветков И.Ф. Отечественная война в пределах Калужской губернии // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912; Голубцов Н.А. 1812 год в Архангельской губернии. Архангельск, 1912; Он же. Архангельск и его губерния в Отечественную войну. Архангельск, 1913; Кашин А. Материалы для истории Пермского края: Соликамск в 1812 г. и пленные французы. Пермь, 1912; Кудринский Ф.А. Вильна в 1812 г. Вильна, 1912; Проходцев И.И. Рязанская губерния в 1812 г., преимущественно с бытовой стороны: В 2 ч. Рязань, 1913, 1915; Сивков К.В. Провинциальная администрация в 1812 г. (Новгородский губернатор Сумароков) // Голос минувшего. 1904. № 5; Слепцов А.Т. Переписка по делам военнопленных. Тамбов, 1914; Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912; Тамбовская губерния в 1812 г.: Рефераты и статьи членов Тамбовской ученой архивной комиссии с приложением документов. Тамбов, 1915; Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1912. Вып. 3; Францишкевич-Яновский И.И. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 г. Петразоводск, 1912; Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне. Саратов, 1912; Цветков И.Ф. О значении города Калуги и Калужской губернии в истории Отечественной войны 1812 г. // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912. Вып. 2; Шидловский А.Ф. Памяти императора Александра I Благословенного и Отечественной войны для жителей Олонецкого края. Петрозаводск, 1912.

12. Апухтин В.Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. М., 1913.

13. Отечественная война и русское общество, 1812–1912. М., 1912. Т. 4. С. 213–237.

14. Строев В.Н. Столетие собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1912.

15. Стрельский В.И. Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1942; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.

16. Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129–136.

17. Он же. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 235–245.

18. Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 177–218.

19. Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. № 9. С. 194–196.

20. Савинова И.И. Гроза 1812 г. и Новгородская земля. Новгород, 1992. С. 51–55; Тотфалушин В.П. Французы в Саратове: К истории войны 1812 г. // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 157–164.

21. Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 139–157; Он же. Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1998. Вып. 3. Ч. 1. С. 100–104; Бессонов В.А., Тотфалушин В.П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 163–176.

22. Потрашков В.С. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1999. С. 143–149. Он же. Военнопленные Великой армии и губернские власти: (по документам канцелярии Слободско-Украинского гражданского губернатора) // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. М., 2001. С. 204–210.

23. Попова Ю.Н. Французские военнопленные в Олонецкой губернии в 1812–1814 гг. // Воинский подвиг защитников Отечества: Традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 225–229.

24. Вишленкова Т.А. Французские военнопленные 1812 г. в Казанской губернии // Россия и Франция, XVIII–XX века. М., 2000. Вып. 3. С. 119–131.

25. Алексушин Г.В. Самара и самарцы в Отечественной войне 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: Сборник материалов научной конференции. Саратов, 2002. С. 157–162.

26. Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1997. С. 190–197; Он же. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Самара, 1997. С. 91–95; Он же. Военнопленные Великой армии в Российской империи // Историко-археологические изыскания. Самара, 1997. Вып. 2. С. 82–91.

27. Тихомиров С.А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена: История и современность: Материалы научной конференции. Вологда, 1997. Ч. 1. С. 162–165.

28. Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в России // Феодальная Россия: Новые исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 97–106.

29. Он же. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле-октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г.: Сборник материалов научной конференции. Саратов, 2002. С. 207–216; Он же. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции. Малоярославец, 2002.

30. Попов А.И. Генеральские потери Великой армии в России в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1998. С. 17–31.

31. Он же. Невольный свидетель // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Проблемы изучения. Источники. Памятники: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1995. С. 79–85; Он же. Налет

отряда И.С. Дорохова на Верею // II этап Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения. Источники. Памятники: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1997. С. 49–67; Он же. Дело при Ляхове 9 ноября 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1997. С. 52–72; Он же. Заблудившийся отряд // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1998. С. 108–133; Он же. Первый французский генерал, попавший в плен в России в 1812 г. // Воин: Научно-популярный журнал. Самара, 2001. № 5. С. 19–22; Бессонов В.А., Попов А.И. «Временный генерал» Жак Бойе // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. М., 2001. С. 20–29.

32. Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России: Материалы научной конференции. Малоярославец, 2000. С. 55–75.

33. Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в городе Калуге // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г.: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1994. С. 97–112; Он же. Калужский военный Ордонанс-гуаз // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г.: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1995. С. 88–100; Он же. Военнопленные в Калуге: Декабрь 1812 г. // II этап Отечественной войны 1812 г.: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1997. С. 91–108; Он же. Военнопленные 1812 г. в Калужской губернии // 185 лет Отечественной войне 1812 г.: Материалы научной конференции. Самара, 1997. С. 63–78; Он же. Потери Великой армии в период малой войны // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1998. С. 11–23; Он же. Потери Великой армии в 1812 г. на пограничных кордонах Калужской губернии // От Москвы до Парижа, (1812–1814 гг.): Материалы научной конференции. Малоярославец, 1998. С. 160–170; Он же. Военнопленные 1812 г. в городе Мосальске // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники: Материалы научной конференции. Малоярославец, 1998. С. 98–108; Он же. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1999. С. 12–23; Он же. Содержание военнопленных Великой армии в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Можайск, 2000. С. 11–29; Он же. Полицейский надзор за пленными 1812 г. // Отступление Великой армии Наполеона из России: Материалы научной конференции. Малоярославец, 2000. С. 76–89; Он же. Содержание военнопленных Великой армии в 1812–1814 гг. // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы научной конференции. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 214–225; Он же. Чиновник по военнопленной части Н.Н. Михайлов // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции: Материалы научной конференции. Малоярославец, 2001. С. 27–44; Он же. Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 г.: (К вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. С. 167–187; Он

же. Численность военнопленных 1812 г. в России // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. М., 2002. С. 18–38; Его же. Военнопленные Великой армии 1812 г. в Калужской губернии в период 1813–1814 гг. // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2002. Вып. 3. С. 83–101; Он же. Военнопленные Великой армии в Калужской губернии в 1812 г. // От Тарутино до Малоярославца: Материалы научной конференции. Калуга, 2002. С. 179–190.

34. Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России: (по материалам Калужской губернии): Дис. на соиск. … канд. ист. наук. Самара, 2001.

А.И. Попов*

МЕМУАРЫ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Пребывание военнопленных Великой армии в эпоху наполеоновского нашествия в пределах Российского государства в настоящее время активно разрабатывается исследователями. Основным историческим источником для их изысканий, естественно, остаются документальные свидетельства, содержащиеся в центральных и местных архивохранилищах. Однако при наличии этих документов процесс их выявления и обработки, особенно на уровне губернских архивов, потребует еще достаточного времени и немалых исследовательских затрат. С другой стороны, в арсенале историков имеется не менее богатый и интересный комплекс источников, позволяющих осветить судьбы представителей Великой армии в российском плену в 1812–1814 гг. Речь идет, прежде всего, об источниках личного происхождения: дневниках и мемуарах различных чинов армии Наполеона. По нашим подсчетам имеется около восьмидесяти документальных публикаций подобных памятников эпохи 1812 г., а два-три десятка еще остаются неизвестными читательской аудитории, хранящимися в различных зарубежных архивохранилищах [1].

И уже первое знакомство с такими источниками показывает, что они представляют для историка несомненный интерес по множеству оснований. Во-первых, интересно восстановить сам момент пленения, обстоятельства, время и место. Далее можно проследить процесс препровождения пленных к месту пребывания, поскольку многие мемуаристы подробно описали путь своего следования. Затем устанавливаются место жительства, отношения пленников с властями и местными жителями. Многие из них установили добрые отношения с местными дворянами, которые поддерживали и после возвращения на родину. Для краеведов большую ценность представляют многочисленные описания российских городов и селений, нравов и обычаев жителей, их одежды, пищи… Особый интерес вызывают случаи, когда несколько мемуаристов сталкивались меж собой во время плена или подолгу жили вместе. Воспоминания позволяют соотнести вышедшие из-под пера петербургских властей законодательные акты с их реальным исполнением на местах. Наконец, можно проследить и процесс возвращения пленных на родину, дороги, по которым осуществлялась репатриация.

***Попов Андрей Иванович** (Самара) – старший научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор Поволжской социально-государственной академии.

Детальный анализ фактического положения пленников в различных губерниях позволит выявить как общие закономерности, так и индивидуальные особенности в их судьбе. При этом обязательно следует учитывать социальное происхождение автора, уровень его образованности, его положение в иерархии военных чинов и должностей, степень информированности и объективности. Эти данные, при несомненном сопоставлении их с показаниями русских источников, позволит исследователям составить «объемную, стереоскопическую» панораму жизни военнопленных Великой армии в России. Мемуарные источники придадут «дух реальной жизни» тем сухим и безликим циркулярам, предписаниям и отчетам, которые в значительной своей части уже извлечены из архивов российскими исследователями. Когда же будут проанализированы все источники подобного рода, то можно будет писать даже исторические романы, настолько увлекательна, интересна, трагична и разнообразна была судьба военнопленных.

Следует подчеркнуть, что одному исследователю, даже при наличии длительного времени, качественно обработать весь сохранившийся материал, вероятно, практически невозможно, требуется коллективное и комплексное изучение этих мемуарных источников. Приводимые в настоящей статье сведения представляют собой предварительный обзор опубликованных документов. В качестве источников автором также использовались мемуарные памятники, известные по изысканиям зарубежных исследователей. Публикация обзора носит, скорее, информативный характер и призван облегчить последующим поколениям исследователей их поиски в этом направлении.

***

Анонимный итальянский офицер. В плену находился в Нарве [2].

Анонимный саксонский младший лейтенант пехотного полка «Король» из бригады генерала Х. Кленгеля. Взят в плен в Кобрине. Он пишет, что саксонцы были отведены в Брюловер двор, пленные офицеры представлены А.П. Тормасову, им возвращены шпаги с лестным замечанием, что храбрым поведением они заслужили такое отличие. Офицеры получили возможность написать письма домой, которые были посланы через парламентера в главную квартиру генерала Ж. Рейнье и затем доставлены в Саксонию. Колонна пленных двинулась по дороге на Дивин и Луцк. Все должны были идти пешком, только генерала, его повара и раненых везли. Но многие офицеры все же ехали верхом на своих изможденных лошадях. «Наш конвой, – пишет лейтенант, – состоял из Апшеронского пехотного полка и двух гренадерских рот, которые были назначены для караула унтер-

офицеров и рядовых; офицерам с их свитой было дано сопровождение из двух эскадронов драгун Владимирского полка, которые также располагались биваками вокруг нас». Конвоем командовал полковник А.А. Райхель, урожденный саксонец. Действительно, эскадрон Владимирского драгунского полка майора Данилевского и 1-й батальон Апшеронского полка с 17 (31) июля 1812 г. были «в командировке у препровождения в город Житомир военнопленных саксонцев» [3]. Вскоре к колонне присоединились ротмистр Х[ейманн] и лейтенант Г. вместе с уланами, которые были пленены возле Бреста. Русский Император назначил каждому лейтенанту по 1 ½ бумажных рубля в день. Для общения с населением офицеры использовали в качестве переводчиков евреев. Генерал К. Лекок переслал через парламентера 200 фридрихсдоров в качестве аванса для пленных офицеров [4].

Баджи Ф., лейтенант Итальянского 2-го полка линейной пехоты в 15-й пехотной дивизии. В сражении при Малоярославце получил удар штыком в левое плечо, но эполет спас его. Он сумел выбраться из России, но был взят в плен в Кенигсберге и весной 1813 г. отправлен вглубь России. В Минске он заболел и пролежал несколько недель в госпитале, затем через Чернигов и Тамбов прибыл к месту назначения – в Ставрополь. Здесь Ф. Баджи зажил в прямом и переносном смысле «припеваючи». Обладая хорошим голосом, он вместе со своим земляком Пачиони стал петь дуэтом. «Молодых певцов нарасхват приглашали во все лучшие семейства, жившие как в городе, так и в окрестных деревнях. В особенности, Ф. Баджи носили на руках в семействе Милковичей, где устраивали не только концерты, но и спектакли, в которых участвовали французские, итальянские и голландские пленные офицеры». В России провел два с половиной года [5].

Бауманн Ф., ротмистр Вестфальского артиллерийского обоза. Пленен казаками возле Ковно [6].

Бевилаква Ф.А., майор Саксонского пехотного полка «Король». В бою был ранен и взят при Кобрине в плен. Капитулировавшие саксонцы отведены в Брюловер двор, многочисленные русские войска наблюдали за ними. Пленных офицеров разместили в боковых пристройках двора, солдат – в хлевах. Им была зачитана прокламация М.Б. Барклая де Толли, призывавшая немцев собраться под русскими знаменами, но она не возымела никакого действия. Обращались с пленниками хорошо, они получили разрешение написать письма на родину. «Вследствие большого недостатка в продовольствии, который царил у русских, мы получили только немного хлеба, но никакой воды». Генерал А.П. Тормасов приказал вернуть офицерам шпаги, сказав в их адрес несколько добрых слов. Саксонцев направили в Киев, конвой состоял из эскадрона драгун и батальона пехоты под

командой полковника Райхеля. Через Дивин и Ратно саксонцы 4 августа 1812 г. прибыли в Ковель, 10 августа – в Луцк, 31 августа – в Житомир, где их передали другому конвою под командой подполковника К.Ф. Толя. В Киев пленники пришли 10 сентября, после 44-дневного марша. Записки Бевилаквы процитированы в книге М. Экснера [7].

Белэ О., су-лейтенант 4-го батальона 36-го линейного полка в составе Временного полка 12-й пехотной дивизии. Он подробно описал действия дивизии Л. Партуно на Березине и обстоятельства ее пленения. В ночь на 26 ноября 1812 г. командир его полка майор W[abre] странным образом исчез (почему автор не стал писать его имя полностью), и вместо него команду принял шеф батальона 36-го полка. Сначала сложил оружие Партуно с 1-й бригадой, после чего П.Х. Витгенштейн потребовал, чтобы сдались 2-я и 3-я бригады. Но генерал Бламон сначала послал в русский штаб лейтенанта Тэлльфера, товарища О. Белэ, который действительно обнаружил там Партуно. Утром 28 ноября остатки дивизии сдались. Мемуарист подробно описал пребывание пленников в Витебске, куда они прибыли 9 декабря. Младшие офицеры по указу царя получали по 50 копеек в день, нижние чины – по 15 копеек. С 1 января 1813 г. начинался путь пленных по российским территориям: их отправили через Великие Луки (17 января), Покров (16 июля), Великий Новгород (14 августа), Боровичи (28 августа), Вологду (12 сентября), Кострому (20 сентября), Кинешму (26 сентября), Казань (13 октября). Здесь они встретили генерала Ж. Бойе, начальника штаба дивизии. В Бугульме, недалеко от Самары, пленные оказались 20 ноября, 15 декабря – в Бирске, где и остались до 5 августа 1814 г. Пленник О. Белэ побывал также в Уфе, и весьма подробно описал условия жизнь в русской провинции, нравы и обычаи местного населения. Из Уфы он отправился 14 сентября 1814 г. через Лукьянов, Ардатов, Егорьевск, Белый, Великие Луки в Ригу [8].

Бенар Ш., сержант 4-го полка линейной пехоты 11-й пехотной дивизии [9].

Бертолини Б., лейтенант, затем капитан в штабе 4-го армейского корпуса [10]**.**

Бибер С.Ф., майор Баварского 4-го шволежерского (легкоконного) полка. Ранен на Березине 28 ноября и взят в плен, через Пермь доставлен в Вятку. Его записки использованы в книге П. Хольцхаузена, а хранятся в Мюнхенском военном архиве [11].

Боволье П.Л., военный комиссар 5-й кирасирской дивизии. Пленник П.Л. Боволье проделал путь от Немана до Москвы, кратко описал проблемы Великой армии в начале кампании, энтузиазм литовцев, атаку Бонами на батарею Н.Н. Раевского (видимо, со слов самого генерала), пребыва-

ние в Москве, действия русских партизан. При взятии в плен казаками Н.Д. Кудашева был ранен пикой утром 24 октября 1812 г. у с. Шеламово на Боровской дороге Боволье. Зять М. И. Кутузова много расспрашивал П.Л. Боволье, и на четвертые сутки они прибыли в Главную квартиру в Полотняном заводе («le château chevallier Gandjeroff»). Князь М.И. Кутузов принял пленника милостиво, когда узнал, что тот был одним из вождей Вандейского восстания. В штабе фельдмаршала П.Л. Боволье провел 28 часов, оттуда был направлен через Калугу в Рязань, где встретил генерала Бонами (он находился здесь по причине болезни, так как имел приказ ехать в Орел). Здесь же находились полторы тысячи человек из бригады генерала Ожеро, который сам был препровожден в Тамбов. Везде к пленнику относились хорошо, хотя многие его соотечественники жаловались на дурное обращение со стороны казаков и солдат милиции, называемых Raknic. На родину П.Л. Боволье возвращался через Белосток в колонне генерала барона Марсиаля, посланного французским королем [12].

Брессоль, лейтенант 8-го полка пешей артиллерии. Взят в плен под Люнебургом в 1813 г., ограблен, раздет и направлен в Берлин, где пленных не кормили целые сутки. Проведя в Кольберге двадцать восемь дней, пленные на парусных судах отправились в Ригу, куда прибыли через восемь дней. «Маркиз Паулини, итальянец, губернатор Риги, велел принять нас весьма вежливо, и мы направились в Нарву после десяти дней отдыха». Пленник Брессоль оказался в Солигаличе Ярославской губернии. Пособие от царя в 100 франков позволило ему купить шубу, весьма пригодившуюся зимой 1813–1814 гг., так что Брессоль проводил время в основном во сне, поскольку дни были очень короткими. В оставшееся время он изучал немецкий и русский языки. Но он жаловался на постоянные оскорбления со стороны «злобных и жестоких крестьян». О своем освобождении Брессоль узнал 2 июня 1814 г. Он выехал в Ригу, затем в Мемель, откуда отплыл в Кенигсберг, куда прибыл через восемь дней. Но поскольку во время бури утонуло четыре судна, он продолжил свой путь в дилижансе через Берлин во Францию [13].

Бретон О.Д., адъютант маршала Нея. Взят в плен под Красным 18 ноября 1812 г., представлен М.А. Милорадовичу и М.И. Кутузову. Он был отправлен 22 ноября в колонне из 800 пленных, в которой находился и «санитарный офицер <…> Лафлиз из молодой императорской гвардии» (в своих мемуарах он упоминает Бретона). Когда 21 декабря колонна прибыла в Шумаров, в живых осталось 16 или 20 человек. Через два дня, 23 января 1813 г., она направилась в г. Мглин Черниговской губернии. В колонне из 3 200 пленных, к которой они там присоединились, к июню 1813 г. выжило 120 человек. Автор встречался с предводителем дворян-

ства Скарупой, а дворянин Александр Рославец пригласил его в свое имение Вельжичи, где автор прожил до 5 июля 1814 г. Он посетил находившееся недалеко имение Разерита генерала графа Василия Гудовича [14].

Бринкан Ф., рядовой 8-го гусарского полка. При отступлении добрался до Кенигсберга, скрывался под видом немца, но все же был схвачен. Вместе с другими пленниками его 3 июня 1813 г. отправили разбивать лагерь возле Кенигсберга. В конце июня двенадцать торговых судов с 6 тысячами пленников отплыли в Ригу. Буря потопила три судна, так что лишь три с половиной человек высадились в Риге, там они принимали участие в строительстве моста. В начале октября партия пленных численностью 1 700 человек направились в Плескау, куда через пятнадцать дней добрались 1 569 человек, прочие умерли от голода. В Новгород через 20 дней дошли 1 307 человек. Далее пленных вели через Вологду, Сарапул, Казань в Архангельск. Здесь к оставшимся 170 пленникам через несколько дней 7 апреля 1814 г. присоединились 600 французов и итальянцев. Приказ о возвращении на родину Ф. Бринкан получил 17 июня. Из Архангельска пленник вышел в отряде из 300 человек 3 июля, получив комплект обмундирования, шесть пар обуви, сделанной из березовой коры, и продовольствия на двадцать дней, в основном хлеб и соль. В мемуарах автор отмечает, что свою полотняную одежду 26 августа он поменял на другую, из овчины. Также в мемуарах Ф. Бринкан указывает, что на дороге из Петербурга 13 октября четверо французов были убиты дубинами, а 28 октября освобожденные повстречали русских солдат, возвращавшихся из Парижа. Они сказали, что «французы идут в рай, а они возвращаются в ад». Далее из документа следует, что 18 ноября гусар прибыл в Ригу, откуда через Тильзит поехал в Кенигсберг. Проведя в пути семь месяцев, он перешел через Рейн 22 января 1815 г. [15].

Бюттнер, капрал Баварского 5-го легкоконного полка. В сентябре 1812 г. под Москвой захвачен в плен казаками из отряда Ф. Винцингероде. Через Владимир, Тамбов, Пензу, Симбирск и Пермь прибыл в Вятку, где встретил майора Бибера [16].

Вагевир К.Ж., капитан 2-го батальона 125-го линейного (Голландского) полка 12-й пехотной дивизии. Взят в плен на Березине по капитуляции 27 ноября 1812 г. «Лишь только наступил день, – пишет он, – со всех сторон раздалось “Ура”. Казаки и башкиры, как бешеные, носились кругом; они хотели показать нам, что они были победители. Так как мы знали, что мы военнопленные, то положили оружие и стояли в тоскливом ожидании, что с нами будет. Время от времени подъезжали к нам неприятельские офицеры, которые очень хорошо говорили по-французски и по-немецки. Они были большей часть очень дружелюбно настроены и утешали нас,

говоря, что таков жребий войны, и советовали нам не терять бодрости. Но все эти прекрасные слова мало нам помогли. Нам слишком скоро дали почувствовать, что мы в плену, и отданы на произвол врага». Через некоторое время русские солдаты отняли у него часы и кошелек, другие – сорвали эполеты и офицерский нагрудный знак, разорвали сюртук, сорвали с шеи платок. «Я должен был терпеливо переносить это, – пишет Вагевир, – потому что оказывать сопротивление было невозможно. Я видел, как одного полковника 44-го полка закололи за то, что он сопротивлялся». На самом деле 44-м линейным полком тогда командовал шеф батальона Манвиль, который был только ранен, и позднее его видел в Витебске Ведель. Плен Вагевир провел в Оренбургской губернии [17].

Вангенхайм В., капитан, командир 5-й фузилерной роты (контингент Кобурга) 2-го батальона 4-го полка Рейнской конфедерации 34-й пехотной дивизии. Ранен и взят в плен 10 декабря 1812 г. возле Вильно казаками В.В. Орлова-Денисова, через Минск направлен в Севск. Пленник В. Вангенхайм упомянут в дневнике Х.Л. Йелина [18].

Варшо Р., капитан Польского 8-го легкоконного полка 6-й бригады легкой кавалерии. Ранен и взят в плен на Березине 28 ноября 1812 г. [19].

Ва́хсмут И.И., унтер-лейтенант Вестфальского 6-го линейного полка. Взят в плен казаками Д. Давыдова 23 октября 1812 г. около Вязьмы [20].

Ве́дель К.А., лейтенант 9-го легкоконного полка. Пленен возле Орши 19 ноября 1812 г. казаками Иловайского-12-го. «В один момент, много короче, чем длится мой рассказ, – вспоминал он, – один овладел моей конфедераткой с серебряным прибором, другой – моей шинелью, третий – моим сюртуком, четвертый сорвал мои эполеты. Теперь они подумали, что сильно посеребренные пуговицы униформы были из чистого серебра, и в момент все они были похищены и зазияли дыры там, где прежде находились пуговицы. Даже черный шелковый галстук они у меня развязали. Один схватил меня за руку и повел во двор, где он сел на свою лошадь и показал, что я должен следовать за ним <…> Недалеко оттуда стоял один крестьянин, который злорадно взглянул на меня и свысока крикнул что-то, из чего я понял слова: “Franzusky kaput morosz” – я думаю, он выражал радость, что французам придет конец от холода. При этом он схватил камень и бросил в меня».

Казак привел пленника командиру. Увидев шапку К.А. Веделя, Иловайский воскликнул: «Polsky Ulansky Officiers Tchapka». «Тут я выступил и дал понять, что это моя шапка. Теперь он заговорил со мной по-польски, и на мой ответ Nie Polsky, Nimietz – что должно означать “не поляк, немец”, крикнул он одного драгунского офицера, который там стоял, и тот спросил меня на хорошем немецком, кто я, откуда, и в каком полку слу-

жил. Когда я назвал свое имя, лицо командира казаков приняло выражение удивления и любопытства, и он быстро сказал драгунскому офицеру несколько слов по-русски. Тот спросил меня теперь, не являюсь ли я родственником храброго генерала Веделя, друга Фридриха Великого. "Это был мой дед", – ответил я, не приходя в себя. "Господин генерал – так назвал я командира казаков – о нем слышал?". Драгунский офицер ответил, после того как он перевел мой ответ командиру: "Полковник читал русскую историю Фридриха Великого и является большим знатоком ее. Поэтому он интересуется вами из-за вашего знаменитого деда". Теперь полковник велел мне сказать, что ему весьма жалко видеть меня в таком положении, но он радуется, что имеет возможность помочь мне. На мою жалобу, что казаки отобрали мои деньги, часы и одежду. Он пожал плечами и велел сказать мне, что это право казака, он ничего поделать не может».

Пленника К.А. Веделя приодели и отправили дальше. Он нисколько не раскаивался в том, что дерзко лгал, будто приходится внуком генерала К.Х. Веделя. Это была ложь во спасение. Конвой во второй раз ограбил его, отобрав то, что дал ему Иловайский. Пленник направили в Витебск, по пути он встретил генерала П.В. Голенищева-Кутузова. В Витебске с ним заговорил гусарский офицер К. Мартенс, родившийся в Риге и с 1809 г. служивший ротмистром в русской армии. Он посоветовал К.А. Веделю обратиться к Л.Л. Беннигсену. После беседы с этим генералом, его адъютант князь Голицын предложил пленнику поступить в Германский легион, формировавшийся в Петербурге, но К.А. Ведель отказался. Он также беседовал с отставным генералом-поручиком И.Ф. Чорбой, урожденным сербом. В апреле 1813 г. пленников направили вглубь страны. Пленник К.А. Ведель шел в колонне (21 офицер и 10 солдат) под конвоем шести ополченцев под командой Осипа Михайловича Воронова. По пути он встретил пленных, шедших из Саратова в Петербург, в том числе своего однополчанина Шенка фон Винтерштедта. В Кинешме на Волге нашли 250 пленных французов, в августе 1813 г. в Пензе также встретили пленных, в том числе графа Сегюра. Пленник К.А. Ведель провел плен в Саратове, где встретил многих известных пленников [21].

Вольф К., унтер-лейтенант Саксонского легкоконного полка «Принц Йоханн» из 31-й бригады легкой кавалерии. Взят в плен вместе с генералом Делэтром 27 ноября 1812 г. на Березине. Записки его не опубликованы, но использованы в книге М. Экснера [22].

Вьейо́ Ж. Р., лейтенант 5-го батальона 24-го полка легкой пехоты в 3-й маршевой полубригаде. Взят в плен у с. Княжее 12 ноября 1812 г. и в числе прочих офицеров представлен князю М.И. Кутузову. Через Мосальск он был отправлен в г. Лебедянь Тамбовской губернии, где близко

сошелся с семьей В.Д. и С.П. Боборыкиных. В очень солидном и объемном издании мемуаров опубликованы также их письма и зарисовки самого Ж.Р. Вьейо [23].

Газо́ Ж., заместитель директора (sous-directeur) военного обоза Главной квартиры Великой армии. После ухода из Москвы отряда маршала Э. Мортье оставлен охранять в городе больных и раненых французов. «Русские стали входить в столицу, – пишет Ж. Газо, – и, прежде всего, перебили всех раненых французов, находившихся в частных домах. Таких раненых было убито до двух тысяч. Почти столько же находилось в Воспитательном доме. Опасаясь за их участь, я собрал до 600 выздоравливающих и раздал им оружие, какое только смог добыть. Русские нападали на нас три раза, и три раза мы отгоняли их. Наше сопротивление заслужило нам уважение в глазах неприятеля: генерал Бенкендорф предложил мне положить оружие, обещая пощадить госпитальное население. Мы, конечно, согласились на это условие. Только 30 солдат не пожелали сдаться, и едва они вышли из Воспитательного дома, как были окружены казаками и изрублены на наших глазах». По словам И.А. Тутолмина, гусарский полк А.Х. Бенкендорфа снабдил Воспитательный дом караулом. По распоряжению Ф.В. Ростопчина Газо был отослан в Вологду [24].

Гастинье Ж., старший сержант 13-го полка легкой пехоты 1-й пехотной дивизии. Взят в плен в начале ноября 1812 г., видимо, возле Ляхово башкирами из отряда генерала графа Орлова-Денисова, в который входили также казаки, татары и сибиряки. Из мемуаров пленника следует, что на другой день пленники повстречали русскую Главную армию, князь М.И. Кутузов произнес перед ними речь, пообещав выдать им по порции водки и дать в качестве конвоя эскадрон гвардейских улан, поскольку население озлоблено против них. Колонна из двух тысяч человек всех родов оружия и наций, каждый день теряла людей, особенно раненых и больных. После пятнадцати дней марша пленные прибыли в Калугу, где их разместили в огромном доме одного дворянина, апартаменты которого оказались незанятыми. Крестьяне были настроены враждебно к пленным, выражая желание перебить этих «свиней, собак и безбожников». Пленным сообщили, что офицеры будут получать по 50 сантимов в день, нижние чины – по 12 сантимов. На следующий день их посетил губернатор, который пообещал защитить пленных от суровых морозов. Каждый пленный офицер получил овчинную шубу. В Калуге пленники пробыли двенадцать дней и затем направились в Тулу. Крестьяне по-прежнему обзывали их «безбожниками, свиньями, собаками, канальями французскими», обвиняя их в сожжении Москвы. После 1 декабря колонна продолжила свой путь из Тулы вглубь страны. Один крестьянин обозвал Гастинье «Paganka (язычник)»,

но другой похлопал его покровительственно по плечу и сказал: «Ti dabro chaluvack (ты добрый человек)». На родину автор возвращался в колонне пленных под командой капитана 16-го полка легкой пехоты Антуана и достиг Страссбурга 22 ноября 1814 г. [25].

Г. Р., анонимный итальянский офицер [26].

Д'Арпантиньи С., офицер. Взят в плен в Данциге в 1813 г. [27].

Де ла Флиз Д., хирург 2-го полка пеших гренадеров гвардии. Попал в плен под Красным в 1812 г. и в плену находился вместе с О.Д. Бретоном [28].

Делэтр А.Ш., бригадный генерал, командир 30-й бригады легкой кавалерии 9-го корпуса. Ранен, взят в плен на Березине 27 ноября 1812 г. Сначала находился в Витебске, откуда 22 мая отправлен в г. Пудож Олонецкой губернии. Пленник А.Ш. Делетр получал ежедневно 3 рубля 30 копеек, офицеры – 50 копеек, рядовые – 5 копеек. Затем вместе с адъютантом капитаном Дарибе (де Рибе) оказался в Петрозаводске, откуда был отправлены 18/30 января 1814 г. в Петербург. Генерал оставил записки, но они не опубликованы [29].

Депп Й., баварский лейтенант из 6-го армейского корпуса. В колонне пленных, в которой он выступил 5 ноября 1812 г. из монастыря Забелы, из 431 человека до Пскова 1 декабря добралось всего 60–80 человек, остальные погибли в пути [30].

Додевард Д., голландский офицер [31]**.**

Зóден Ф.Ю., обер-лейтенант Вюртембергского 4-го полка линейной пехоты. Пленен в госпитале в Вильно 10 декабря 1812 г. Из девятнадцати находившихся с ним в комнате офицеров двенадцать умерли. С колонной пленных 7 апреля 1813 г. он оставил Вильно. Конвоировавший их офицер-лифляндец был человеком образованным. Через двенадцать дней, 19 апреля, пленники достигли Минска и были расквартированы у одного иудея, получая ежедневно по половине бумажного рубля (50 копеек). В конце апреля более сотни пленных вестфальцев, баденцев и из мелких саксонских княжеств вышли из Минска под конвоем офицера и «солдат милиции»; «первый был хотя и необразованный, но все же добродушный человек. Солдаты были старые, плохо вооруженные и одетые». Транспорт ежедневно проделывал по пятнадцать-двадцать верст и ночевал в деревнях. Пленные 5 мая прибыли в Бобруйск, где комендантом служил «любезный, достаточно образованный и понимавший немецкий язык человек» (генерал Г.А.Игнатьев). Через пять дней, 10 мая, пленные выступили по дороге на Тамбов и, переправившись через Днепр, «вступили теперь на старорусскую землю и не находили в деревнях более абсолютно ни одного еврея». (Это засвидетельствовали очень многие мемуаристы). «С плутоватым польским евреем мы могли не только объясняться, но он также давал все

за деньги. Не так было у русских. Русский крестьянин раболепен, боязлив и недоверчив по отношению к чужеземцу. Хотя мы были бедные невооруженные пленники, они прятали все из страха, что мы заберем и не заплатим. Неопрятность в русских домах превосходит таковую у польских евреев. Телята и свиньи живут мирно с русской семьей в одной комнате; только собакам доступ закрыт; даже в сильный мороз они безжалостно выталкивались. Этот злой и невежественный народ покрывает всех пленных именем "французы"; они считают нас за варваров и язычников. Попы обзывают нас как чертей или как людей, которые не имеют никакого представления о боге». По пути пленники не раз пытались объяснить крестьянам, что они немцы, но те «все же постоянно называли нас "шельма французская" и все усилия втолковать этому народу иное понятие о нашей нации были тщетны». Партия пленных 8 июня вступила в Елец, 10-го – в Липецк, 12-го – в Тамбов, 29 июня – в Пензу, 15 июля 1813 г. местом пребывания Ф.Ю. Зодену определили Саранск. В середине декабря пленников вызвали к полицмейстеру, который объявил им об освобождении. По распоряжению Императора Александра Первого, каждому офицеру выдавалась зимняя одежда и запряженные сани. Пленники покинули Саранск 20 декабря и 27-го декабря уже были в Пензе, где дожидались других пленных. Здесь они узнали об Указе Императора о том, что каждый немецкий офицер получит по 100 бумажных рублей. Путь на родину пленных начался 8 января 1814 г., 16 января они достигли Тамбова, и далее через Воронеж, Елец, Ливны, Орел, Стародуб, Могилев, Бобруйск, Слоним, Гродно и Белосток покинули пределы России [32].

Йе́лин Х. Л., обер-лейтенант Вюртембергского 2-го полка линейной пехоты. Взят в плен в госпитале в Вильно 10 декабря 1812 г. Через Минск 12 июня 1813 г. прибыл в Тамбов, затем в Пензу и Севск. Пленник Х.Л. Йелин привел несколько списков немецких офицеров, с которыми он вместе был в плену [33].

Комо С.Й., полковник, начальник штаба 20-й (Баварской) пехотной дивизии. В плену находился в Петербурге, где его видел генерал Пуже [34].

Ко́нради Л.В., подполковник, командир 1-го батальона Вестфальского 6-го полка линейной пехоты. Взят в плен 11 октября 1812 г. в Верее отрядом И.С. Дорохова. Через Боровск и Малоярославец отправлен в Калугу. Оттуда 24 октября колонна из 22 офицеров и 1 500 нижних чинов вышла в Орел под охраной батальона милиции из 800 человек под командой майора Щербачева. Партия пленных прибыла в Козельск 28 октября, где «ландмаршалом» был брат Щербачева. Через город Белев колонна, потеряв по пути 400 человек, прибыла 5 ноября в Орел, где губернатором был

Яковлев. Пленник Л.В. Конради довольно подробно описал свое пребывание в плену [35].

Кудре А., капитан 15-го полка легкой пехоты 2-й пехотной дивизии. Взят в плен при Красном, плен провел в Саратове. Опубликованы два его письма из плена [36].

Курц К. Г., лейтенант Вюртембергского 4-го полка линейной пехоты. Плен провел в Тамбове [37].

Лéйссер А.В., полковник, командир Саксонского полка «Гард дю Кор». Взят в плен в Бородинском сражении около полудня восточнее деревни Семеновское кирасирами Орденского полка, и поручик Нойман сопроводил его с поля боя. «Многие ряды орудий, – вспоминал А. В. Лейссер, – и очень много зарядных ящиков еще стояли здесь в резерве, и несколько батальонов милиции – они могли насчитывать, вероятно, 4 000 человек – служили им прикрытием; кроме них я не заметил других свободных войск. Вид этих русских ополченцев (Landwehrmänner) был действительно ужасным, так как они были одеты в темно-коричневые и серые длинные кожаные рясы, так что их нельзя было отличить от дикарей; у многих лица были настолько покрыты волосами, что нельзя было заметить ничего, кроме носа и глаз. Между тем, все больше русских раненых офицеров прибывало сюда; они единогласно уверяли, что сражение принимает благоприятную для них развязку, уже многие батареи были захвачены, а мой король – они приняли меня, лишь небо знает почему, за одного из адъютантов Мюрата – взят в плен».

Поздним вечером А.В. Лейссер оказался в Можайске. В одном из домов в этом городе 8 сентября он обнаружил генерала Боннами, который лежал в углу комнаты на сене и стонал от боли. Он получил тринадцать штыковых ранений, из которых особое страдание ему причиняла глубокая рана на левой стороне груди. В 7 часов 9 сентября 1812 г. офицер ополчения сказал генералу, что повозка готова, и тот вместе с А.В. Лейссером тронулся в путь. В Москву они прибыли 10 сентября. Повозка долго стояла у ворот, ее окружила толпа любопытных, в большинстве из низших классов народа, которые стали издевательски строить гримасы и показывать языки. «Генерал Боннами все более наполнялся мрачными идеями, и, зная, как бывший революционер и выскочка, о последствиях скоплений народа, при виде это ужасного сборища воскликнул в высшей степени трагическим тоном: “Ах, кажется, эти канальи хотят нас прирезать”». Однако все обошлось, пленники были вежливо приняты плац-адъютантом, размещены в двух комнатах в гостинице. От русского начальства генерал получал ежедневно 3 рубля, Лессинг – 1,5 руб., а находившийся при них артиллерист – только полрубля. Из мемауров пленника явствует, что 13 сентября к ним

прибыл адъютант главнокомандующего в Москве Ф.В. Ростопчина и от его имени передал генералу Боннами 1 000 рублей. Генерал поблагодарил его и через два дня, при расставании с А.В. Лейссером, отдал ему пятую часть полученной суммы. После личной беседы с князем М.И. Кутузовым генерал Боннами был направлен в Орел, а А.В. Лейссер через Рязань и Тамбов поехал в Саратов [38].

Линдеман Ф.Л., прусский офицер [39]**.**

Ляйсних В.Л., лейтенант Саксонского легкоконного полка «Принц Альбрехт». Находясь в русском походе, 4 октября 1812 г. получил приказ с отрядом из 23 человек, в том числе 17 драгун, отправиться в депо в Рузу. Генерал Ф. Байи де Монтион предупредил его, что следует «в отношении крестьян вести себя хорошо и двигаться со всевозможной осторожностью». Вечером 5 октября они заметили огни — так местные крестьяне извещали русские пикеты о появлении неприятеля. Справа находился город Воскресенск, В.Л. Ляйсних поспешил к Звенигороду, но заночевать пришлось в деревне. На следующий день, 6 октября, отряд продолжил марш, Звенигород был уже рядом, но появилась русская кавалерия, и начался кровавый бой. На В.А. Ляйсниха налетел калмыцкий офицер, крикнул: «Пардон, камрад», схватил и потащил за собой. Отряд потерял убитыми 7 человек, прочие были ранены и взяты в плен. Русские отнеслись к пленникам хорошо и, по словам мемуариста, об этом бое упомянула петербургская газета. Русский отряд состоял из калмыков во главе с офицером, донских казаков под командой офицера, конных ополченцев (Landwehr-Cavallerie) во главе с двумя офицерами, а также толпы пеших ополченцев (Landsturm zu Fuβ), общим числом в 200 человек. Вскоре В.А. Ляйсних узнал, что генерал Ф.Ф. Винцингероде с двенадцатью полками кавалерии располагался позади Воскресенска, выслав сильные пикеты на несколько дней пути вперед, чтобы ни один небольшой отряд не смог пройти из Москвы в Рузу и Можайск. Вторую часть своих мемуаров В. А. Ляйсних собирался посвятить пребыванию в плену, когда он был сослан на берега Каспийского моря, но она не была опубликована [40].

Майер В., доктор 2-й (Баденской) бригады 26-й пехотной дивизии. По случаю болезни был отпущен генералом В. Хохбергом на излечение в госпиталь в Оршу. Затем поехал дальше и попал в руки казаков из отряда А.И. Чернышева, который случайно освободил из плена генерала Ф.Ф. Винцингероде. «Как раз после этого, – вспоминал В. Майер, – наш маленький обоз прибыл в это же самое место. Я лежал больной в повозке и мало знал, что происходило вокруг меня. Неожиданно возникла сбивчивая суматоха: крики ужаса с разных сторон, и среди них громовое: “Стой!”. – Казаки, размахивая пиками, бросились на нас. Повозки были быстро свер-

нуты с дороги и повезены через поле так быстро, как были в состоянии лошади. Спустя некоторое время была сделана остановка на свободном месте посреди леса. Здесь собрался большой отряд казаков. Мы были вывезены на середину, и после множества заданных нам вопросов, повезены далее. Так двигались в течение нескольких дней через области и местечки, названия которых я не знаю. Достигнув одного загородного дома, я получил возможность побеседовать с генералом Ф.Ф. Винцингероде и полковником А.И. Чернышевым.

Наконец, однажды вечером они остановились перед домом в лесу, и здесь затеяли отложенный до времени форменный грабеж. Сначала вытребовали деньги и ценности, какие я имел при себе, затем отняли шинель и шубу; теперь очередь дошла до униформы, отнятию которой я по возможности препятствовал, лежа на земле; все же при помощи вытащенной сабли мне пояснили: здесь не допускают никакого сопротивления. Сюртук был мне возвращен; но даже это, последнее, что я имел, забрал другой казак. После того как надо мною был учинен этот акт грабежа, казаки отправились дальше с нашими повозками и всем нашим добром и взятыми в плен французами, и предоставили нас, немногих немцев, своей судьбе. Я не знаю, был ли я обязан этим освобождением ходатайству генерала Винцингероде». Ограбленные и раздетые немцы сумели добраться до Вильно и вернулись на родину [41].

Майер П. Л., солдат 35-го полка линейной пехоты 14-й пехотной дивизии [42].

Мальцан Д., лейтенант Мекленбург-Шверинского полка. Взят в плен 12 декабря 1812 г. казаками из отряда подполковника Ф. К. Теттенборна [43].

Мейер Я., унтер-офицер полковой артиллерии Дестфальского 3-го полка линейной пехоты. Пленен казаками 6 декабря 1812 г. между Сморгонью и Вильно. Помещен в госпиталь в Минске, затем попал в Вильно, где видел генерала К. Борстеля и полковника Росси. Отпущен домой в начале 1813 г. [44].

Менаж де Ганьи Л., офицер из 12-й пехотной дивизии [45].

Мино Ш.Ф., каптенармус 2-го Швейцарского полка. Взят в плен казаками после Березины 30 ноября 1812 г. Отправлен в госпиталь в Глубокое, где было 2 800 пленных разных наций, затем в Верки. Здесь пленные получили по 12 копеек на человека, что равнялось 2,5 су во Франции. Под присмотром ополченцев пленники были направлены через Тамбов и Пензу в Бонинск Симбирской губернии. Им предлагали остаться в России, обещая большие выгоды, но они решили вернуться на родину, куда выступили 10 июня 1813 г. [46].

Монтравель, граф де [47].

На́гель Й.Б., обер-лейтенант Баварского 4-го полка линейной пехоты. Взят в плен 30 ноября 1812 г. в д. Кобылянке казаками Ф.К. Теттенборна, по приказу которого два офицера получали одну повозку, а нижние чины, и даже женщины, должны были идти пешком. Поначалу конвой составляли евреи и крестьяне, вооруженные пиками и старыми саблями. По пути пленники, жутко страдавшие от мороза и голода, были ограблены казаками, которые вскоре сменили их конвой, и погоняли их криками: «Baschol, Baschol». Несколько дней пленные провели в Докшицах, дожидаясь русского коменданта, и выступили оттуда 13 января 1813 г. в числе 45 «голов» в Борисов. Оттуда они были направлены через Калобиниц в Чернигов, куда прибыли 20 июля 1813 г. Здесь Й.Б. Нагель оставался до 10 сентября и обучал дочь губернатора рисованию, а затем был направлен в Пензу. Перед отправлением из России на родину на одежду каждому офицеру было выделено по 100 рублей [48].

Наленч-Малаховский С., полковник Польского 14-го кирасирского полка. Взят в плен утром 18 ноября 1812 г. возле Дубровны партией есаула И.И. Попова из полка Иловайского 12-го. Последний направил его в Бабиновичи к князю М.И. Голенищеву-Кутузову, где пленник встретил генералов Готрена и Корсена, взятых в плен в других местах. Светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов 9/21 ноября 1812 г. «донес, что посланными от него партиями к Толочину <…> взяты два французских генерала: барон Готрен и барон Корсен, польский полковник граф Малаховский». Пленник С. Малаховский был отправлен в Тверь, где находился в феврале – марте 1813 г., а оттуда через Дмитров, Покров и Владимир отправился в Тамбов. В плену находился до 5 мая 1814 г. [49].

Новацкий С., унтер-офицер Легиона Вислы. Взят в плен под Борисовым. Направлен в Георгиевск на Кавказской линии через Минск, Бобруйск, Астрахань [50].

Обри Т. Ж., капитан 12-го конно-егерского полка. Ранен в Бородинском сражении, взят в плен в госпитале в Москве. Через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Глазов и Пермь отправлен в Вятку. Здесь Т.Ж. Обри встретил генерала Ж.Д. Вандамма, с которым часто общался. Вместе с ним он в 1814 г. направился в Ригу, откуда они отплыли на датском корабле в Дюнкерк, поскольку в Германии генерала не любили [51].

Паган М [52].

Пе́плер Ф., лейтенант 2-го батальона Хессен-Дармштадтского Лейб-полка. Взят в плен в декабре 1812 г. возле Сморгони, дважды ограблен казаками. Через Минск и Тамбов направлен в Камышин. Подробно описал пребывание в плену [53].

Пешке С.Б., врач 1-го класса в Польском 10-м гусарском полку. Взят в плен под Москвой в августе 1812 г. и с партией пленных проследовал через Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Пензу в г. Петровск Саратовской губернии. В колонне с ним шли Ф. Редер и, вероятно, поручик его полка Я. Малиновский. В Петровске С.Б. Пешке занимался лечением заболевших военнопленных. Он подробно описал жизнь в Саратовской губернии. В январе 1813 г. городничий получил приказ отправить пленных поляков в Георгиевск, чтобы охранять границу с Персией. Покинули Петровск пленники-поляки, в том числе Ф. Редер и Я. Малиновский, 15 января 1813 г., а С.Б. Пешке остался. Он упомянул капитана 5-го (9-го) гусарского полка Франсуа Ла Виолетт-Беттингера, покончившего жизнь от тоски по родине. Пленника С.Б. Пешке любезно принимали в семьях многих дворян. По приказу губернатора 15 мая он со своими гусарами выехал в Саратов. Губернатор А.Д. Панчулидзев сообщил, что он, как подданный Саксонии, может выехать на родину вместе с полковником А.В. Лейссером. Здесь С.Б. Пешке встретил подполковника Х. Хохенлоэ-Кирхберга и генерала Боннами. При обратном пути 28 мая в г. Актарске С.Б. Пешке встретил до 200 пленных, в том числе подполковника Муффанья (Mouffanga) и старшего адьютанта Ле Грана, с которыми был знаком по военной службе. Пленник С.Б. Пешке с гусарами прибыл в Балашев 2 июня, где находились 206 пленных, главным образом итальянцы. В Кирсанове Тамбовской губернии он встретил лейтенанта 21-го линейного полка барона фон Штайна, который направлялся в Саратов [54].

Понсле́ Ж.В., инженер-лейтенант в Главном штабе инженерных войск Великой армии. Взят в плен в ноябре возле Красного, отправлен в Саратов [55].

Пре́йзинг-Моос М.Й., генерал-майор, командующий Баварской кавалерийской дивизией. Утром 2 декабря возле Илии он провалился под лед и был окружен казаками генерала А.Д. Мартынова. «Он приказал развести огонь и подать мне немного водки, которая меня весьма оживила <…> Многие офицеры проходящих мимо полков подходили ко мне, чтобы посмотреть на баварского генерала; но все были учтивы и высказывали сострадание к моему печальному состоянию, особенно барон Игельстрем, подполковник и командир одного уланского полка, курляндец, который дал мне то, что в тот момент было наиболее ценным, кусок хлеба, немного мяса и свою единственную пару перчаток и, несмотря на все возражения, навязал еще 8 дукатов. Спустя более двух часов пришел приказ отвезти меня к генералу Платову, которого я встретил при выходе из одной деревни. Из-за болезни он сидел в тройке, поговорил со мною несколько минут и затем приказал предоставить мне такую же повозку». Утром 3 декабря

атаман М.И. Платов щедро угостил пленника. «Затем двинулись к деревне Латига; по пути мы встретили прекрасную конную батарею под командой капитана Браке, курляндца, который снабдил нас колбасой и запасом сухарей и также хотел навязать деньги» [56]. На следующий день, 4 декабря, «около полудня доставлен от командующего генерала Кутузова приказ, нас к нему доставить. Платов дал нам казачьего офицера Страбуша, который учился в Лейпциге, а потому говорил по-немецки», и десять казаков для сопровождения. С генералом ехали лейтенант Флотов и аудитор Рис. По пути в Латиге Прейзинг имел беседу с П.В. Чичаговым и А.Ф. Ланжероном. Их «войска были очень хорошо одеты и в хорошем состоянии; конные батареи вызвали наше удивление своими великолепными упряжками». Пленники добрались до Главной квартиры 6 декабря; Прейзинг был представлен П.П. Коновницыну. Русские генералы и офицеры были весьма любезны, особенно князь С.Н. Долгоруков. «В семь часов вечера я был вызван к Кутузову, после чего он около часа беседовал со мной. Я встретил старого, еще довольно красивого человека, полного души и сердечности, которому я обязан счастьем того, что я в течение моего пребывания в плену встречал столь хорошее обращение. Он приказал выдать нам 500 рублей, позволил мне написать не только генералу графу Вреде и моей семье, но также отослал мои письма через парламентера, назначил мне, как особое исключение, в качестве местопребывания Ярославль и дал мне с собой даже рекомендательное письмо к тамошнему губернатору». Генерал К.И. Опперман освободил для пленника свою квартиру. Пленнику Прейзингу 8 декабря был придан в качестве сопровождающего поручик Бранон, курляндец, ординарец генерала Н.Н. Раевского, который очень хорошо говорил по-немецки. «Он получил необходимые указания и 10-дневное продовольствие для нас, которое по установленному тарифу обходилось для меня ежедневно 3 бумажных рубля, а для каждого субалтерна ½ рубля». По данным Ставракова, 26 ноября / 8 декабря генерал был отправлен из главной квартиры в сопровождении поручика Черниговского драгунского полка Булгакова. Пленники 9 декабря, получив плохих лошадей, направились в путь на столь же дрянных санях, которые постоянно ломались, так что им приходилось часто идти пешком. Между тем, мороз доходил до 26°С при пронизывающем ветре. Их приютили в поместье Новый двор. «Мы застали там канцелярию Главной квартиры генерала Кутузова, в том числе начальника штабного совета Фухса (Фукса), который бывал в Баварии еще с Суворовым и имел наш орден Хуберта. Он хотел дать мне денег, но я их не принял». Директор канцелярии Е.Б. Фукс сопроводил М.И. Прейзинга рекомендательным письмом в Ярославль к профессору Покровскому. И через несколько дней, 10 декабря, пленники направились в Минск [57].

Пужé Ф.Р., бригадный генерал, командир 2-й бригады 8-й пехотной дивизии, затем генерал-губернатор Витебской провинции. Генерал П.Х. Витгенштейн 28 октября 1812 г. направил князю М.И. Кутузову донесение, что генерал В.И. Гарпе 7 ноября взял Витебск, преследовал неприятеля в направлении на Фальковичи и Лезну; в плен взяты «бывший в Витебске губернатором генерал Пуже и комендант полковник Шевардье». Из мемуаров известно, что их автор дрался храбро, в упор застрелил двоих драгун, но разрубленная и вывихнутая правая рука вынудила его сдаться. У него отняли часы, бумажник, ордена и препроводили обратно в Витебск. Здесь его отвели к отставному генералу И.Ф. Чорбе, а затем к губернатору Северину (Лехерту). Поскольку Ф.Р. Пуже в 1808 г. встречался с Императором Александром Первым и его братом в Эрфурте, он написал царю письмо с просьбой отпустить его во Францию под честное слово, но в этом ему было отказано. Генерал Ф.Р. Пуже 14 ноября отправился в Полоцк, где прожил некоторое время в иезуитском монастыре. Затем он оказался в Петербурге, поселился под наблюдением полиции в гостинице «Европейской». Зная о тяжелой участи французских пленных, генерал пытался улучшить их положение, направив прошение военному министру А.И. Горчакову, через генерала С.К. Вязьмитинова он добился отмены полицейского надзора. В Петербурге он встречал пленных генералов: Л. Партуно, Я. Конопку и Борстеля. В письме от 4 мая 1814 г. Ф.Р. Пуже написал из Петербурга военному министру: «К счастью, я имел честь быть известным Его Величеству Императору Александру, который соблаговолил рекомендовать меня и отправить в Петербург, чтобы лечиться. В самом деле, меня лечил дворцовый хирург по приказу Ее Величества правящей Императрицы». И в тот же день, 4 мая, генерал получил известие о своем освобождении… И 4 июня он покинул Петербург [58].

Пюибюск Л. Г., военный комиссар в Смоленске. Взят в плен казаками 18 ноября 1812 г. При нем находился сын, который служил вторым лейтенантом Вестфальских гвардейских егерей, был ранен в битве у Красного. После пленения его отвезли к генералам А.Д. Мартынову и М.И. Платову, после чего последний 7/19 ноября 1812 г. сообщил о взятии в плен «commissaire ordonnateur general le-Pubusque». Пленников направили к командиру арьергарда Ермолову, который препроводил их к Кутузову. Один из офицеров передал Л.Г. Пюибюску от Кутузова конверт, в котором оказалась связка ассигнаций. Из мемуаров известно, что 25 ноября 1812 г. из Главной квартиры выслали «Могилевской губернии Копысского уезда земскому исправнику Папову провиантского генерала де Певиска с сыном». «Полковник Пуйбус военный комиссар» числился в Могилевской

губернии в январе – феврале 1813 г. Оттуда его препроводили в Петербург, где он находился до окончания войны [59].

Редере́р П.Л., шеф эскадрона 8-го легкоконного (Польского) полка во 2-м армейском корпусе. Пленен в Вильно 10 декабря 1812 г., отправлен в Чернигов [60].

Редер Ф., капитан Хессен-Дармштадтского Лейб-гвардии полка. Взят в плен в Вильно, но бежал за Неман в 1813 г. Отрывки его дневника инкорпорированы в его исследование о походе в Россию [61].

Роос Х.У., хирург Вюртембергского 3-го конно-егерского полка. Взят в плен на Березине 28 ноября 1812 г. Направлен в госпиталь в Борисов. В конце августа 1814 г. окончательно решил остаться в России, имел врачебную практику в Петербурге [62].

Руа Ж., ошибочно под именем этого ***издателя*** в России опубликованы мемуары ***доктора Мерсье, старшего хирурга Главной квартиры 1-го армейского корпуса.*** Взят в плен в Вильно 10 декабря 1812 г., оставлен в госпитале святого Иакова, откуда 19 февраля 1814 г. отправлен в Белосток [63].

Рюппель С.Э., унтер-лейтенант Вестфальского 2-го гусарского полка. Пленен 19 августа 1812 г. возле Валутиной горы. В Дорогобуже встретил колонну французских пленных под конвоем ратников, которыми командовал отставной подполковник. Здесь были пленные из 12-го, 21-го и 127-го полков дивизии Гюдена. Образовалась колонна из 20 офицеров и 1 200 солдат, затем она увеличилась до 2 000 человек, главным образом поляков. Ежедневно они проделывали путь до тридцати верст. Через Вязьму и Бородинское поле, где русские строили укрепления, пришли в Москву. Здесь встретили вюртембергского полковника Т. Вальдбург-Цайль-Вурцбаха с адьютантом Бацем, взятых в плен при Инково. К колонне присоединились восемь португальских офицеров, значительное число хорватов из дивизии Мерля (3-й полк), так что она увеличилась до 3 000 человек. Во Владимире жители обзывали пленных «шельма, французская собака», здесь они встретили капитана 21-го полка Дюплесси и инженер-географ-лейтенанта Бутино, взятого в плен 12 августа. Затем колонна двинулась в Симбирск, ее обогнал генерал Боннами, направлявшийся в Саратов. В Муроме офицеры получили деньги из расчета по 25 копеек в день. Здесь начальство над колонной принял майор Павел Петрович Булыгин, бывший морской офицер. Через Арзамас пленники прибыли в Симбирск, откуда П.П. Булычев с ратниками вернулся назад. Пленных осталось 400 человек, и они должны были идти через Самару в Оренбург, где губернатором служил князь Г.С. Волконский. Затем пленных отвели в Бузулук. Пленник С.Э. Рюппель некоторое время жил в Уральске в семье Племянниковых.

Его брат, премьер-лейтенант гвардейских шволежеров, был взят в плен при Гжатске и отправлен в Саратов. Мемуарист направился туда через Самару и Вольск, где содержалось много пленных. В Саратове жило около 400 пленных офицеров, в том числе генералы Сен-Женье и Боннами, полковник Сен-Мар, лейтенант К. Ведель. Капитан О. Сегюр жил в доме губернатора А.Д. Панчулидзева, подполковник князь Х. Хохенлоэ-Кирхберг – у барона Крюденера. По приказу царя каждому офицеру выдали по 100 рублей, чтобы вернуться на родину. Пленники шли через Сердобск, Кирсанов, Пензу, Тамбов, Бобруйск, Слоним, Кобрин и Белосток [64].

Серюзье́ Ж. Т., полковник, командующий артиллерией 2-го корпуса резервной кавалерии. Взят в плен 13 декабря 1812 г. в Ковно. В Вильно встретил Великого Князя Константина Павловича [65].

Схюрмен А., подполковник, командир 3-го батальона 33-го (Голландского) полка легкой пехоты 4-й пехотной дивизии. Взят в плен под Красным. Плен провел в Саратове. Его записки не изданы, но использованы в книге Ф. Саброна [66].

Флек А., солдат Вестфальского егерско-карабинерного батальона. Пленен казаками 27 ноября 1812 г. на Березине. «Уже первый поступок казаков в отношении нас, – пишет он, – был жестоким и варварским. После того, как они отняли у меня оружие и мой ранец, толчками пики и ударами кнута мне дали понять, что следует быстро бежать перед ними, когда они сами ехали. Многие мои товарищи по несчастью, совершенно изнуренные силы которых, не позволили долго выдержать этот бег, были убиты на месте. Итак, я увидел бы свою смерть перед глазами, если бы проявил малейший след изнурения, и напрягал все свои силы, чтобы соответствовать неистовству моих победителей и их многочисленным ударам кнутом. Так пробежал я по меньшей мере расстояние в два часа <…>, пока мы наконец не добрались до русской армии». Уже издали А. Флек увидел толпу пленников, которых русские раздевали и грабили. Два казака знаками велели ему раздеться, затем с яростью сорвали с него шубу, униформу, жилет, сорочку, галстук и обыскали все карманы. Казаки ободрали его кивер и даже в обгоревших гамашах пытались найти ценности. «Мы должны были под конвоем казаков пройти посреди русской армии; неприятельские солдаты, хорошо накормленные и тепло одетые, меньше чем мы страдали от мороза, к которому они были привычны, глазели на нас с удивлением и не упускали отпустить насмешки и издевки. Мы также проходили мимо неприятельского генералитета. Когда я заметил генералов в их блестящей униформе и на их превосходных лошадях, вспомнил я грустно о Наполеоне и его еще более блестящей свите, о победе, к которой вели нас император и его маршалы; теперь все было позади». Теперь А. Флек был обречен или на

скорую смерть, или на жалкое существование. «Когда эта печальная уверенность, – пишет он, – овладела моими мыслями, я решил еще раз испытать свое счастье, либо я безнадежно все потеряю. Быстрым прыжком прорвался я сквозь линию казаков, и, несмотря на все удары, которые в изобилии достались мне от моей охраны, мне удалось добраться до русских генералов, которые немало удивились моей дерзости. Предполагая, что один из них наверняка понимает по-немецки, я сказал им на этом языке: “Конечно, вы можете приказать немедленно меня расстрелять, поскольку мое изнуренное, обнаженное от предметов одежды и истощенное от голода тело оказалось не в состоянии дольше сопротивляться тягостям и суровому морозу”. Я крикнул, обращаясь к самому переднему, чей возраст и усеянная орденами грудь выдавали главного генерала: “Господин генерал, я убежден, что Вы говорите по-немецки; сделайте милость и велите меня расстрелять!”. После того, как я произнес эти слова, названный пожилой человек, чья грудь была украшена многими орденами, подъехал ко мне ближе и сказал мне, что я выразил желание, которое русские ни к одному пленному не приводят в исполнение, пока тот не заслужит этого своим поведением. Впрочем, поскольку я являюсь немцем, то вследствие этого, как только позволят обстоятельства, мне будет оказано особое внимание, но в данный момент не может иметь места никакое преимущество. Невзирая на это, я повторил в другой раз свою просьбу, сбросил с плеч свою шинель и показал спину, растерзанную уколами пик и ударами кнутов, и при этом заметил, что такое жестокое обращение, какое я претерпел с момента пленения, дальше невозможно перенести, и в тысячу раз лучше быть расстрелянным, чем желать медленно лишиться своей жизни посредством пыток. Старый генерал, казалось, из-за вида моего избиченного тела, склонился к состраданию и велел мне – следовать за ним. В пятидесяти шагах от покинутого нами пункта он вошел затем еще с тремя другими более молодыми генералами в помещение, построенное из досок и плотно присыпанное землей, в котором горели две свечи и в углу которого прекрасная печь согревала воздух… Когда я вошел с генералами в хижину, мне приказали сесть и старый господин спросил меня, из какой области Германии я родом? Я ответил ему, что из княжества Хильдесхайм, но оно ему было совершенно неизвестно. Затем сказал я ему на его дальнейшие вопросы, что я служил среди вестфальцев, что французская армия не имеет продовольствия, и что император Наполеон уже давно оставил нас, и я не знаю, находится ли он вообще еще при армии. Когда я ему также сказал, что уже неделю вынужден питаться только дурным лошадиным мясом, передо мне тотчас поставили большой хлеб, бутылку водки и стакан и старый генерал принудил меня к еде, при этом он все же проявил некоторое

раздражение, что я ему не хочу или – как он подозревал – не хочу сказать, где остановился Наполеон, так как он все же еще едва за час до того получил верное сообщение, что император остановился вблизи Березины, то есть, как раз там, откуда прибыл. Так как я все же действительно не знал, что произошло с Наполеоном, я в другой раз заверил, что мне невозможно удовлетворить господина генерала в этом отношении; я, конечно, не преминул бы сказать все, что я знаю, отчасти из надлежащей благодарности, частью также потому, что мы, немцы, лишь неохотно и вынужденно последовали за французским императором в Россию. И без того могу я уверить, что среди французов вообще никакого порядка более не существует, что никто о других не заботится, и на Березине скопились такие массы людей, что конечно тяжело было бы найти между ними императора, если он так же там еще находится. После этих слов он, кажется, захотел мне поверить и вынудил меня продолжить еду и питье; он сам поднес мне обычную пивную кружку, полную водки, и дал мне в руки со словами: “Если ты не знаешь, где находится твой император, и покинут им, то выпей этот бокал за здоровье нашего Императора, под чьей защитой ты отныне будешь жить”. Мне, действительно, было безразлично, за чье здоровье я в тот момент пил. Я мог бы выпить за благополучие всех злых духов, если бы вообще я в этих условиях должен был пить; поэтому я взял бокал, встал со своего сиденья и сказал: “Я пью это за здоровье Императора Александра, за здоровье его высокого семейства, его полководцев и всей его армии!”.

После таких или подобных слов, я выпил из бокала почти половину находившейся водки, в то время как старый генерал переводил сказанное мною стоявшим вокруг. Когда я опустошенный только наполовину бокал вновь поставил на стол, ко мне подошел молодой высокий человек, со звездой на груди, вновь протянул мне с горячностью бокал и знаком дал мне понять, что я должен его полностью опустошить; я сделал это, но попреки своему желанию. Как только я опустошил бокал, я хорошо ощутил некоторое опьянение, так как я уже долгое время не употреблял водки, и когда затем старый генерал спросил меня, требую ли я еще, чтобы меня расстреляли? Я попросил позволения только оставить мне жизнь и позволить поступить к нему на службу, чтобы я мог доказать мою полную благодарность. Старый генерал похвалил мою добрую волю, но сказал мне, что, хотя он сам лично был бы не против, оставить меня при армии, но строгий императорский приказ это ему запрещает; однако, возможно, что немецкие пленные действительно вскоре будут приглашены вступить на русскую службу в специально для этого создаваемый легион. Но сейчас я должен с колонной лишь далее идти вглубь России. Затем он велел одному из своих слуг вымыть израненные места на моей спине подогретой водкой и одарил меня

русской шапкой, шарфом и казачьей шинелью, чтобы я смог лучше перенести мороз. Одновременно командиру, который руководил транспортом пленных, была вручена десятирублевая банкнота для меня, с приказом, обеспечить мне, вследствие этого, все возможное попечение, кроме того, он должен был обращаться со мной хорошо и с вниманием. С надлежащей благодарностью за полученное великодушное обхождение я откланялся генералам и стал отныне зависеть от командира. Он шел со мной еще около пятнадцати минут вдоль русской армии, и теперь лишь я вновь увидел моих товарищей по несчастью, согнанных в толпу. Это было душераздирающее зрелище для меня; большинство из них были полуобнаженными, все до крайности измучены и дрожали от голода и холода. Командир, который в армии имел звание майора, сказал мне, что. по примерному подсчету, но скорее более, чем менее весь транспорт состоит из 2 800 человек.

Затем этот человек также сообщил мне имена генералов, которых я только что оставил и от которых он меня привел. Более старый человек со множеством орденских знаков, которому я должен быть благодарен, что он не приказал меня расстрелять, который угостил меня хлебом и водкой и спрашивал о местонахождении Наполеона, был русским главнокомандующим маршалом Кутузовым; более молодой, который мне, когда я пил за здоровье Императора Александра и других, вновь протянул мне бокал с замечанием, что я должен его полностью опустошить, был брат Императора, Великий Князь Константин. Имена других генералов я забыл. Одновременно мне рассказали, что уже многие пленники выбегали к генералам и просили их о помощи и об отмене жестокого с ними обращения; но великий князь Константин закалывал их на месте brevi manu (быстро). Если это было правдой, то я не знаю, какому случаю я должен быть благодарен, что избежал этой участи. Вероятно, Великий Князь проявил ко мне жалость, поскольку я был немцем, а все другие были французами; или моя странная просьба – что было естественно в моем положении – могла его удивить и побудить его, из сочувствия ко мне, отказать в том, о чем я просил. Вероятно, он не хотел предоставить мне смерть, поскольку я видел в этом благодеяние».

Затем А. Флек беседовал с русским майором, который немного понимал по-немецки «и часто говорил: “die Deutsche – gute Leut – Franzoski Sabaki”». Однажды Флек зашел в крестьянскую избу, увидел в углу икону и перекрестился. Крестьяне очень удивились этому, так как считали, что французы не знают Бога и религиозных обрядов. «Они говорили друг другу: “O Boge meu – ette Kristianski” [Бог мой, это ведь христианин]». Пленник А. Флек попытался им объяснить, что он не француз, а немец, но они его не поняли. Он был отправлен в Орел, затем в Пензу [67].

Фор Р., хирург 1-го кавалерийского корпуса. Взят в плен при Винково [68].

Фóсслер Х.А., лейтенант Вюртембергского 3-го конно-егерского полка. Проделал поход в Россию, в январе 1813 г. вернулся в Вюртемберг, но взят в плен казаками генерала С.Н. Ланского 28 марта 1813 г. Через Белосток, Гродно, Новогрудок, Кайданов, Минск отправлен в Чернигов, куда прибыл 28 октября 1813 г. [69].

Фуртенбах Ф.В., обер-лейтенант 7-й фузилерной роты Баварского 5-го полка линейной пехоты. Взят в плен за Неманом, отправлен в Пензу [70].

Фюзелье Д., хирург. Взят в плен 13 января 1813 г. больным в госпитале в Данциге. На корабле направлен в Нарву, откуда – в Новгород. Партия пленных достигла Костромы 13 октября 1812 г., затем переправилась через Волгу у Кинешмы, 12 ноября прибыла в Нижний Новгород, 23 ноября – в Чебоксары, 27-го ноября– в Казань. В качестве пленного проживал в г. Спасск [71].

Хаарс Й.Г., каптенармус Вестфальского 4-го полка линейной пехоты. Из мемуарного повествования известно, что 1 декабря обессиленный Й.Г. Хаарс заночевал в крестьянской избе. Заметившая его женщина закричала: «Француз!». И на ее крик прибежали два бородатых крестьянина, вооруженных длинными палками. Мемуарист-противник проснулся, потянулся, чтобы выхватить саблю, но вытащил фляжку, и это его и спасло. Увидев ее, крестьяне бросились обнимать солдата, перекрестились и выпили, а один из них предупредил о близости казаков. Впрочем, на другой день он был взят в плен казаками (скорее всего, из отряда Теттенборна). Один из них спéшился, поздоровался за руку, расцеловал и спросил по-немецки: «Cammerad, hast Du Geld?». Затем казаки его ограбили, а конвоировали пленных крестьяне [72].

Хáйнеман В., капрал Вестфальского легкоконного полка гвардии. Взят в плен 4 сентября 1812 г. русской партией из отряда Ф.Ф. Винцингероде [73].

Хэнссген Х., драгун Саксонского полка «Поленц» из 7-го армейского корпуса. Ранен в сражении под Калишем в 1813 г. и вскоре взят в плен. Отправлен в Киев, но по дороге уговорил русского артиллерийского офицера взять его с собой и таким образом добрался до Варшавы. Затем находился при осаде Модлина, но заболел и был отправлен в Варшаву [74].

Цецшвиц Й.А., полковник Саксонского линейного полка «Низемойшель». Взят в плен в Кобрине 27 июля 1812 г., отправлен в Киев, в начале 1813 г. находился в Киевской губернии. Его записки не опубликованы, но использованы в книге М. Экснера [75].

Циммерман Х.К., солдат 2-й роты 9-го легкоконного полка. Взят в плен казаками в середине августа 1812 г. Пленных ограбили казаки и калмыки, поскольку такие банды не получали денег в русской армии, а жили только за счет добычи. Затем гвардейские красные гусары угостили их водкой, а «в качестве конвоя служила банда вооруженных пиками Muschicki, крестьян, под командой одного помещика». Пленных провели через Дорогобуж и Вязьму в лагерь под Москвой, где они пробыли с 3 по 8 сентября. Затем их вели через Арзамас и Симбирск в Бузулук возле Самары. После Москвы их конвоировали ополченцы, «такие Druschinen назывались также Radnicki (Landsturm)». «Когда Император призвал свой народ к оружию, – пишет Циммерман, – начальство и священники сказали им, что чужие грабители вторглись, чтобы разрушить их алтари, ограбить их и превратить в рабов. И на самом деле было ведь не многим иначе, и мы не должны были удивляться, что эти полуварвары для нас, нарушителей их спокойствия, никакого другого имени не имели, как “Franzuski Sabaki”…

Чтобы читатель мог составить себе представление о внешнем облике такого воинства, позволю себе здесь описать их одежду и вооружение. Грубые, грязные, полотняные кальсоны большой ширины и поверх этого столь же грубая полотняная или разнообразная хлопчатобумажная рубаха составляли нижнюю одежду; последняя была закреплена вокруг талии лентой или шнуром. Ступни и ноги были обмотаны грязными шерстяными лохмотьями, плетеные лапти были закреплены на ступне ремнями; также нога вверх до колена была обмотана ими. Поверх они носили кафтан или сюртук грубого военного сукна. Вся неопрятная фигура была закутана в тулуп, который затвердел от грязи и вокруг тела был закреплен веревкой. К этому добавлялись рукавицы из овчины и головной убор из такого же материала с длинными клапанами, которые свешивались на затылок и уши. Из лица не видно почти ничего, так как из-под большого капюшона наружу выглядывала только взъерошенная борода, к которой, следуя религиозным законам, не прикасались ни бритва, ни ножницы. Оружие этого дикаря составляло вырезанное наподобие ружья дерево (ein gewehrartig geschnitztes Holz), на нижнем конце с насадкой в виде булавы, а сверху снабженное, вместо штыка, толстым, заостренным железным стержнем. Слишком часто мы должны были сводить неприятнейшее знакомство с обеими сторонами этого оружия». Пленник Х.К. Циммерманн освобожден в 1814 г. В ноябре 1814 г. переступил порог родного дома [76].

Шеель К., трубач 2-го карабинерского полка. Взят в плен казаками 28 октября 1812 г., после того, как 26 октября был командирован на фуражировку в отряде из 40 человек. Командир полка по-французски сердечно беседовал с трубачом, который совершенно успокоился. Но когда через час

полк остановился, казаки спе́шились, привязали коней и начали грабить пленных с такой жадностью и быстротой, каких не проявляла ни одна шайка разбойников с большой дороги. Они стянули с К. Шееля обмундирование, сапоги и штаны; поскольку его черный галстук долго не развязывался, один из казаков чуть не задушил трубача. Другой уже занес свою саблю, чтобы отрубить ему безымянный палец левой руки, чтобы взять золотое кольцо, но его остановил офицер, влепивший ему пощечину. Офицер смочил палец слюной, повертел и снял его и надел себе на мизинец [77].

Шенк фон Винтерштедт К.Х., шеф эскадрона 9-го легкоконного полка. Взят в плен 2 октября 1812 г. под Москвой партией А.С. Фигнера. В Тарутино он встретил старых знакомых: генерала Л.Л. Беннигсена и поручика Х.Л. Диста, общался с А.П. Ермоловым, П.А. Кикиным и М.И. Кутузовым, который заявил ему: «Для нас война только начинается, хотя ваш император надеется на мир» [78].

По совету князя М.И. Кутузова, К.Х. Шенк направлен в Воронеж. Генерал П.А. Кикин поручил сопроводить туда пленника своему адъютанту поручику фон Бутлару, а полковник С.Н. Марин попросил пленника передать письмо своему брату, который жил в Воронеже. Путники тронулись в путь в двух почтовых кибитках 12 октября. В Воронеже они направились «к дому для военнопленных, которым являлся маленький каменный дом вместе с жилищем коменданта, в котором не жил ни один русский. Я нашел в этом доме пять французских и трех вестфальских офицеров с их слугами, правда, среди них только одного из моей дивизии, а именно, капитана графа Сегюра из 8-го гусарского полка. Я был в этом доме принят так, как встречают брата». Штаб-офицер получал ежедневно 1½ рубля бумажными деньгами. Прочие офицеры только ½ рубля. Пленник К.Х. Шенк встретил здесь капитана Ла Роша из 33-го полка легкой пехоты, который был взят в плен казаками из корпуса Ф. Эртеля. Затем они еще раз встретились в Саратове, где К.Х. Шенк жил на квартире у одной старой женщины вместе с полковником Ж.С. Мишо де Сен-Марсом, взятым в плен казаками генерала В.А. Сысоева под Могилевым. Прежде Сен-Марс служил адъютантом маршала Ж. Ланна в 1805–1809 гг., и для К.Х. Шенка «это было счастье, в моем тогдашнем положении постоянно находиться в обществе такого любезного и столь образованного офицера».

«В начале 1813 г., – пишет К.Х. Шенк, – рекрутский набор в России был относительно очень сильным, и так как при нем больше всего страдали помещики, то они были этим совершенно недовольны, хотя они постоянно говорили только о своем патриотизме и о своей ненависти к французам». Помещики должны были выставить от 10 до 20 и более рекрутов. В отличие от Франции, где воинский набор распространялся на все возрасты и

состояния, в России выбор рекрута целиком зависел от личных интересов помещика, который «поэтому поставлял, как правило, только наихудших субъектов. Даже не заботясь о том, был ли его рекрут уже женат и имел семью или нет… Едва отобранные помещиками рекруты были собраны вместе, они, связанные или скованные вместе, отсылались в губернский город, где комиссия, которую возглавлял губернатор, исследовала их пригодность. Если эта комиссия, которой помогали врач и хирург, признавала рекрута годным для службы, он нагим предавался военному, который его тотчас одевал в серую одежду, и в доказательство, что он отныне принадлежит к военному состоянию, выстригал пятно на передней части головы. Тех, кого находили непригодными к службе, возвращали назад помещику, и тот должен был поставить вместо него другого. Русский крестьянин, который очень хорошо знал, что он, если станет солдатом, больше не сможет и думать о возвращении в свою деревню, обычно был близок к отчаянию и гораздо печальнее, чем наши немецкие земляки, которым выпадал жребий при конскрипции, так как у них все еще оставалась надежда когда-нибудь возвратиться назад в свою деревню и к своим.

Как неохотно русские крестьяне вступали в солдаты можно заключить уже из того, что очень многие калечили себя, чтобы остаться свободными от военного состояния. Там, где крестьянин сотворил такое, деревня должна была вместо одного рекрута выставить двоих. Если же оба они оказывались неспособны для службы во фронте, то они посылались для работ в крепости, и за них следовало выставить других… Способы, какими крестьяне себя увечили, выли весьма разнообразны: они выбивали себе передние зубы, отрубали себе несколько пальцев, повреждали свои глаза и т. д.

Учитывая, что большинство земляков, как правило, были женаты, можно легко представить себе ужасный крик и визг, если такой транспорт отправлялся из своего родного места. Я сам видел в Костроме, что, когда около двадцати таких рекрутов были доставлены к военному, четверо из них тотчас сбежали. Хотя неуклюжие гарнизонные солдаты преследовали их, все же получили назад только двоих, которые на следующий день должны были подвергнуться шпицрутенам». В апреле 1813 г. губернатор А.Д. Панчулидзев получил приказ отправить в Петербург пленных вестфальцев и ганноверцев, после того, как в феврале пленные пруссаки были уже направлены в корпус Йорка. В середине мая К.Х. Шенк с несколькими офицерами направился по назначению через Петровск, Пензу, Нижний Новгород, Кострому, где повстречал своего однополчанина К.А. Веделя, который также упомянул об этой встрече в своих мемуарах. Далее шли через Ярославль, Тверь, Торжок, Вышний Волочок, Валдай, Новгород, где было много пленных. В конце июня добрались до Царского Села, затем

двинулись через Петербург, Гатчину в Нарву, где встретил своего старого товарища и однополчанина, шефа эскадрона фон Вимпфена, который был ранен и взят в плен у Магдебурга. Затем через Новгород вернулись в Кострому, где и перезимовали. На родину К.Х. Шенк отправился 7 февраля 1814 г. [79].

Шерон А.П., лейтенант, адъютант генерала А. Лауссе. Взят в плен в госпитале в Кенигсберге. Генерал К.К. Сиверс дал каждому пленнику по 5 дукатов, и 19 марта 1813 г. они выступили на восток. Пленник слышал, что в Вильно из 30 тысяч пленных осталось 10 тысяч, что из 11 тысяч человек, взятых в Борисове, уцелело 63 человека, в другой партии из 3 600 человек осталось 462 человека. Его партия шла через Истербург, Гумбинен в Минск. Оттуда отправились 2 мая, прошли через Бобруйск, Чечерск, Чернигов, Новгород Северский, Липецк, Тамбов, Арзамас. Мемуарист отбывал плен в г. Семенов Нижегородской губернии, где «жители были более приветливы, чем в любом другом месте». В январе 1814 г. «русский губернатор велел выдать каждому младшему офицеру по сто рублей для обмундирования, так что мы вылезли из крайней нищеты, в которой находилась большая часть из нас».

Во второй части воспоминаний А.П. Шерон описал нравы и обычаи россиян. Вот некоторые его замечания:

«Знать вообще является образованной, говоря на многих языках, учтива и кажется услужливой. Они любят еду, выпивку и женщин».

«Имеется три класса жителей, которые весьма различаются: господа или дворянство, купцы или негоцианты и народ, который разделяется на порабощенный народ и свободный народ, который принадлежит короне и платит налоги».

«Солдат издалека, когда замечает своего офицера, снимает свой головной убор, сходит в сторону от дороги, соединяя каблуки, и остается в таком положении до тех пор, пока тот его обгонит. Крестьяне приветствуют своих господ, сгибая тело, так сказать до земли, и целуют ему руку, в отличие от крестьян поляков, которые обнимают его колени или даже ступни в знак подчиненности».

«Су-лейтенант получает всего лишь 80 рублей в год <…> Солдат регулярных войск получает пятак на десять дней и продукты. Он не может достичь офицерского звания и в качестве вознаграждения за свою службу получает медали и свободу.

Господа имеют право продавать своих рабов, и даже целые деревни. Человек хорошего сложения стоит вообще тысячу, две и даже три тысячи, а женщина – три сотни. Далее цена увеличивается вследствие талантов индивида. Имеются рабы, которые, с разрешения своего господина зани-

маются торговлей и, покупая впоследствии свою свободу, добиваются успеха… Вообще знать имеет довольное число рабов, которых они обучают музыке, живописи и другим искусствам, и вследствие этого они вытягивают много денег из тех рабов, которые работают и платят им подати».

«Имеются религии многих видов. Главной является православная греческая, которая отличается от нашей по многим пунктам. Знак креста делается справа налево <…> Одни крестятся двумя пальцами, другие – тремя».

«Крестьяне крестятся каждую минуту. Это средство ото всего. Молитвы являются языком страны. Les popes или священники женятся и могут иметь только одну женщину. Большая часть церемоний совершается тайком. Народ, который является религиозным, мало уважает этих священников: причина заключается в том, что большая их часть пьет и напивается допьяна вместе с ними».

«Многие французские и союзные офицеры поступили в дома под названием учителя; но большая часть была вынуждена покинуть их, потому что их смешали, если так можно выразиться, со слугами».

«Крестьяне спрашивали наших солдат, есть ли солнце во Франции, женщины задают тысячи подобных вопросов. Один солдат, которого спросили, действительно ли, что Император имеет три глаза, ответил, что он имеет один между двух лопаток, так что он может видеть за сорок верст позади себя». Некоторые дворяне «утверждали, что император имеет договор с дьяволом, другие спрашивали нас, имеется ли дорога по суше, чтобы доехать до Англии».

Отправляя пленников в обратный путь в июле 1814 г., из них образовали три отряда по 60 офицеров и 200 солдат каждый.

Мемуарист составил краткое описание маршрута, в котором отмечал числа месяца, названия городов и селений, через которые они проходили.

Некоторые из этих заметов весьма примечательны, ибо характеризуют их состояние через два года после войны:

«Июль. 20. Владимир, большой город, центр одноименной губернии, на Клязьме. Ничего примечательного. Одна улица довольно хорошо отстроенная, множество церквей. Пленные, которые здесь находились, не жаловались на власть».

«28. Богородск, маленький город Московской губернии на Клязьме в пятидесяти верстах от этой столицы. Многие вновь отстроенные деревни возвещают о нашем прежнем визите».

«Август. 1 и 2. Бронницы, маленький город в тридцати верстах от Москвы. 3. Подольск, часть которого была сожжена нами».

«5. Чириково, сгоревшая деревня в тридцати верстах от Москвы. 6. Вороново, деревня, принадлежавшая господину графу Ростопчину, винов-

нику пожара Москвы и губернатору этого города. Мы посетили его поместье, на стенах которого еще сохранилась надпись: “Хозяин этого поместья предал его огню, чтобы ни один француз не вошел туда”».

«8. Боровск на Протве, город полностью сожженный при отступлении. 9. Растах (Séjour). 10. Верея на Протве, большой город довольно хорошо построенный, большая часть домов которого сделана из кирпича. Он испытал ту же судьбу, что и предыдущий, и большей частью восстановлен».

«15. Вязьма. Наибольшая часть была сожжена и особенно кирпичные дома, которые имелись в большом числе. Этот город далек от того, чтобы быть восстановленным, хотя здесь много работают. Мы находились здесь 16, 17 и 18-го. 19. Семлево, деревня настолько опустошена, что мы были вынуждены расположиться биваком, и не рискнули войти в ужасные дома обитателей» [80].

Шрафель Й., сержант Баварского 5-го линейного полка. Во время плена добровольно работал у одного аптекаря и вместе с официальным жалованием имел ежедневно 13 ½ крейцеров. Он пишет, что перед отправлением на родину каждый баварец получил рубашку, панталоны, сапоги, чулки или полный лоскут материи, шубу, шапку и шинель [81].

Эвертс Х.П., гросс-майор 33-го (Голландского) полка легкой пехоты. В сражении при Красном 17 ноября 1812 г. его полк, насчитывавший всего 380 человек, был атакован русской кавалерией и положил оружие. Пленные были ограблены и раздеты; в таком виде их привели к генералу А.В. Розену, который поверил в то, что Х.П. Эвертс имеет чин майора, «проявил доброту, приказав немедленно дать мне старый русский редингот и немного крепкой выпивки. Кроме того, он проявил гуманность, сделав важнейшую вещь, а именно, велел прекратить, по моей просьбе, избиение наших несчастных товарищей». Капитан ван Инген подал масонский знак о помощи А.В. Розену, и «генерал дал ему несколько бумажных рублей, которые достал из своего портфеля». Пленные были отведены в русскую Главную квартиру, где голландцы дождались прибытия 3 тысяч пленных из корпуса Нея, чрезвычайно измученных. Не покормив пленных, колонну из 3 400 человек направили на восток. Она прибыла в Мглин 21 декабря, оставив позади себя 3 тысячи трупов; затем разразилась эпидемия, и в живых осталось всего 30 человек. Они присоединились затем к колонне из 600 пленных, конвоируемых азиатскими конниками, вооруженными луками и стрелами. Русские отделили голландцев от французов, и Эвертс прибыл в Курск в октябре 1813 г. Отсюда на почтовой повозке он поехал через Воронеж и Тамбов в Козлов, куда прибыл 9 ноября, и разместился в доме одного мещанина [82].

В заключение заметим, что сведения о пленных Великой армии сохранились и во многих русских мемуарах, так что следует вести целенаправленные поиски и в этом направлении [83].

Литература и источники

1. Об этом см.: Бокур Ф. Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812–1814 годах // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сборник статей. Самара, 1997. С. 47–60; Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812–1814 годах // Там же. С. 78–91.

2. Il prigioniero di Narva. Diario di un italiano trascinato in cattivita dai russi (1813–14). Lugano, 1837.

3. Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник // Труды Московского отделения Российского военно-исторического общества. М., 1913. Т. IV. С. 267, 282–283.

4. Erinnerungen aus der russischen Gefangenschaft 1812 und 1813 von einen königl. sächs. Offizier. Leipzig, 1837.

5. Ricci C. Memorie di Francesco Baggi. Bologna. 1898; Воспоминания пленного итальянца в России // Исторический вестник. 1899. № 12. С. 1173–1176.

6. Baumann Fritz. Mit der Groβen Armee 1812. Hamburg. 1910. S. 77 f.

7. Exner M. Der Antheil der königlich sächsischen Armee am Feldzuge gegen Russland 1812. Leipzig. 1896. S. 156–157.

8. Beulay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907. P. 71–193.

9. Benard Ch. Souvenirs de 1812, un prisonnier en Russie // Giberne. 1904, 1907.

10. Bertolini B. La mia prigionia. Racconto storico. Trieste. 1859; ibid. La campagna di Russia e il Tramonto di Napoleone. Milano. 1940.

11. Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Abteilung Kriegsarchiv Handsschriftensammlung. 691.

12. Beauvollier P.L. Mémoires sur l'expedition de Russie // Beauchamp A. de. Mémoires secrets et inédits pour servir a l'histoire contemporaine. Paris, 1825. Vol. II. P. 1–87; Бильбасов В. А. Записки современников о 1812 годе // Русская Старина. 1893. № 1. С. 3–28.

13. Recit du lieutenant Bressoles // Revue de l'Institut Napoléon. 1979. № 135; Bernard L. Les prisonniers de guerre du Premier Empire. Paris, 2002. P. 223, 239–40, 267.

14. Breton A.D. Lettres de ma captivité en Russie // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris, 1999. P. 101–140.

15. Faits historiques et remarquables pendant la durée du service de Brinquant François // Revue de l'Institut Napoléon. 1997. № 175; Bernard L. Les prisonniers de guerre du Premier Empire. Paris, 2002. P. 210, 220, 267–268.

16. Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung… Nürnberg. o. J.

17. Wagevier C.J. Aanteckeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820; Roulin L. Le 125-e régiment d'infanterie. Orleans, 1890. P. 340–344.

18. Wangenheim W. In russischen Kriegsgefangenschaft. Kattowitz, 1914; Yelin Ch. In Russland 1812. München, 1911. S. 58; Geissler C. Geschichte des Regiments Herzoge zu Sachsen… Eisenach, 1840. S. 10.

19. Le général major baron Edouard de Mercx de Corbais, notice biographique par Roland Warchot. Namur, 1856.

20. Wachsmuth J. Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft... Magdeburg, 1910.

21. Wedel C.A. Geschichte eines Officiers im Kriege gegen Russland 1812. Berlin, 1897. S. 129 f; Ведель. О пребывании в плену в Витебске в 1812 и 1813 годах // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 215–239. Н.Д. Дурново свидетельствует, что Чорба приглашал на обед многих пленных офицеров (1812 год… Военные дневники. М., 1990. С. 106–107).

22. Exner. 130-131. Имеется рукописный вариант его дневника в переплете (Wolf K. Tagebuch des Feldzuge in Russland. 1872).

23. Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. Luneray. 1996; Бокур Ф. Указ. соч. С. 48-53.

24. Бильбасов В.А. Записки современников о 1812 годе // Русская Старина. 1893. № 1. С. 3–31.

25. Gastinieau J. Mémoires. Paris, 1853; Les carnets du major Joseph Gastinieau // Tradidion Magazine. № 146. P. 12–16.

26. Le mie prigione in Russia del conte G.R. Milano, 1856.

27. Arpentigny S.D'. Voyage en Pologne et en Russie, par un prisonnier de guerre de la garnison de Dantzig, en 1813 et 1814. Paris, 1828.

28. Де-ла-Флиз Д. Поход Наполеона на Россию в 1812 г. М., [1912].

29. Vincennes, Archives du Service historique de l'Armee de Terre MR 670-675; ВУА. XV. 77; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 34; Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Кн. 1. С. 17; НАРК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 15/7. Л. 23; Бокур Ф. Указ. соч. С. 54–55; Попова Ю.Н. Французские военнопленные в Олонецкой губернии в 1812–1814 гг. // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 226–228.

30. Doepp J. Tagebuch aus dem Feldzuge 1812 // Erheiterungen. 1824. Bd. II. Heft 7. S. 35–79; Heft. 8. S. 119–167.

31. Doodewaard D. Van. Gedenkechriften van den krijgevangenen in Rusland, gerudende 1812, 1813 en 1814. Montfoort, 1855.

32. Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 1–2. Regensburg. 1831–1832. S. 77–177.

33. Yelin Ch. In Russland 1812. München, 1911; Иелин Х. Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. Видимо, его перу принадлежит анонимное издание: Merkwürdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Ruβland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Officiers. Stuttgart, 1817.

34. Comeau S.J. Souvenirs des guerres d'Allemagne pendant la Revolution et l'Empire. Paris, 1900.

35. Conrady L.W. Aus stürmischer Zeit. Berlin, 1907. S. 310–372. Об обстоятельствах его пленения см.: Попов А.И. Налет отряда И.С. Дорохова на Верею // II этап Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1997. С. 49–67.

36. Lettres du commandant Coudreux a son frère. Paris, 1908. P. 215–217.

37. Kurz K. G. F. Die Würtemberger in Russland… Esslingen, 1838.

38. Leyβer A.W. Denkwürdigkeiten aus den Briefen, geschrieben an den Ufer der Volga // Meerheim R. Erlebnisse eines Veteranen der groβen Armee. Dresden, 1860. S. 292–301; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 190.

39. Lindeman F.L. Meine Gefangenschaft in Russland in den Jahren 1812 und 1813. Ronnenburg. 1833.

40. Leissnig W.L. Märche Kriegs-Ereignisse. Th. I. Budissin, 1828. S. 557–575; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 192 об.

41. Meier W. Erinnerungen aus den Feldzugen 1806–1815. Karlsruhe, 1854. S. 90–92.

42. Mayer. Mémoires d'un soldat prisonnier en Russie.

43. Die Heimat. 1911. № 25–29.

44. Meyer J. Erzählung der Schicksale und Kriesabenteuer. Göttingen, 1838. S. 74–90.

45. Mesnage de Cagny L. Ma malheureuse campagne de Russie. Caen, 1910.

46. Minod Ch.F. Journal des campagnes et blessures // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris, 1999. P. 35–58.

47. Montravel. Voyage d'un officier français prisonnier en Russie. Paris, 1817.

48. Nagel J.B. Die Tage meiner russischen Gefangenschaft 1813 // Stadtarchiv Regensburg, M 316. Краткое переложение см.: Vangerow H.H. Kriegsgefangenschaft anno 1812/13 in Ruβland Oberlieutenant Johann Baptiste Nagel // Regensburger Almanach. Bd. 26. 1993. S. 248–257.

49. Nałęcz Małachowski St. Pamiętniki. Poznan, 1885. S. 36–38, 113–156; ВУА. XV. 29, 72; XVII. 91; XX. 88, 193, 194; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 30; Кутузов. IV. 2. 313, 399; Тамбовская губерния. 47–48, 107.

50. Nowacki S. Podróże do Georgii w czasie moiéy niewoli w Rossyi. Odbyte w roku 1813, 1814 i 1815. Poznań, 1833.

51. Aubry T.J. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris, 1889. P. 170–177.

52. Pagan M. Mémoires d'un prisonnier en Russie. Lyon, 1843.

53. Peppler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland vom Jahre 1812 bis 1814. Worms, 1832. S. 15–158.

54. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Mój pobyt w niewoli rosyiskiej w r. 1812. Warszawa, 1913; Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 254; Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. Тамбов. 1914. С. 124–125.

55. Poncelet J.V. Souvenirs sur la campagne de Russie // Revue Napoléonienne. 1903–1904.

56. Видимо, имеется в виду Густав Богданович Бракер, штабс-капитан 12-й конной роты из армии П.В. Чичагова (Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 420).

57. Preysing-Moos M. Tagebuch. München, 1912. S. 29–32. На этом рукопись обрывается, очевидно, остальной текст был утерян. В Ярославле Прейзинг был уже в феврале 1813 г. В Ярославском архиве сохранилось несколько документов, где упоминаются Прейзинг, его адъютант барон Флотов, поручик Штребер, аудитор Рис и майор Бибер (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 77; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 16, 17, 24, 25, 31, 33, 44, 54, 55, 57, 60, 67, 83, 97, 99).

58. Pouget F.R. Souvenirs de guerre. Paris, 1895. P. 220–234; Chuquet. La Guerre. I. 124; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 8; Бокур Ф. Указ. соч. С. 54–55. Несколько документов о Пуже и его адъютанте майоре Нейшателе имеется в архиве Псковской области (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 187, 189, 202, 217, 223, 225, 226, 244).

59. Puybusque L. G. Souvenirs d'un invalide… Vol. 1–2. Paris, 1841; ВУА. XV. 70; XVII. 84, 89; XIX. 177; XX. 30, 47, 74, 75; РГВИА. Ф. 103. Оп. 3/209а. Д. 37. Л. 58; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 55; Goriainow S. Lettres interceptees... Paris, 1913. P. 261, 263; Грачев В. И. Письма французского офицера из г. Смоленска в 1812 г. Смоленск, 1911.

60. Roederer P. L. Notes d'un prisonnier en Russie // La Revue de Paris. 1913. № 1. P. 116–149.

61. Röder F. Der Krieszug Napoleons gegen Russland im Jahre 1812. Leipzig, 1848; Roeder Helen. The Ordeal of Captain Roeder, from the Diary of an Officer of the First Battalion of Hessian Lifeguards during the Moscow Campaign of 1812–1813. London, 1960. 220 p.

62. Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912.

63. Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Tours. 1870; Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912.

64. Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin. 1912. В 1855 г. Рюппель восстановил могилу полковника Е.И. Бедряги, убитого в 1813 г. возле Касселя, и Александр Второй выразил ему благодарность (Русский инвалид. 1855. 10 ноября; Русский Архив. 1889. № 10. С. 260–262).

65. Seruzier J. Mémoires militaires. Paris. 1823.

66. Sabron F.H. A. Geschiedenis van het 33ste Regiment Lichte Infanterie. Breda, 1910. S. 136–137; Тамбовская губерния… С. 113, 119.

67. Fleck A. Beschreibung meiner Leiden... Hildensheim, 1845. S. 63–166. Великий князь Константин прибыл к армии 14/26 ноября (Русская Старина. 1874. Т. X. С. 664; Пущин П.С. Дневник. Л., 1987. С. 73; 1812 год… Военные дневники. М., 1990. С. 105; 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 211).

68. Faure R. Souvenirs du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. Paris. 1821.

69. Vossler H.A. With Napoleon in Russia 1812. London, 1969. P. 90–160.

70. Furtenbach F. Aufzeichnungen. Nürnberg; Leipzig, 1912.

71. Фюзейе Д. Дневник русского плена 1813–1814 гг. // Лепта. 1992. № 3. С. 152–165; Бокур Ф. Указ. соч. С. 56–58.

72. Haars J. Ein Braunschweiger im russischen Feldzuge von 1812. Braunschwieg, 1897.

73. Heinemann W. Bilder från mina Kriegs- och Vandringsår… Stockholm, 1835.

74. Hässgen Ch. Das merkwürdigste Jahr meines Lebens oder Kriegsgefangenschaft unter den Russen im Jahr 1813. Naumburg. 1831.

75. Exner. 148; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 253.

76. Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812–1814. Hannover, 1863. S. 16–44.

77. Schehl C. Vom Rhein zur Moskwa 1812. Krefeld, 1957. S. 94 ff.

78. Мемуарист К.Х. Шенк провел несколько дней в Тарутинском лагере, по которому разъезжал в сопровождении Диста. Поэтому весьма интересны его наблюдения, сопровождавшиеся, без сомнения, комментариями последнего. «Русская армия, – пишет он, – известна сильнейшими солдатами, одними из превосходнейших в мире, и как много больше могла бы она иметь, если бы не рекрутская система… Пехота хорошо одета и вооружена, состоит из сильных людей, а не из столь слабой молодежи, как французская. О ее жизненных потребностях постоянно заботятся, и во время моего пребывания в русском лагере не проходило ни одного дня без того, чтобы регулярно раздавали мясо и водку. Гусары и драгуны вызывают восхищение, особенно из-за их превосходных лошадей; но нет ни одного государства в Европе, которое располагает средствами свою регулярную легкую кавалерию на войне так сохранять, как русские. Что уничтожает легкую кавалерию у других держав? Это не сражения и марши, но беспрерывная служба на аванпостах и постоянные патрулирования, из-за чего легкий кавалерист совершенно лишен столь необходимого покоя и отдыха, так что он лишь изредка может надлежащим образом заботиться о своей лошади. Обо всем этом ничего не знает русский легкий кавалерист, поскольку в русской армии служба аванпостов и патрулирования исполняются единственно и только казаками. Регулярная кавалерия может здесь быть на ночь спокойно расквартирована в деревне, даже не выставляя ни одного пикета, и она может там, как правило, быть спокойной и заботиться о своих лошадях, так как казаки рассыпаны по всей области и охраняют ее безопасность. Упряжки и весь прочий материал артиллерии столь превосходен, что она уступает единственно только английской, но относительно мастерства артиллеристов, особенно офицеров, она остается далеко позади французской. Обычно ее выстрелы проходят слишком высоко. Среди субалтерн-офицеров армии находятся, как правило, очень малообразованные люди, особенно в пехоте; также вынуждены они своим штаб-офицерам и генералам такие вещи позволять, какие никакой офицер в другой службе не вынес бы. Субординация очень строгая, обращение с солдатами часто жестокое. Однако простой русский не принимает близко к сердцу порцию ударов и смотрит на каждое телесное наказание тем более как на необходимое зло, что он такое с ранней юности уже переживал у своих помещиков. Вообще мог бы я, пожалуй, каждому иностранцу, который вступил или хочет поступить на русскую военную службу, дать совет, начинать только в звании майора; потому что, во-первых, ему будет очень тяжело довольствоваться ограниченным жалованием низших званий, и, во-вторых, и это главное, ему не подойдет обхождение на службе. Лишь только при достижении звания штаб-офицера, кажется мне служба не скверной, а полковые командиры имеют здесь, как когда-то во Франции, все возможности. Русская армия, которую я видел во время моего пребывания в лагере, была прекрасной и укомплектованной… Генеральный штаб русской армии превосходен, и в нем находятся сплошь только люди знающие и высокообразованные. Здесь не является редкостью встретить офицера, который может говорить на четырех или пяти языках… Там преобладает вежливый и изящный тон, как в отношении военнопленных, так и иностранных офицеров, который сильно отличается от грубого и крикливого тона в прежней французской

Главной квартире» (Schenck von Winterstedt C. Ch. L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle, 1829. S. 28–32).

79. Попов А.И. Удивительные встречи или артиллерист на партизанской тропе // От Москвы до Парижа (1812–1814 г.). Малоярославец, 1998. С. 121–132; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656, Ч. 1. Л. 190.

80. Cheron A. Mémoires inédits // Revue de l'Institut Napoléon. 1983; ibid. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris, 2001. P. 27–67.

81. Merkwürdige Schicksale des ehemaligen Feldwebels Joseph Schrafel. Nürnberg, 1835.

82. Everts H.P. Campagne et captivité en Russie // CdS. 1901; Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. Тамбов, 1914. С. 113; Бокур Ф. Указ. соч. С. 53–54; ibid. Mémoires inédits. Paris, 1997.

83. Например, в имении Е.А. Протасовой в деревне Муратово, куда заезжал В.А. Жуковский, нашли приют несколько французских военнопленных. «Все старались облегчить участь этих несчастных, многие с ними дружились». Из них «двое постоянно вели междоусобную войну. Один был Мену, племянник известного генерала того же имени», который принял ислам в Египте. Племянник «был ярым бонапартистом. Политический его враг, генерал Бонами, получивший под Бородиным двенадцать ран штыком, не скрывал, наоборот, своей ненависти к Наполеону и предсказывал, что "этот самозванец" загубит окончательно Францию» (Толычева. Рассказы и анекдоты // Русский Архив. 1877. № 7. С. 364).

М.-П. Рей*

РОССИЯ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ ПЛЕННЫХ ФРАНЦУЗОВ В 1812 ГОДУ: КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В русской кампании, начатой Наполеоном в июне 1812 г. [1], участвовало около 600 тыс. солдат и офицеров. Из этого первоначального контингента при отступлении армии в декабре 1812 г. обратно через Неман перешли от 60 000 до 80 000 чел. (цифры разнятся), а от 150 000 до 200 000 чел., многие из которых были ранены или больны, оказались в плену.

Учитывая беспорядок и отсутствие правил взятия в плен, судьба этих пленных, а их по ходу кампании становилось все больше, складывалась очень по-разному. Чаще всего солдат [2], попавших в руки казаков или партизан, ждала немедленная расправа. Британский генерал Роберт Вильсон, бывший в то время военным советником царя Александра Первого, человек, которого трудно заподозрить в симпатиях к Великой армии, с ужасом описывал подробности жестокого обращения с пленными. Отобрав у них вещи и содрав одежду, их либо расстреливали на месте, либо заживо хоронили или сжигали [3]. Случалось, что пленных отдавали на растерзание крестьянам, которые подвергали их пыткам, а затем убивали, что нередко сопровождалось языческими обрядами. Об актах насилия и варварской жестокости сообщается и в других источниках, также современных описываемым событиям:

«Я видел, как одного пленного француза продали за двадцать рублей крестьянам, которые облили его кипятком из котла, а затем посадили на кол. О, ужас! От этого содрогается человеческая природа! Русские женщины ударом топора убивают пленных и мародеров, которые заходят в их селения» [4].

Тем не менее нескольким тысячам военнопленных повезло больше: им удалось избежать поспешной расправы. Уцелев в русском аду, они вернулись во Францию, где некоторые из них – но таких было совсем немного – написали воспоминания, часть из которых была опубликована либо прижизненно, либо посмертно. Что сообщается в этих текстах об обращении с пленными? Что в них рассказывается о Российской империи и ее жителях? Что мы узнаем из них о населении, нравах, политическом строе России того времени? В данной статье на основе некоторого первоначального корпуса текстов делается попытка наметить возможные пути поиска ответов на эти вопросы. При этом следующим шагом должно стать более систематическое изучение источников.

*__Рей Мари-Пьер__ (Париж, Франция) – директор Центра славянских исследований университета Париж I.

Пленные и их воспоминания: новое обращение к весьма специфическому источнику

1. Своеобразие исследуемых документов

Личные записи военнопленных — это свидетельства выживших, а значит, их воспоминания несут на себе сильный отпечаток пережитой травмы, связанной как с самой военной кампанией, так и с ужасающими условиями плена. В распоряжении исследователя есть два вида источников: во-первых, письма, которые некоторым пленным удалось отправить из далекой ссылки своим семьям. Повествуя о текущих событиях, эти послания описывают по горячим следам восприятие пленником окружающего его мира, но при этом они часто менее непосредственны и более «стерильны», чем воспоминания. Не желая чрезмерно беспокоить своих близких, щадя их, стараясь их успокоить, пишущий прибегает к самоцензуре, в силу чего правда предстает не такой пугающей, какой она была в действительности. Наоборот, воспоминания и мемуары, второй источник, имеющийся в нашем распоряжении, пишутся с большей прямотой, но они подвержены рискам, связанным со всяким усилием памяти: их авторы порой искажают, приукрашивают, грешат против истины, стремясь выставить себя в выгодном свете.

Дошедшие до потомков рассказы весьма немногочисленны: лишь немногие сумели вынести жестокое обращение, которому они подверглись, а из тех, кому это удалось, мало, кто был способен, а тем более имел мужество и желание описать свой опыт и представить его на суд публики. Тем не менее несколько свидетельств представляются в высшей степени интересными. В данной статье обратим внимание исследователей к четырем дневниковым и мемуарным источникам, а также корпусу писем.

Мемуары Оноре Бёле, гренадера 36-го линейного полка, выпущенные в 1907 г. парижским издательством Оноре Шампьона, не были, как видим, прижизненным изданием. Текст опубликован внучатым племянником Оноре, Жозефом Бёле, который, обнаружив рукопись в библиотеке своего дяди и сочтя ее интересной, решил сделать ее достоянием публики, хотя изначально мемуары предназначались лишь для семейного круга. В самом деле, в начале своего сочинения Оноре Бёле пишет:

«Я видел такие вещи, которых больше никто никогда не увидит и о которых, несомненно, будут говорить потомки. Быть может, моим детям и внукам когда-нибудь будет интересно прочесть рассказ об этих событиях. Обратимся же вновь к нашим заметкам и попробуем хотя бы отчасти прожить все это заново, чтобы сделать такое чтение увлекательным и поучительным» [5].

Мемуары Бёле являются для историка свидетельством первостепенной важности. Автор родился в 1789 г. в деревушке Узуэр ле Дуайен в области Бос, в крестьянской семье. К началу военной кампании ему было двадцать три года. В плен он попал 28 ноября 1812 г. вместе со всей дивизией генерала Партуно. Сначала был брошен в витебскую тюрьму, затем переведен в Кострому, куда прибыл 20 сентября 1813 г. после восьмимесячного следования по этапу. «Передышка» продлилась недолго, так как уже 29 сентября Бёле оказался в Казани, где находился до 8 ноября. В конечный же пункт, городок Бирск в Башкирии, он прибыл 15 декабря. Там он оставался до 4 августа 1814 г., а в январе 1815 г. вернулся домой во Францию.

Свидетельство Бёле может быть дополнено свидетельством врача Дезире Фюзелье, автора «Дневника из российского плена, 1813–1814 гг.» [6]. Точка зрения последнего существенно отличается от впечатлений Бёле. Фюзелье моложе Бёле, он горожанин, родившийся в 1794 г. в Абвилле. К началу похода ему было всего восемнадцать лет. Фюзелье – выходец из более состоятельной среды: его отец, в прошлом священник, был лишен сана, став впоследствии школьным учителем. Дезире решает получить медицинское образование, но тут его застает Русская кампания. В апреле 1812 г. он призывается в армию, а 13 января 1813 г. попадает в плен и высылается на Восток, в Поволжье, за 600 километров от Урала. В плену Фюзелье изучает русский язык и даже ухитряется заниматься медициной. По этой причине условия его содержания были менее суровыми, чем те, в которых оказался Бёле. Он был освобожден 18 июня 1814 г., 5 ноября 1814 г. пересек русскую границу и в январе 1815 г. вернулся во Францию. По возвращении Фюзелье возобновляет занятия медициной, едет в Париж и в дальнейшем обосновывается в качестве врача в парижском пригороде Монтрёй. Изначально дневник не предназначался для публикации. Однако спустя 190 лет после описываемых в нем событий один из потомков Дезире, Реймон Фюзелье, решил издать текст, снабдив его примечаниями.

К этим двум источникам примыкают также неизданные мемуары молодого офицера Александра де Шерона [7] и «Дневник походов и ранений» Шарля Франсуа Мино [8]. Последний был фуражиром второго швейцарского полка, что позволяет разнообразить национальное и географическое происхождение наших свидетелей. И, наконец, наряду с этими четырьмя текстами исследуем письма, написанные пленными солдатами и офицерами, одним из которых был майор Бретон [9]. В силу своей отрывочности письма не могут претендовать на ту же цельность анализа, что и дневники. Тем не менее они являются ценным источником, отражающим впечатления о русских и России и в первую очередь о тех условиях, в которых осуществлялись захват военнопленных, их этапирование на Восток и содержание в плену.

2. Трудное путешествие на Восток

Каковы бы ни были обстоятельства их пленения – на поле боя, в устроенных казаками засадах или же в госпиталях и деревнях, где они оказались, не в силах от истощения следовать далее вместе с Великой армией, – военнопленные, теоретически находясь под конвоем и под охраной армии, препровождались в направлении Урала и Сибири. При этом солдаты чаще всего шли пешком, а офицеров иногда везли на подводах. Путь на Восток, длившийся несколько месяцев, стал для большинства из них страшным испытанием.

Не все военнопленные передвигались по суше. Некоторых посадили на корабли и повезли морем, «поскольку русские эвакуировали больных, захваченных в Кёнигсберге, морским путем, избавив их от нескольких сотен километров пешего пути» [10]. Но и для них дорога была тяжелой ввиду невыносимых материальных условий, в которых оказались эти люди. Будучи одним из них, Дезире Фюзелье писал в своем «Дневнике»:

«...Во время этого долгого переезда нам пришлось настрадаться вдосталь: мы находились в ужасающей нужде; нас терзали паразиты; мы не могли вытянуться лёжа – настолько было тесно! У меня к тому же был жар, и, чтобы утолить жажду, я пил воду из Балтийского моря. Хоть она и не очень соленая, но вкус у нее тошнотворный. Прибавьте к этому несколько сухарей в день – таков был мой рацион» [11].

Что касается майора Огюста Ипполита Бретона, то он попал в плен в сражении под Красным 18 ноября 1812 г. Затем был отправлен на Украину, а весной 1814 г. отпущен на свободу и в сентябре вернулся во Францию. В дошедших до нас письмах к близким он описывает, как неимоверно тяжел был этот переход, длившийся несколько месяцев:

«Бедные пленные, умиравшие от голода, усталости и холода, почти все были захвачены в деревнях, через которые прошла армия, или в районе пожарищ, которые она оставила после себя. У них не было сил уйти оттуда даже при приближении врага, так как у большинства были обморожены ноги. Эти несчастные, как ты понимаешь, передвигались с невероятным трудом, и как только они останавливались или в изнеможении падали, дикие казаки, конвоировавшие нас, кричали: “Маршир [12]!”. С этими словами они избивали несчастных пиками, а если те все равно не могли повиноваться приказу, бесчеловечно убивали их. Мы слышали жалобные, душераздирающие крики жертв, которых зверски умерщвляли эти каннибалы. Я и сейчас содрогаюсь при одном воспоминании об этом» [13]. В период кампании 1812 г. не было единого плана перемещения пленных. Вместо этого имело место стихийное, день ото дня менявшееся регулирование потоков, состоявших из тысяч пленных солдат. По рассказам многих из них,

ни солдаты, ни их конвоиры часто понятия не имели, куда идут, и лишь по ходу дела пленные узнавали, что, поскольку властям нужно было освободить место для новых пленных, их решено переместить дальше на восток, из-за чего им приходилось вновь отправляться в путь. Гренадер Бёле так пишет об этом в своих мемуарах:

«Если не считать нищеты и грязи, в которых мы находились, то обстановка в Витебске была терпимой, и мы надеялись, что русские оставят нас там до конца зимы. Однако в приграничных губерниях скопилось столько пленных, что тем, кто прибыл раньше, приходилось вновь трогаться в путь, чтобы освободить место для новых конвоев» [14].

На первых порах своего вынужденного путешествия люди спали в тюрьмах или местах, приспособленных под тюрьмы, но случалось, что некоторые из них, признанные неспособными к передвижению, отправлялись в походные госпиталя. Из-за отсутствия теплой одежды многие пленные по дороге умирали. Кроме того, в районах, пострадавших от боевых действий, свирепствовала эпидемия тифа. Таким образом, перевод пленных из одного места в другое нередко был равносилен смертному приговору. Перевалочным пунктом по пути следования на восток часто служила Казань. Там люди по нескольку дней отдыхали и получали теплые вещи. Так, 9 октября 1812 г. в Казань прибыла группа из 300 военнопленных. Около пятидесяти из них, признанных негодными к дальнейшему этапированию, были сразу же отправлены на лечение в местный военный госпиталь; другим же были выданы сапоги, полушубки, суконные панталоны и шапки, после чего их погнали в направлении Оренбурга [15]. Однако в конце декабря 1812 г. из-за сильных холодов – зима в тот год выдалась особенно суровой – дальнейшее перемещение пленных на восток оказалось затруднено или даже вовсе приостановлено, в связи с чем часть из них закончила свой путь в Казанской губернии. По данным местных архивов, в начале января 1813 г. в Казани насчитывалось 254 военнопленных. Месяцем позже их было уже 422, но если принять во внимание тот факт, что, по данным на февраль 1813 г., только за первые два месяца 1813 г. было зарегистрировано 116 смертей [16], то из этого можно заключить, что число прибывших намного превышало конечную цифру. Пленные прибывали и в последующие месяцы: общее число пленных, доставленных в Казань в 1813 г., оценивается примерно в 2 000 человек.

Что касается тех пленных, которые отправились в путь еще до наступления холодов и продолжали двигаться на восток, то их перемещение часто происходило достаточно хаотично. Из-за нехватки помещений французов чаще всего селили у местных жителей, которые во исполнение постойной повинности должны были предоставить им кров и пропитание.

Но недовольные этим местные жители нередко находили обходные пути и добивались себе поблажек, о чем выразительно пишет Фюзелье:

«Как только колонна, отряд или полк прибывают в какой-нибудь населенный пункт, командир обязан явиться к десятскому, если это деревня, к городничему, если это окружной город, или к полицмейстеру, если это губернский город. Тогда тот, кто занимается расквартированием, получает приказ взять столько-то солдат и офицеров. Он составляет список домов, входящих в населенный пункт или в городской квартал, который должен брать на постой, если это губернский город; берет палку, чтобы стучать в ворота, и предусмотрительно берет с собой двух-трех человек, в зависимости от размеров жилого дома. Если хозяин дома человек зажиточный, он подзывает к себе десятского и, дав ему два-три пятака (2–3 су), договаривается об освобождении от повинности. Тем временем бедный военный, на ветру, под проливным дождем, стоит и ждет посреди дороги. Наконец, десятский возвращается и говорит: «Здесь не берут». Я рассказываю об этом, поскольку нам всем было грустно видеть, как от нас откупаются за несколько су и стакан водки» [17].

Если условия, в которых осуществлялось этапирование, были невероятно тяжелыми для военнопленных, то почти столь же тяжелыми они были и для конвоиров, находившихся практически в том же положении, что и сопровождаемые ими пленники: «Мы шли уже месяц, и холод становился все сильнее. Пленные, да и сами казаки умирали десятками», – отмечает майор Бретон [18] в другом письме к родным.

Следуя по этапу, люди подвергались неописуемым страданиям.

Пленник Бёле, попавший в плен 28 ноября 1812 г., сообщает: «Четыре дня нас продержали на лютом холоде, заставляя мучительно страдать от голода» [19]. А когда при 33-градусном морозе они вновь двинулись в путь, то за одну ночь умерла половина пленных [20]. По дороге в Витебск, проходя мимо опустошенных войной селений, они практически не могли раздобыть себе пропитания. «В основном нам приходилось довольствоваться тем, что жевали коренья» [21]. Что касается Мино, взятого в плен при переправе через Березину, то он так рисует захватывающую картину своего вынужденного «марша» на восток: «Весной 1813 года нас вели вглубь России отрядами по 300–400 человек под конвоем регулярных и нерегулярных казачьих частей. Как правило, регулярные казаки — очень хорошие наездники – не так жестоки по отношению к пленным, как нерегулярные – пехотинцы, вооруженные длинными пиками и огромными хлыстами. Эти войска отличаются жестокостью, и пленные очень сильно от нее страдали. Первые дни пути вглубь страны были очень тяжелыми из-за плохих дорог, тем более что у большинства из нас были обморожены ноги. Мы оберты-

вали их разным тряпьем. Когда мы прибывали в какую-нибудь деревню, нас помещали по 30–40 человек в сарай, куда проникали и холод и снег. За неимением соломы мы спали на голой земле. Чтобы мы не умерли с голоду, нам давали по две ложки крупы, гречки, и по две пригоршни сухарей из ржи, овса, гороха и бобов. Эти сухари были такими твердыми, что приходилось долго их размачивать, прежде чем съесть» [22].

Пленник Александр де Шерон, попавший к русским войскам в Ковно (ныне Каунас), также свидетельствует о варварском обращении, которому он подвергся вместе с товарищами по несчастью:

«Бедные пленные сидели взаперти без еды и одежды, по самую шею в паразитах; к ним ежедневно являлись казаки, которые их били и отбирали последнее; причем то, что оставалось незамеченным одним, не укрывалось от глаз другого, так что несчастные, ставшие жертвами их свирепости, были обречены умирать от голода, холода или побоев. Наконец, как следует из рапорта одного офицера, находившегося в отряде, из сорока офицеров их осталось всего трое. Судите сами, каково же было положение солдат, которым отказывали даже в воде» [23].

На протяжении 1813 г. положение оставшихся в живых военнопленных – а их оставалось уже менее четверти – несколько улучшается. В письмах на родину отмечается, что отныне каждому пленному выдают по 12 копеек в день. Бёле уточняет, что «помимо хлеба и мяса офицеры имели право на 50 копеек в день», а «унтер-офицеры и солдаты получали по пятнадцать копеек» [24], что позволило людям улучшить свой рацион, раздобыть обувь и одежду, избавиться от паразитов… Пленник Дезире Фюзелье свидетельствует о том же: он подтверждает, что в плену получал денежное довольствие в размере «полрубля» в день, что составляло чуть более полутора франков [25].

Однако обращение с пленными не везде было одинаковым. Так, Фюзелье рассказывает, что, находясь в Великом Новгороде, он встречал пленных, которым выдавали по «три фунта муки и крупы» [26], но платили лишь «один су в день». В июле 1813 г. российский министр полиции издал циркуляр, за которым в ноябре последовал императорский указ. Еще до окончания военного конфликта – это произойдет лишь в мае 1814 г. после подписания первого Парижского мирного договора – эти два документа предлагали военнопленным из крестьян возможность соискать статус «иностранных поселенцев». Это означало, что они могли свободно совершать религиозные отправления, освобождались от налогов на срок от пяти до шести лет, а также получали щедрую денежную субсидию и земельный надел, что должно было помочь им обосноваться на территории Саратовской и Екатеринославской губерний [27]. Пленным ремесленникам

и мастеровым предлагалась работа на фабриках и мануфактурах, и даже на строительстве – участие в восстановлении разрушенных зданий и жилых домов [28], а также возможность работать по индивидуальным контрактам на выгодных финансовых условиях. Наконец, российское правительство предлагало пленным возможность натурализоваться, подав на временное, два-три года, или постоянное подданство [29]. Эти щедрые меры, касавшиеся как офицеров, так и простых солдат, преследовали определенную цель: компенсировать демографические потери страны от войны и активизировать экономику Империи, пострадавшую от военных действий. Предложение нашло благоприятный отклик: по некоторым оценкам, в августе 1814 г. четверть военнопленных изъявила желание стать подданными Российской империи, правда, в большинстве временно, а не постоянно. В итоге, по данным 1837 г., в Москве насчитывалось около 1 500 ветеранов Великой армии [30]. В то же самое время и французское государство озаботилось возвращением на родину своих детей. При этом оно также руководствовалось преимущественно экономическими и демографическими соображениями. Барон Морен, назначенный комиссаром по репатриации, отправляется летом 1814 г. в Москву, чтобы организовать отправку первых партий военнопленных на родину. Она должна была начаться летом того же года и осуществляться по морю [31]. Архивные данные свидетельствуют о том, что отправка репатриантов растянулась вплоть до 1816 г. [32]. Среди выживших и вернувшихся из русского ада находились и авторы свидетельств, упоминаемых в данной статье.

Российская империя, страна страданий и контрастов

Для этих странников «поневоле», пришедших с западных окраин Империи и заброшенных судьбою на Урал или даже в Сибирь, Россия, что неудивительно, стала, прежде всего, землей страданий и одиночества.

1. Земля страданий и одиночества

Страдания были, прежде всего, физическими, сопровождавшимися лишениями, с которыми постоянно сталкивались военнопленные. Голод и холод – лейтмотив их воспоминаний – были главными причинами смерти, беспощадно косившей их ряды. Холод, неотступно преследовавший Бёле, присутствует повсюду в его рассказе. Своим спасением он был обязан тому счастливому обстоятельству, что по дороге сумел справить себе «теплый овчинный тулуп, отделанный мехом» [33]. Александр де Шерон, после пленения оказавшийся в Астрахани, также жалуется на лютые холода:

«Первого января 1814 г. [...] Невозможный холод. Волга покрыта льдом. На улице тридцать три градуса мороза. Птицы замерзают на лету.

Переходя из одного дома в другой, рискуешь отморозить себе уши и нос. 1 февраля [...] Мороз стоит невыносимый» [34].

По прибытии в пункт назначения к холоду и голоду добавлялось тягостное чувство одиночества и оторванности, о котором сообщается в большинстве писем и мемуаров уцелевших солдат. Прибыв в начале декабря в Уфу, Бёле решил, что это конец его путешествия, но вскоре был вынужден вновь отправиться в дорогу. Чем дальше он шел, тем реже встречались ему местные жители:

«Уж на этот-то раз мы точно пришли, — подумали мы. Но оказалось, что нет. 5 декабря, невзирая на снег и обжигающий холод, нам пришлось снова двинуться в путь, подобно Вечному Жиду, чтобы еще дальше углубиться в эту проклятую страну, туда, где уже не найти ни единой христианской души, с которой можно перекинуться словом» [35].

Гнетущее чувство изоляции встречается в источниках повсеместно. В путевом дневнике де Шерона неоднократно попадаются такие записи:

«(20 сентября 1814 г.) Деревня, где всего два дома. Два дня стоит такой холод, какой бывает во Франции в ноябре месяце. 21 сентября. Деревня. Дорога и окрестности являют собой зрелище ужасающей нищеты; повсюду невозделанные поля и деревни, в которых осталось два-три дома и почти не осталось жителей» [36].

Чувство изоляции еще больше усиливалось из-за ощущения огромной культурной разницы, отделявшей французских солдат – христиан, знавших грамоту – от татарского населения или «магометан» (выражение, часто используемое авторами), с которыми они соседствовали в местах ссылки. «После отъезда из Казани, за исключением двух деревень – одной русской, другой черемисской – нам навстречу попадались одни татары» [37], – сообщает Бёле, пораженный к тому же бедностью и убогостью этих деревень: «Уже много времени мы движемся в глубь пустыни, где нам встречаются лишь лачуги с одичалыми обитателями, у которых нет даже самого необходимого» [38]. Далее он жалуется на скудость своего повседневного существования, состоящего из «еды на скорую руку, подле дымных очагов оборванных и вонючих татар» [39]. Однако Фюзелье, которому в силу его статуса медика приходилось чаще общаться с людьми, дает более подробное описание татар. Он подчеркивает, что, в отличие от русских, те не пьют, и утверждает:

«Эти народы, находясь в подчинении у русских, намного превосходят их в трудолюбии и цивилизованности. Хотя их название (татары) может ввести в заблуждение тех, кто их не знает, можно утверждать, что татары – люди мягкие, услужливые, хотя и обманщики. Живут они хорошо, очень любят сладкую выпечку и часто пьют чай. Они едят конину, и за одно это

русские страшно их не любят. Каждый день, утром, днем и вечером, они совершают на коврике свои молитвы и читают Коран. Они не соблюдают постов. Почти все они умеют читать, писать и считать» [40].

Но такое суждение является скорее исключением. В рассказах выживших доминирует ощущение дистанции и даже культурного превосходства по отношению ко всем народам Империи, включая русский, о котором пленные французы, как мы увидим ниже, выносят достаточно суровое суждение.

Где бы ни находились ссыльные французы – на Урале, в «Малой Татарии», Башкирии или Сибири – все они остро ощущали свою оторванность от «цивилизованного мира», монотонность своего существования. Зато, и это важно подчеркнуть, если некоторые из них и были востребованы в силу своих специфических умений (врачи, краснодеревщики) и могли заработать, хоть какие-то деньги, что позволяло им улучшить свой жизненный уровень, то никто из них не принуждался к труду насильно: в этом состояла немаловажная привилегия, которую давал статус военнопленного.

Российская империя, эта негостеприимная из-за своей нескончаемой зимы и сурового климата страна, поражала также пленных своими размерами (Фюзелье прошел пешком 4 000 километров, а Бёле – и того больше!), резкими контрастами и богатыми природными ресурсами. Ведь с приходом весны природа оживала и вновь становилась щедрой.

2. Страна с богатыми природными ресурсами

Фюзелье, сосланный в «Малую Татарию» (Крым и Южная Украина), с удивлением и волнением описывает плодородие тамошних земель, богатство фауны и флоры, полные дичи леса:

«Утки, дикие гуси, бекасы, дрозды, синицы и бесчисленное множество другой дичи слетается сюда после таяния снегов. Надо признать, что это был бы совсем неплохой край, если бы зима здесь была короче и не такая суровая. Ведь цены на продукты здесь очень умеренные, а почвы очень плодородные» [41].

Пленник Бёле, находившийся на Урале, также обнаружил, что этот регион с наступлением тепла уже не кажется столь враждебным, как в зимнее время. Будучи сыном крестьянина из земледельческой области Бос, он не мог остаться равнодушным к плодородным почвам, дающим щедрые урожаи. И вот, с наступлением весны, изумленно замечает:

«Мы были поражены, наблюдая, с какой быстротой под действием солнца всходят хлеба, посеянные сразу же после таяния снега. Глядя, как на фоне бескрайних равнин колышутся на ветру нивы, засеянные пшеницей, рожью и ячменем, я вспоминал жатву в родных босеронских деревнях» [42].

Пленник Бёле был любителем поесть, и в его воспоминаниях отразились наблюдения относительно беспредельных возможностей рыбалки и охоты:

«Мясо тут самого высокого качества, рыба отменная. Мы познакомились со старым рыбаком (татарином), который приносил нам ее, сколько душе угодно, и брал очень недорого. Дичь, которой здесь видимо-невидимо, тоже продается за бесценок — по той простой причине, что крестьяне ее не едят. Они не трогают даже токующих глухарей. Если они и убивают зайцев и кролей, то только для того, чтобы защитить себя от их набегов, выпотрошить их и использовать шкурки» [43].

Что касается Александра де Шерона, находившегося в плену в поволжском городишке Семёнове, куда прибыл в сентябре 1813 г., то он также с удовлетворением отмечает: «Продукты здесь дешевые. И много дичи» [44].

Однако щедрость и изобилие природы не могли заставить забыть о том состоянии упадка, в котором находилась страна после разрушительной войны.

3. Стигматы войны

По дороге в ссылку, но особенно по пути домой после амнистии и освобождения, пленные единодушно фиксировали и описывали страшные разрушительные последствия войны: ведь стигматы конфликта были повсюду, на всем пространстве Российской империи.

Описывая свое прибытие в Витебск, Бёле напоминает, что этот город «особенно сильно пострадал от нашествия и многочисленных боев, которые имели место в его окрестностях. Все дома были обшарены, разграблены от погреба до чердака. Это заставило меня призадуматься о том приеме, который был оказан нам местными жителями, высыпавшими нам навстречу у городских ворот» [45].

Города, деревни, церкви, сожженные Великой армией при наступлении или русскими армиями при отступлении, восстанавливались крайне медленно, и в 1814 г. на территориях, ставших театром боевых действий, все еще царила разруха. В Воронове [46] «осталось восемь-десять домов и руины великолепной усадьбы», – отмечает Фюзелье. В Дорогобуже, месте ожесточенных сражений, ситуация, по словам врача, была следующей:

«Огонь распространился на пригороды и уничтожил все на своем пути. [...] Там начинали восстанавливать какие-то хибары. [...] Перед прибытием в Смоленск нам довелось видеть руины одного пригорода, который был полностью сожжен в 1812 г. В тот момент его отстраивали заново. Затем мы увидели две часовни, изрешеченные пулями и шрапнелью, но при этом образа внутри не пострадали» [47].

По пути во Францию Шерон, со своей стороны, также описывает следы войны, отмечая медленные темпы, которыми шло восстановление. Прибыв 15 августа 1814 г. в Вязьму, он пишет:

«Вязьма: этот город, который я вижу уже в третий раз, имеет большую протяженность. Большая часть его была сожжена, особенно кирпичные дома, которых здесь очень много. Восстановление далеко от завершения, хотя работы идут полным ходом. Мы пробыли там 16-го, 17-го и 18-го» [48].

А прибыв 19-го числа в деревню Семлево и сознавая, какие страдания война принесла гражданскому населению, он признается:

«Семлево было настолько разрушено, что нам пришлось, несмотря на плохую погоду, разбить бивуак, так как мы не осмеливались заходить в ужасные дома местных жителей. К счастью, у нас было с собой продовольствие, ибо там невозможно было найти даже муки. Видимо, русские решили наказать нас, заставив идти этой дорогой, где мы с трудом могли найти себе пропитание, где не было лошадей, где нас встречали жители, которым мы принесли столько несчастий и которые нас так и не простили» [49].

Из последних слов видно, что стигматы войны были не только материальными, но и психологическими: они давили тяжким грузом как на русских в их отношении к пленным французам, так и на французов в их восприятии российского общества и самодержавного государства.

Взаимное восприятие французов и русских

Большинство источников свидетельствует о том, что со стороны населения восприятие пленных французов было неоднозначным.

1. Пленные французы в восприятии простого люда и элиты общества

Источники единодушны в описании того, насколько французы были ненавидимы простым народом, который при встрече с ними неизменно проявлял мстительное и враждебное отношение. В Витебске Бёле и его товарищам по несчастью пришлось столкнуться с гневом местного населения, превратившегося в настоящую «свару», от которой их «с огромным трудом» спас казачий эскорт:

«В нашу сторону летели проклятья, улюлюканья, угрозы смерти. Особенно отличались женщины: в приступе ярости они, как настоящие ведьмы, грозили нам кулаками, выкрикивая в наш адрес бранные слова и не стесняясь в выражениях» [50].

Со своей стороны, Фюзелье, на подходе к Казани, отмечает в своем дневнике ту ненависть, которая вспыхивала в народе при появлении пленных французов [51]. Он также с сожалением описывает неутихающую злобу

со стороны священников, не слишком-то склонных проявлять милосердие, и агитацию русской церкви против «безбожников», которую, впрочем, он всячески старался развенчать:

«…Российское государство было заинтересовано в том, чтобы внушать народу как можно больше отвращения к державе, которой оно так боялось. Обыватель определенно верил в то, что мы безбожники, как и во многие другие абсурдные вещи, которые внушали ему Бароны [52]. Однако эти доверчивые люди легко убеждались в обратном, как только мы находили возможность с ними объясниться и их переубедить. “Как, — удивлялись они, — у вас во Франции есть церкви, вы крещеные, вы празднуете Пасху и Троицу?”» [53].

Если пленным приходилось терпеть ненависть простого люда и агрессивность священников, то у представителей правящего сословия они, наоборот, вызывали определенную симпатию, и целый ряд выживших свидетельствует о великодушном отношении с их стороны к пленным французам. По дороге в Витебск Бёле стоял на квартире у «одного поляка», который велел подготовить все свободные комнаты своего просторного дома и разместил «солдат и унтер-офицеров в отведенных помещениях со всеми возможными удобствами» [54]. В уральском городке Бирске Бёле знакомится с «наиболее влиятельными семьями Бирска и его окрестностей, и мало-помалу между местными жителями и французскими офицерами устанавливаются весьма дружеские отношения, причем без всякой задней мысли» [55]. Майор Бретон по прибытии в Мглин был приглашен городским головой выпить чаю и отобедать [56], а через несколько дней он был зван в гости к еще одному дворянину-франкофилу:

«Элегантные сани с ветерком доставили меня в имение этой респектабельной семьи, состоявшей из отца, его супруги и их восемнадцатилетнего сына, из которых он один сносно говорил по-французски. [...] Я провел в этом гостеприимном доме с неделю, пролетевшую, впрочем, очень быстро, и был окружен самой трогательной заботой со стороны его добросердечных хозяев, которые заставили меня поверить в провидение и частично забыть мои злоключения» [57]. В свете этих свидетельств легко прийти к выводу: франкофилия имущих классов сумела-таки устоять во время войны. Однако подобное благожелательное отношение не мешало пленным высказывать по меньшей мере суровое мнение об этом самом правящем сословии, о русском народе и о российском обществе в целом.

2. Суровые высказывания о российском обществе и его устройстве

Действительно, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, изобилуют весьма негативными замечаниями и комментариями о российском обществе, его структуре и его функционировании. По мнению Фюзелье,

русский народ в целом нерешителен, апатичен, суеверен [58] и глубоко невежествен, его нельзя рассматривать как цивилизованный:

«...Из всех народов, составляющих Российскую империю, менее всего образованы и наименее цивилизованы московиты, ибо, за исключением русской знати, свободные и рабы не имеют никаких познаний в науках и искусствах и живут в постыдном невежестве» [59].

Недостаточно цивилизованные, чуть ли не варвары, русские также описываются как порабощенные и неспособные свергнуть иго, жертвами которого стали: «Неспособные мечтать о лучшей доле, они склоняют голову под хлыстом своих угнетателей» [60].

Дворяне часто описываются как франкофоны и франкофилы. В Уфе Бёле вместе с одним пленным врачом был принят в самых богатых домах города и с удивлением открыл для себя, какое широкое распространение и авторитет имела французская культура. Супруга городского головы, прекрасно говорившая по-французски («она говорила на удивление чисто и с превосходной интонацией» [61], – уточняет Бёле), открыла перед ними двери своей библиотеки, где они собрались пить чай:

«Она обратила наше внимание на то, что на полках в первом ряду стоят шедевры французской литературы, начиная с мастеров Великого века и кончая самыми современными авторами. Одним из изысков, одной из утех этой семейной пары было то, что они выписывали из Франции новейшие публикации, наделавшие шуму у себя на родине, и затем смаковали их в месте» [62].

Эта любовь к французской культуре встречается довольно часто. Бёле упоминает также о том, что многие состоятельные люди Бирска получали газеты (одна из них была на французском языке), пестревшие новостями о положении дел во Франции [63]. Именно там, в Бирске, из этой самой газеты на французском Бёле узнает позднее об отречении Наполеона в марте 1814 г. Тем не менее столь благоприятное впечатление от общения с представителями высшего общества разделяют отнюдь не все наши авторы. Например, Фюзелье настроен скорее критически по отношению к дворянству, культуру которого он считает поверхностной: «Они ищут знакомства с иностранцами, чтобы наблюдать их манеры, а затем подражать им» [64].

Это изобличение в подражательстве следует подчеркнуть особо: всего двадцать пять спустя находим рассуждения на ту же тему в первом «Философическом письме» П. А. Чаадаева (1836 г.), а также в сочинении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году».

Наконец, высказав свое мнение по поводу высшего общества, ряд авторов считает нужным описать российскую администрацию, указав на ее косность и неоправданно высокую численность. Рассказывая о городе Бирске, Бёле подчеркивает:

«У них не только есть гарнизон, но и командир с многочисленными штабными работниками и всеми чиновниками, из которых состоит канцелярия. Ох уж эти чинуши! Впрочем, это касается не только Бирска: это вообще одна из язв российского общества, одна из причин его топтания на месте, тормозящего движение по столбовой дороге цивилизации. В силу полувоенной организации бюрократических ведомств их подчиненные ждут, что о них позаботится начальство; инициатива отсутствует начисто; они обожают привычную рутину и страшно боятся любых нововведений и любых усовершенствований, которые могли бы нарушить их привычки и потревожить их лень» [65].

Но особенно шокирует пленных французов коррупция, процветающая в верхах региональных элит, тем более что и сами французы нередко становятся ее жертвами. Так, по словам Бёле, половина подъемных, дарованных Александром Первым военнопленным, пожелавшим вернуться домой за собственный счет, была отобрана у него губернатором [66].

Между тем, сообщает Александр де Шерон, такие случаи явной недобросовестности были, судя по всему, довольно распространенными:

«Мы просидели в Нижнем Новгороде до 8 июля (1814): делать было решительно нечего; к тому же эта неожиданная задержка продлевала нашу несвободу. Для нас все это были дни, отнятые у счастья. В дальнейшем мы узнали, в чем было дело. Губернатор знал, что кое у кого из пленных еще оставались деньги. Правительство разрешало им брать за небольшую плату почтовых лошадей, а губернатору предписывалось содействовать им деньгами. Тот же, чтобы принудить их к этому (нанимать лошадей за свои деньги, не дожидаясь выплат. – ***Примеч. пер.***), оттягивал наш отъезд. Тогда человек пятнадцать из тех, кому он вопреки приказу Императора задержал выплаты, уехали, в результате чего большинство из этих господ, оставшись без денег, не смогли ехать дальше на перекладных» [67].

Эти тексты, принадлежащие перу выживших в горниле русского плена, одни – отмеченные печатью отчаяния, другие – проникнутые оптимизмом, являются, таким образом, для историка источниками первостепенной важности. Ибо помимо того, что в них говорится о страданиях и травматическом опыте, выпавших на долю пленников, это также целый букет образов, впечатлений и оценок, часто суровых, но иногда забавных, касающихся городов и весей Российской империи, ее системы управления, общественных классов и административной коррупции. Странники поневоле, пленные французы превратились, таким образом, во внимательных наблюдателей, нередко возмущающихся самодержавным строем и социально-экономической структурой России того времени, которые они, будучи воспитаны на идеалах Просвещения и 1789 г., не могли не осуждать и которые,

подобно кривому зеркалу, служили им болезненным напоминанием об их собственной истории и собственных ценностях.

Литература и источники

1. См.: Rey M.-P. L'effroyable tragédie, Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012.

2. К офицерам порой отношение было более мягким.

3. Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. L., 1967. P. 138.

4. Récit du lieutenant Bressoles // Revue du Souvenir Napoléonien. 1979. №°135. Цит: по: Bernard L. Les prisonniers de guerre du Premier Empire. P., 2002. P. 215.

5. Beulay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée, 18 avril 1808–10 octobre 1815, de la Beauce à l'Oural par la Bérézina et d'Oufa à Ouzouer le Doyen. P., 1907. Préface. P. XII.

6. Fuzellier R. Introduction // Journal de captivité en Russie, 1813–1814 tenu par Désiré Fuzellier, médecin. Электронное издание. P., 2010. P. 32.

7. Cheron A. de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie / Présentés par Robert de Vaucorbeil. P., 2001.

8. Minod Ch.-F. Journal des campagnes et blessures / Combats et captivité en Russie, Mémoires et Lettres de soldats fran çais. P., 1999.

9. Breton A.-D.-H., commandant. Lettres de ma captivité en Russie / Combats et captivité en Russie, Mémoires et Lettres de soldats français. P., 1999.

10. Journal de captivité en Russie. P. 32.

11. Ibid. P. 69.

12. На ломаном французском это означало «Marchez!» – «Идите!».

13. Breton A. Op. cit. – P. 125.

14. Beulay H. Op. cit. – P. 105.

15. См.: Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 годах // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы II Междунар. науч. конф. Можайск, 2008. С. 293–306.

16. Там же; Российский Государственный Исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 211–214; Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 71, Л. 5–9; Загоскин Н. П. История Императорского Казанского Университета за первые 100 лет его существования. Казань, 1902. Т. 1. С. 406.

17. Journal de captivité en Russie. P. 70.

18. Lettres de ma captivité en Russie par le commandant Breton. P. 129.

19. Beulay H. Op. cit. P. 92.

20. Ibid. P. 94.

21. Ibid. P. 95.

22. Minod Ch.-F. Op. cit. P. 45.

23. Cheron A. de. Op. cit. P. 33.

24. Beulay H. Op. cit. P. 103.

25. Journal de captivité en Russie. P. 47.

26. Ibid.

27. Современное название Екатеринослава – Днепропетровск.

28. См.: Искюль С.Н. Роковые годы России: Год 1812: Документальная хроника. СПб., 2008. С. 313.

29. Sirotkin V. La campagne de Russie. Le destin des soldats de Napoléon apr ès la défaite // Revue de l'Institut Napoléon. 1991. I. № 156. P. 56–65.

30. Ibid.

31. Ibid.

32. Petiteau N. Lendemains d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIX e si êcle. P., 2003. P. 115.

33. Beulay H. Op. cit. P. 108.

34. Chéron A. de. Op. cit. P. 38.

35. Beulay H. Op. cit. P. 126.

36. Chéron A. de. Op. cit. P. 43.

37. Ibid.

38. Beulay H. Op. cit. P. 130.

39. Beulay H. Op. cit. P. 162.

40. Journal de captivité en Russie. P. 88.

41. Journal de captivité en Russie. P. 91.

42. Beulay H. Op. cit. P. 148.

43. Ibid. P. 135.

44. Cheron A. de. Op. cit. P. 38.

45. Beulay H. Op. cit. P. 100.

46. Речь идет о Воронове, деревне, принадлежавшей графу Ф.В. Ростопчину, который с приближением французов сам сжег свою усадьбу, упоминаемую Фюзелье.

47. Journal de captivité en Russie. P. 103.

48. Cheron A. de. Op. cit. P. 43.

49. Ibid.

50. Beulay H. Op. cit. P. 100.

51. Journal de captivité en Russie. P. 97.

52. То есть знатные земельные собственники.

53. Journal de captivité en Russie. P. 81.

54. Beulay H. Op. cit. P. 98.

55. Ibid. P. 135.

56. Lettres de ma captivité en Russie par le commandant Breton. P. 137.

57. Ibid.

58. Аналогичное мнение высказывает и Бёле: Beulay H. Op. cit. P. 148.

59. Journal de captivité en Russie. P. 69.

60. Ibid. P. 75.

61. Beulay H. Op. cit. P. 164.

62. Ibid. P. 162.

63. Ibid. P. 135.

64. Journal de captivité en Russie. P. 74.

65. Beulay H. Op. cit. P. 130.

66. Ibid. P. 172.

67. Cheron A. de. Op. cit. P. 40.

В.Н. Земцов*

УРАЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ЭПОХИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ В МЕМУАРАХ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОПЛЕННОГО (НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ)**

В 1826 г. в Париже вышел двухтомник мемуаров Робера Гийемара, сержанта в отставке, принимавшего участие в военных кампаниях 1805–1823 гг. и бывшего в русском плену в 1812–1814 гг. [1]. В том же году, в Лондоне, вышло однотомное английское издание, в предисловии которого было подчеркнуто, что автор мемуаров *«не претендует на раскрытие секретов правительственных кабинетов или даже планов военных кампаний; но он предлагает сиюминутные сцены, которые имели место в период его бурной карьеры… между 1805 и 1823 [годами]»*. В конце предисловия издатель выразил восхищение слогом автора, *«простым и непритязательным»* [2]. Тогда же, в 1826 г., вышло американское издание мемуаров [3], также в виде однотомника, через год – немецкое в двух томах [4]. Публикации мемуаров Гийемара продолжали выходить и далее. Последнее из известных нам изданий XIX в. было осуществлено в 1898 г. [5].

Судьба сержанта Гийемара, действительно, оказалась весьма примечательной. Родился он в местечке Сисфур (Sixfour) возле Тулона. В 1805 г. взят по конскрипции во французскую императорскую армию и вскоре отправлен на флот к адмиралу П.Ш. Вильнёву. Ему довелось принять участие в битве при Трафальгаре, причем обстоятельства сложились так, что, согласно мемуарам, именно пуля Гийемара могла сразить лорда Нельсона! Адмирал П.Ш. Вильнёв приблизил Гийемара к себе, сделав своего рода секретарем и, при возвращении из плена во Францию Гийемар стал свидетелем смерти адмирала в Ренне. Император Наполеон, желая узнать обстоятельства этого события, потребовал Гийемара в Париж, где принял его и подробно расспросил о том, что именно произошло в Ренне. Присоединился Гийемар к французской армии в Германии, участвовал в осаде Штральзунда. Возвратившись во Францию, он принял участие в дуэли и был ранен;

*__Земцов Владимир Николаевич__ (Екатеринбург) – заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

**Выражаю искреннюю благодарность самарскому исследователю А.И. Попову, сообщившему о существовании мемуаров Р. Гийемара, и А.М. Кручинину, советы которого по истории Нижнего Тагила и Черноисточинска оказались для нас совершенно бесценны.

после чего вновь был отправлен в Германию, где сражался при Ваграме. Затем была Испания и плен, несколько месяцев которого он провел в заключении на острове Кабрера. Однако Гийемар смог оттуда бежать, вновь присоединился к французской армии и, отличившись при осаде Тортосы, получил чин сержанта и орден Почетного легиона. В 1812 г. он оказывается в России, в составе 9-го линейного полка, и участвует в Бородинском сражении. Заменив убитого офицера-орлоносца, сержант Гийемар вечером 7 сентября (все даты приводятся по новому стилю. – ***В. З.***) был произведен прямо на поле боя самим Наполеоном в офицеры, но, к несчастью, в тот же день, поздно вечером, при контратаке русских, оказался в плену. В составе партии военнопленных он был отправлен в Москву, затем во Владимир, Касимов, Нижний Новгород, Казань. Из Казани часть пленных была отправлена в Пермь, наконец, 70 человек оказались в Екатеринбурге, где их распределили по различным заводам Демидова. В составе партии из 10 человек, старшим в которой был полковник Лаплан, Гийемар (его чин лейтенанта был признан русскими властями) попал в Нижний Тагил и Черноисточинск, где он оставался до своего освобождения в октябре 1814 г. По возвращении во Францию вновь поступил на военную службу. В 1815 г. сопровождал И. Мюрата в его бегстве из Тулона на Корсику, а затем при его неудачной попытке возвратиться в Неаполитанское королевство. Военная карьера Гийемара завершилась в 1823 г. после экспедиции французских войск в Испанию для подавления революции.

Столь бурная жизнь Гийемара сама по себе не могла не привлечь внимания исследователей наполеоновской эпохи, но тем более она была удивительна посещением далекого уральского края.

И все же… Хорошо известно, что в 1812–1814 гг. военнопленных Великой армии Наполеона дальше Вятки не отправляли. Однако серьезные исследования, посвященные военнопленным в России в 1812–1814 гг., стали появляться только в самое последнее время [6], и до сих пор вопрос о судьбе военнопленных в Вятской и Пермской губерниях остается почти неизученным. Неужели все-таки на Урале были французские военнопленные?

Когда мы получили письмо из Самары от А.И. Попова с просьбой проверить воспоминания Гийемара на подлинность, что называется, «на месте», нас поразило удивительное сочетание подлинных сведений об уральском крае с очевидной и не очень очевидной «клюквой». Попытаемся кратко изложить содержание тех страниц воспоминаний, в которых речь идет, прежде всего, об Урале [7].

Итак, уже при описании маршрута следования пленных из Владимира в Касимов (?!), и далее – в Нижний Новгород и Казань, становится очевидным, что пленный либо находился в полуобморочном состоянии или же,

воспроизводя события по памяти, напутал с названиями мест, которыми он следовал, и расстояния между ними. Казань у него оказалась заселена *«армянами, магометанами и татарами»*, в дороге он постоянно останавливался не на постоялых дворах, а в *«караван-сараях»*, после 10 октября на Волге в районе Нижнего Новгорода уже встал лед… Еще в Касимове Гийемар познакомился с неким полковником Лапланом (Laplane), который в сражении при Бородине среди первых вошел в русский Большой редут (батарею Раевского) вместе с кирасирами генерала Монбрёна. Во французской армии действительно в своё время служили два полковника Руже-Лаплана – братья Жан Грегуар Бартелеми и Жан Антуан Маржерит. Но один уже в 1807 г. стал генералом, а другой станет полковником только в 1814 г. [8]. Ни тот, ни другой в русском походе не участвовали и в русском плену не были.

И вот, наконец, автор мемуаров прибывает в Пермь, *«наиболее крупный город в Европе, который можно встретить на этом направлении»*, *«он расположен в горном крае, составляющем часть Уральских гор, которые, однако, оказались ниже, чем мы предполагали, но именно они создают реальную линию разграничения между Европой и Азией»*.

Выехав из Перми, пленные, как можно понять, уже через полтора дня (?!) оказались в Екатеринбурге, «*очень красивом городе, с домами, крыши которых покрыты листовым железом, с Монетным двором и с государственной конторой для общего управления рудниками Перми, Казани, Оренбурга и Сибири»*. Примечательно, что в Екатеринбурге *«никто вовсе и не думал о войне, будучи убежден, что она далеко»*, и жители города относились ко всем событиям с явным безразличием. Здесь, в Екатеринбурге, в соответствии с соглашением между *«представителями короны»* и *«агентом г-на Демидова, одного из самых богатых людей в России»* [9], партия в 70 военнопленных была разделена на группы по 10 человек, которые были отправлены «*на рудники этого могущественного производителя железа»*. Будучи уже в Екатеринбурге, полковник Лаплан узнал, что *«кузнечный завод»* Нижнего Тагила, расположенный примерно в 10 льё [10] к северу, находится под управлением француза, и попросил отправить туда партию, в которой оказался и Гийемар. Пленные французы достигли Нижнего Тагила 31 декабря 1812 г.

По приезде в Нижний Тагил французы были встречены *«одним из мастеров кузницы»*, который в ожидании дальнейших распоряжений от своего начальства выделил им дом для жилья. На следующее утро пленные были *«приятно удивлены приходом г-на Мазэна (Mazin), француза, «помощника директора работ (directeur en second de l'usine)»*. В дальнейшем Мазэн неизменно покровительствовал пленным, в особенности пол-

ковнику Лаплану и Гийемару. Им был дан русский слуга по имени Фёдор, и они были устроены *«в очень хорошеньком небольшом теплом домике, находившемся рядом с церковью»*. Остальные пленные были первоначально поселены в здании при мастерских, где вскоре стали руководителями на отдельных участках работ.

Далее Гийемар дает описание Нижнего Тагила на реке Тагил, в котором находится железоделательный завод. Река Тагил, как справедливо указано в мемуарах, «*впадает в Туру, Тура в Тобол, Тобол в Иртыш, а Иртыш – в Обь»*. Этот завод принадлежит господину Демидову, *«наряду с другими девятью железоделательными заводами, расположенными возле него, где плавится руда, привозимая с Уральских гор»*. Центром демидовских владений является именно Нижний Тагил, откуда *«исходят приказы для кузниц Салдинского, Выйского, Нижне- и Верхне-Лайского, Чёрного* (то есть Черноисточинского. – ***B. З.***) *и других [заводов]»*. Река Тагил перекрыта плотиной и разливается в пруд, чья вода *«приводит в действие многочисленные молоты и колеса вдоль длинной линии фабрик»*. «*Здесь производятся разные железные изделия, такие, как колокола, разного рода инструменты, железные котлы и т. д. С каждой стороны линии мастерских высятся дома, которые образуют завод (zavode)»*. Автор поясняет, что для множества домов вокруг железоделательных мастерских используется не название город (gorod), но название завод. В Нижнем Тагиле 9 тыс. жителей [11], и все прямо или косвенно заняты на работах. На наиболее видном месте расположен дом, предназначенный для хозяина, господина Демидова, когда он приезжает посетить свои владения. На вершине самого большого холма построена церковь, которая, подобно всем церквям в России, разделена на две части, одну летнюю и другую зимнюю, и покрыта листовым железом [12]. Между домами разбросаны небольшие сады. Хотя они содержатся не в очень хорошем состоянии, но придают поселку (un village) довольно приятный вид, особенно с окончанием зимы (в английском варианте – с приходом весны), когда вишневые деревья (?!) покрываются фруктами (?!). В нижней части поселка расположен базар, своего рода восточная ярмарка, где находятся все лавки этого местечка [13].

Специфику населения этого поселка автор сравнивает с особенностями населения Сент-Этьена, где размещается оружейное производство Франции. Далее дается красочная картина главной улицы Нижнего Тагила вечером, *«когда вдоль двух длинных рядов зданий зажжены все огни, все молоты бьют, все колеса находятся в движении, и тысячи человек, чумазые и в дыму, двигаются возле горнов, ежедневно производя огромное количество чугуна»*. *«Безмерное количество»* изделий этого завода, по словам автора, перевозится в санях (?!) по реке Чусовой, откуда они перебра-

сываются на Волгу, затем – на север, в Европейскую Россию или идут на экспорт в Англию [14].

Автор воспоминаний пишет, что господин Мазэн был чрезвычайно сведущ в кузнечном деле и поэтому был назначен *«начальником работ по подготовке руды»* (вероятно, занимался обогащением руды), сменив на этом месте одного *«малосведущего русского (который сам был преемником другого француза г-на F…, чьи заслуги и добродетели с теплотой вспоминались в Нижнем Тагиле)»* [15]. Мазэну пришлось приложить немало усилий, чтобы *«вновь вернуть процветание и великолепие, которое было ранее»*. На этом фоне события войны с Наполеоном были очень скоротечны, и Сибирь была столь далека, что меры предосторожности, введенные против французов, находившихся в России, не были задействованы, и Мазэн оставался *«в высшей степени уважаем и любим»*.

Всю зиму начала 1813 г. пленные провели в Нижнем Тагиле, и к весне слухи о разгроме Наполеона в России окончательно подтвердились, *«так как еще некоторое число пленных было размещено в Сибири»*. Мазэн пытался, как мог, развлекать французских пленных, показав им *«зимние скачки, которые любимы русскими всех классов»*, и зимний лов рыбы на озерах [16]. *«Хотя зима и является веселым временем года для сибиряков,* – пишет автор, – *они ждут прихода весны с радостью…»*. С приходом весны во время пасхальной недели жители Сибири устраивают развлечения, празднуя окончание зимы. Для этого всюду ставят качели, и есть немало людей, которые не покидают качелей целыми днями, разве только для того, чтобы поесть.

Мы не исключаем, что такие любители качелей встречались, но вот описание автором прихода весны удивляет: *«Весна в Сибири приходит не постепенно, как у нас, но подобно тому, как и зима, наступает [здесь] сразу. Вечером накануне мы чувствовали себя как будто под арктическим кругом; на следующий же день вдыхали весенний воздух. Снег внезапно исчез и земля, как по волшебству, появилась, покрытая цветами»*. С наступлением теплой погоды Гийемар и Лаплан, по предложению Мазэна, перебрались в Черноисточинск (Tchornaïa-Zavode), который находился, по словам мемуариста, *«в расстоянии 3-х льё»* [17]. Далее он пишет, что этот завод расположен на берегах озера Чёрного (Tchornaïa), которое, в свою очередь, берет имя от реки с тем же названием. Воды этой реки, *«прежде чем попасть в озеро, текут через болота, и оттуда затем спускаются в Тагил»* [18].

Как ни странно, но путешественники, двигаясь от Нижнего Тагила до Черноисточинска, проехали *«вдоль стремительного* (?! – ***В. З.***) *потока Черной реки»* и, поднявшись *«на бесплодный гребень Уральских гор и*

Липовой горы, вдохнули чистый воздух, и пришли в восхищение от разнообразия видов». Перед ними простиралось *«озеро, раскинувшееся к юго-западу, где Уральские горы разделялись на две ветви»*. На глади озера виднелось несколько приятного вида островов, а дальше, к западу, возвышались две крутые горы, на вершинах которых в дождливое время года собирались облака. Лаплан и Гийемар разместились в избе, построенной на одном из островов, недалеко от плотины озера. Отсюда они часто ходили охотиться, рыбачить или просто бродили по окрестностям, население которых было очень редким; и оно всё было занято на работах в заводских рудниках. По мнению мемуариста, на своем восточном склоне Уральских гор, у подножия которых он и его сотоварищ находились, виды были малоинтересны. По краям равнин высилось много *«темно-зеленых скал»*, поросших «*лесами белого кедра (cèdres blancs)* (?! – ***B. Z.***), *березы, сосны…»*. Часто встречались болота. То тут, то там были разбросаны обширные пустоши, покрытые высокой травой, вперемешку с эспарцетом и клевером (?!), и поставляющие прекрасный торф. В этих местах нельзя было встретить никого, за исключением рудокопов и углежогов, принадлежащих к заводу. Так как они могут обрабатывать землю только тогда, когда разрешает время при работе на заводе, почва возделывается плохо. Эти рабочие, по мнению автора, вынуждены по приказу своего господина ходить от одной деревни к другой и должны, таким образом, *«менять свой край и его климат без какой-либо надежды туда возвратиться»*. Император Александр Первый попытался ограничить эту власть помещиков над своими крестьянами (serfs) путем учреждения судов, назначаемых им самим, но эта попытка ослабить феодальную власть осталась без последствий, так как в таких отдаленных провинциях суды все равно оказываются под контролем местного помещика. Однако автор мемуаров не был склонен видеть ситуацию только в мрачном свете. Образ жизни местных крестьян, считал он, не очень тягостный. Каждый живет со своей семьей в деревне, принадлежащей заводу. Обычно он имеет корову, лошадь, несколько овец и клочок земли, на котором выращивает немного капусты и хлеба. Работа на заводе не даровая и каждый работающий на нем может скопить немного денег, так что однажды способен купить себе свободу. Несмотря на крепостничество, сибиряк хорошо знает преимущества, происходящие от оклада за работу на заводе, и не соглашается работать бесплатно. Он бросает свою работу в тот момент, когда перестает регулярно получать эти деньги. В 1809 г. имел место своего рода бунт рабочих, принадлежавших к демидовским заводам, из-за того, что не оказалось денег для выплаты зарплаты. Это затруднение могло бы привести к серьезным последствиям, если бы у людей был план и нашлись бы лидеры; для некоторых из воз-

мутившихся это плохо кончилось: они были наказаны. С этого времени владельцам лавок было приказано съехать с заводов и поселиться от них вдалеке. Торговцам было разрешено открывать свои лавки только по воскресеньям [19].

Единственные магистраты этих людей – это их помещик и его агенты. Однако рабочие избирают из своей среды старост (starost), которые обычно принадлежат к состоятельным фамилиям. О состоянии семей легко составить впечатление по одежде женщин в воскресенье и в выходные дни. Далее идет подробное описание праздничной женской одежды, которое достаточно точно передает главные детали платья, несколько образцов которого 1-й половины XIX в. хорошо сохранились в Музее горнозаводского быта Нижнетагильского музея-заповедника. Мужчины, по словам автора, *«не столь блестящи в своей одежде»*: они носят широкий кафтан или другое платье с шелковым кушаком, меховую шапку зимой и шляпу с широкими полями летом; у них нет галстука, но почти всегда сапоги [20]. Знать, и вообще богатые люди, бреются по европейской моде, но торговцы и крестьяне отпускают бороды. Есть и другое различие между господами и крестьянами; последние адресуются один к другому во втором лице единственного числа, в то время как первые «уродуют русский язык» и никогда не адресуются один к другому на равных. «*Здесь, как и в других странах, знать цивилизовалась раньше других классов»*, в то время как простые люди сохранили обычаи далеких веков.

Если покинуть завод и углубиться в страну, простирающуюся от Тагила, встречаются многочисленные деревни, колонии киргизов (Kirguis), *«которые, в течение лета, растворяются со своими стадами в далеких степях и живут в хибарах из коры (et campent sous des cabanes faites d'ècorces d'arbe). На очень небольшом пространстве являют себя жители совершенно разные, и мы видим, как Европа соперничает с Азией за преобладание, как соперничают и Север с Югом. С этого места текут реки, которые несут свои воды в Ледовитый океан и в Каспийское море, и которые проходят через Азиатскую и Европейскую Россию, и между которыми очень нетрудно установить коммуникации, в то время как сегодня они представляют собой только санные пути зимой». «Как много ресурсов,* – восклицает автор, – *может быть использовано при открытии коммуникации в интересах развития индустрии и торговли в таком неразвитом регионе, как этот, если бы более просвещенное правительство ввело свободу и право собственности между нацией рабов!»* [21] Завершая свой географический экскурс, автор заявляет: *«Таким образом, в одно и то же время мы были на дороге в Камчатку, на дороге в Европу через Казань, и по соседству с Тобольском, который был примерно в одной сотне льё».*

Не обошел вниманием сержант Гийемар и уральские древности, которые заключались, по его мнению, только в *«земляных курганах, весьма основательно сделанных, и галерей, проложенных в горах»*. Эти сооружения вряд ли были сделаны киргизами и татарами, поэтому их можно скорее соотнести с народом, жившим здесь очень давно под именем чудь (tchouds). Хотя до нас дошло только имя народа, но это доказывает, что в Уральских горах были известны и разрабатывались рудники в древние времена народом, далеко продвинувшимся в деле обработки металла, и что «*жестокие и воинственные народы опустошили эту почти недоступную страну, которая отделена от Индии горами Алтая, границей пустынь и очень высокими горами Таврии (Taurus) (?! – **В. З.**)*».

Автор «мемуаров» (проницательный читатель уже не мог не догадаться, что им вряд ли мог быть бравый сержант Гийемар) решился разбавить свой рассказ любовной историей, которая должна была бы соответствовать местному колориту и отразить, так сказать, «социально-политический контекст» уральской жизни. В рассказе появилась красивая девушка Дарья с черными, как смоль волосами, оттенявшими ее *«мягкую и белую как пергамент кожу, составляющую отличие кавказской (?! – **В. З.**) расы»* (ее Гийемар встретил в лесу недалеко от черноисточинской плотины); появился ее отец, богатый старообрядец Михаил [22]; возник очень богатый башкир [23], брат Михаила по вере, тоже старообрядец (?!!!); и, конечно же, дюжий русский молодец Василий, полюбивший Дарью и ею, в свою очередь, любимый. Старец Михаил [24] попытался выдать Дарью за своего собрата по вере башкира Афанасия, но встретил упрямое нежелание Дарьи. Главное состязание двух претендентов на руку Дарьи состоялось в день святого Иоанна, покровителя Черноисточнинского поселка [25], на берегах пруда. В тот день, *«как это происходило и раньше»*, жители поселка и соседних деревень устроили своего рода гонки на *«небольших узких лодках, сделанных из цельного дерева, наподобие каноэ Южных морей»* [26]. Женщины на берегу пели национальные песни, на озере плавала большая баржа, груженая деревенским начальством и музыкантами, *«чья гармоничная музыка контрастировала с песнями, слышимыми с других лодок»*. Василий снарядил несколько лодок, заполнил их музыкантами и этим привлек все другие *«ялики»*, которые *«вытянулись подобно гондолам в Венецианской лагуне»*.

Но башкир Афанасий превзошел Василия, приведя два десятка своих лучших лошадей, покрытых богатыми попонами и, *«под звуки татарской музыки»,* устроил несколько забегов на берегу. Триумф Афанасия был полный, о конских бегах летом, что было внове, в поселке говорили несколько дней. Влияние башкира на старца Михаила заметно усилилось. Василий

же был отправлен на все лето во главе группы рабочих вглубь края валить деревья и жечь из них уголь. Дарья, которую Михаил стал запирать дома, постепенно угасала.

Осенью Михаил пригласил Гийемара, который оказался вхож в дом старообрядца, на своего рода действо засолки капусты, в котором обычно участвовали только женщины. Автор поясняет, что для сибиряков засолка капусты, это своего рода «*vintage season*» (праздник окончания сбора винограда). На засолку капусты женщины приглашают помогать им своих подруг и соседок. Накануне вечером они срубают кочаны капусты, готовя их к шинкованию и засолке. В назначенный день женщины собираются, одетые в лучшие наряды и вооруженные своего рода большими мясницкими ножами. В центре помещается нечто подобное «шандалу». Сами женщины размещаются вокруг большого корыта, а две наиболее юные девушки начинают танцевать *«в немецком стиле»*, в то время как остальные поют народные песни и шинкуют капусту. Когда девочки устают танцевать, на их место заступают двое других. Песни и танец продолжаются без остановки с утра до ночи. Тем временем замужние женщины солят капусту и укладывают ее в бочки. Вечером вся компания садится ужинать, после чего приглашаются и мужчины, которые и в этом случае остаются отдельно от женщин. Появляются стаканы с вином и пуншем (?!), в танцах начинают принимать участие уже все, и это продолжается до позднего часа. На следующий день вся компания переходит к соседу, и так вплоть до момента, когда закончится засолка капусты. *«Без сомнения,* – говорит автор, – *в этих северных празднествах нельзя обнаружить того живительного удовольствия, которое присутствует на празднике винтажа в Италии и на Юге Франции»*, но праздники столь редки в Сибири, и все здесь носит такой характер неподвижности, что этот праздник, в котором полностью заправляют женщины, должен был показаться ему очень приятным.

Каково же было завершение истории Дарьи и Василия, свидетелем которой оказался француз Гийемар? Однажды в Черноисточинск прибыли два русских офицера с несколькими сержантами. Все они *«скорее выглядели как казаки, нежели как регулярные солдаты»*. Они занимались рекрутским набором. В назначенный день на площади должны были собраться все мужчины. В стороне стояли женщины, которые *«с ужасом ждали результатов; некоторые из них плакали»*. Мужчины поселка были построены в две шеренги, и офицеры, медленно двигаясь между ними, отбирали на вид наиболее пригодных к военной службе, формируя из них небольшую группу в середине площади. Затем началась инспекция среди отобранных в эту группу людей: их заставляли пройтись, раздеться, словом, как пишет автор, делалось то, что происходило в «рекрутских советах» в наших де-

партаментах многие годы. Когда мужчина оказывался негоден, ему разрешали уйти, и тогда толпа разражалась криком радости; если же его признавали годным, его немедленно заковывали в железо (?!), в то время как его семья кричала от горя. Этих бедняг оставляли закованными вплоть до того момента, покуда их не отправляли из селения.

Однако автор «воспоминаний» отмечает, что в России существует множество обстоятельств, позволяющих избежать рекрутчины: возраст, наличие семьи, обязанность ухаживать за престарелыми родителями. Иногда случаются и подкупы офицера, занимающегося набором. Но бывало и другое, когда в армию *«забирали молодого человека, чья жена или любовница была объектом домогательства соседского сеньора»* или в отношении которого готовилась иная несправедливость и за его сдачу в рекруты была обещана плата. *«Таков порядок рекрутирования в России!»* — восклицал автор.

Гийемар остался в неведении: то ли офицер действительно отобрал Василия, полагая, что из него получится *«красивый драгун, либо солдат гвардии»*, то ли офицер был подкуплен. Итак, Василий был закован в кандалы и определен в бессрочную службу, что в России является своего рода *«внутренним изгнанием, так как русскому солдату никогда не разрешается возвратиться в свой дом»* [27].

Рекрутскую партию в тот день хорошо покормили мясом и напоили *«бренди»* (?!). Затем рекруты, находившиеся в бесчувственном состоянии, все еще закованные в железо, были брошены в сани. Теперь стало разыгрываться множество раздирающих сердце сцен, когда семьи провожали забранных в службу криками и пением *«посмертных псалмов» (?!)*. Сами же рекруты, одурманенные *«ликером» (?!)*, оставались совершенно индифферентны к происходившему вокруг них. Но не таков был наш Василий! Он ничего не пил и, садясь в сани, *«протягивал руки к Дарье, к своим друзьям»*, к сержанту Гийемару, и *«посылал нам прощай со слезами»*. Дарья бросилась к нему, но была безжалостно отдернута и брошена на лед. Сани пошли в галоп. Гийемар поднял Дарью и отвел ее к отцу, где она стала быстро угасать и у нее открылась чахотка. Она постоянно приговаривала, что *«Василий взял ее жизнь с собой»*. Когда в середине июля 1814 г. в поселок возвратился Афанасий, надеясь на скорую свадьбу, чахотка у Дарьи резко усилилась и через несколько дней она умерла с именем Василия на устах.

Сержанту Гийемару довелось сопровождать ее тело из Черноисточинска в старообрядческую церковь в Нижнем Тагиле [28]. По одну сторону гроба встали мужчины, по другую – женщины. *«После похоронного песнопения, исполненного на местном языке (en langue vulgaire), священник, который был с непокрытой головой, произнес речь о покойной. Его седые волосы,*

его длинная борода, его азиатское одеяние, и громкие рыдания, придали его речи особую торжественность». Когда священник закончил, каждый вышел вперед и в молчании поцеловал руку покойной. Сержант Гийемар, который был безответно влюблен в Дарью, сделал это, как и все остальные.

Остаток лета 1814 г. полковник Лаплан и Гийемар провели в Нижнем Тагиле. Здесь они снова встретились со своими товарищами по плену, которые очень неплохо устроились в нижнетагильском поселке. Они сами построили дом [29], *«одним из самых заметных благодаря порядку и опрятности»*. Пленные возделывали небольшой садик, который уже *«на второй сезон превзошел все сады сибиряков вокруг них»*. Справедливости ради, автор замечает, что свободного времени у его друзей было больше, чем у рабочих, занятых на руднике. Наконец, в июле, некий *«агент Демидова»*, который был послан инспектировать владения своего хозяина в Верхотурской провинции (?!), поделился слухами, пришедшими из Нижнего Новгорода [30] о том, что между Францией и Россией заключен мир.

Второго октября *«по снегу, который только четвертый или пятый день как покрыл почву»* (?!), Лаплан и Гийемар отправились в санях из Нижнего Тагила. Вскоре они *«пересекли Уральские горы и обширные равнины между Екатеринбургом, Казанью и Нижним Новгородом»*. 28 октября они были в Москве, а 29 ноября въехали в Страсбург. Так французские пленники возвратились во Францию…

Не скроем, столь ошеломляющая и будоражащая воображение феерическая история уральского плена сержанта Гийемара нас не на шутку взволновала. Поражало необычное переплетение подлинных сведений об Урале и уральской жизни с очевидными домыслами автора этого подлинного бестселлера XIX в. Кто же его создал? Создателями оказались два человека. Их имена обнаружились, как только мы обратились к изданиям *«мемуаров Гийемара»* в XX в. Это были французы Шарль Оже Барбару (Charles Ogé Barbaroux) и Жозеф Александр Лардье (Joseph Alexander Lardier). Их личности оказались неординарными.

Особенно заметный след в истории оставил Барбару. Он был сыном знаменитого лидера жирондистов Шарля Жана Мари Барбару, красивого, энергичного и храброго депутата Конвента, организатора Марсельского батальона, гильотинированного якобинцами в Бордо в 1794 г. Шарль Оже вряд ли помнил своего отца, так как родился в 1792 г. в Марселе. Получив образование, он занимался адвокатской практикой в Ниме, стал известен своими публикациями на политические и общественные темы. В 1822 г. издал мемуары отца [31], получившие большую известность, а в 1824 г. – еще более популярную «Краткую историю Соединенных Штатов Америки» [32]. По своим политическим воззрениям Барбару был последовательный

либерал, и после июльской революции 1830 г. его карьера пошла в гору. Он последовательно сменял должности прокурора в начале в Пондишери (Французская Индия), затем на оостров Бурбон, наконец, 1848 г. застал его в Алжире. (По другим сведениям, с 30 ноября 1839 г. по февраль 1848 г. он был генеральным прокурором.) Барбару стал представителем Конституанты от острова Реюньон, затем членом Государственного совета. С 1858 г. он сенатор, оставаясь на этом посту вплоть до своей смерти в 1867 г. [33].

О Жозефе Александре Лардье известно меньше. Он был другом детства Барбару и в совершенстве владел английским языком. Главный его труд – перевод на французский язык мемуаров английского генерала Роберта Вильсона, шеститомник которых вышел в Париже в 1825 г. [34].

Вне сомнения, лондонское издание «мемуаров Гийемара», вышедшее параллельно с парижским и снабженное соответствующим предисловием, – это дело рук Лардье. Но главным «сочинителем» «мемуаров» сержанта, конечно же, был изобретательный обладатель легкого пера Барбару. В этом опусе удивительно соединились занимательность, историческая и политическая ангажированность, этнографическая полезность (отправляя своего героя в различные части Европы, и, наконец, забросив его в Сибирь, авторы превратились в последователей Д. Дефо и, одновременно, стали предшественниками Ж. Верна), в особенности для широкой публики, и, что немаловажно было для авторов, коммерческий успех.

Однако главная интрига остается! Каким образом два уроженца французского Юга собрали сведения, которые позволили им в середине 20-х гг. XIX в. совершить «виртуальное» путешествие на Северный Урал? Помимо этого возникает вопрос, что заставило их забросить своего сержанта Гийемара не куда-нибудь, а именно в Нижний Тагил и Черноисточинск?!

Начнем с того, что в середине 20-х гг. XIX в. Барбару и Лардье имели возможность вдохновляться несколькими уже опубликованными воспоминаниями солдат наполеоновской армии, побывавшими в русском плену. В 1815 г. Ш.П.А. Бургоэн в литературной форме описал события русского плена своего брата, адъютанта маршала М. Нея, А.М.Ж. Бургоэна. Судьба забросила последнего в Казань, а затем в Оренбургскую губернию [35]. Подобно тому, как это сделают впоследствии Барбару и Лардье, Ш.П.А. Бургоэн не стал утруждать себя историческими точностями о жизни своего брата, но придумал лирическую сюжетную линию для своего героя [36]. В 1817 г. в Штутгарте вышли воспоминания вюртембержца К.Л. Йелина, находившегося в плену в Пензе и Саранске [37]. Но наиболее близко к описанным двумя французскими авторами краям оказался баварец Бюттнер, захваченный, как и Гийемар, в сентябре 1812 г. под Москвой и отбывавший плен в Вятской губернии [38]. В любом случае, если Барбару

и Лардье могли и не знать о воспоминаниях немцев, то опубликованная история Бургоэна, а также устные рассказы о русском плене французских ветеранов они не могли не знать. Отсюда и ряд вполне правдивых моментов в «мемуарах Гийемара», повествующих о русском плене, которые мы в своем пересказе были вынуждены опустить.

Что же касается общих сведений об Урале, то они были взяты из работы П.С. Палласа, описавшего свое путешествие по России в 1768–1773 гг. [39]. Ученый посетил вначале Черноисточинский, а затем Нижнетагильский завод в июле 1770 г. Целый ряд моментов Барбару и Лардье взяли из книги немецкого ученого почти дословно: о Черном озере и речке Черной (не поняв при этом точно, впадает ли река в озеро, или, как у Палласа, Черное озеро протекает через речку Черную и вливается в Тагил); о «приятных островах» на поверхности озера, *«из коих за пять верст от пруда на одном построен был летний домик»* (именно в него поселили Барбару и Лардье полковника и сержанта, проигнорировав замечание Палласа, что этот домик был перенесен с острова в Нижнетагильский завод); о двух достойных внимания горах, вид на которые открывается с Черноисточинского пруда (одна гора – «Дыроватик», другая – «Белый камень», или, как ее сейчас называют, «Белая гора») и на вершинах которых собирались тучи и облака, предвещая дождь. Упоминает Паллас и Липовую гору, рядом с которой шла дорога в Нижнетагильский завод. Он же перечисляет владения тогдашнего хозяина края Н.А. Демидова, перечень которых использовали два французских автора. Пишет Паллас и о нижнетагильской церкви, покрытой железом, о расположении домов заводских работников, и даже о староверах [40]. Примечательно, что у Палласа фактически нет описания Екатеринбурга. Он посчитал возможным просто сослаться на своего предшественника И.Г. Гмелина. Вероятно, не имея возможности обратиться к «Сибирскому путешествию» Гмелина, два бойких француза решили отправить своих героев подальше, на Север.

Но даже и эти параллели с текстом книги Палласа не позволяют до конца разрешить загадку… Нас не оставляет ощущение того, что французские авторы вдохновлялись, помимо всего прочего, рассказами человека, который жил в Нижнем Тагиле и Черноисточинске. Первым кандидатом на роль такого рассказчика может быть, конечно же, знаменитый Клод Жозеф Ферри (1756–1845). Напомним, что среди потока вымышленных имен (за исключением Демидова) авторы неожиданно упоминают *«француза г-на F…, чьи заслуги и добродетели с теплотой вспоминают в Нижнем Тагиле»*. Как известно, еще будучи учеником и помощником великих Ж.Л. д'Аламбера и Г. Монжа, Ферри до Революции стал профессором Инженерной школы. Избранный от департамента Арденн членом

Конвента, он голосовал за казнь Людовика XVI, а после был одним из главных организаторов обороны Республики, занимаясь производством пушек и другого оружия. Затем он возвращается к профессорской деятельности в Инженерной школе в Меце, а с образованием Политехнической школы становится в ней экзаменатором. Не приняв установления Консульства, а позже Империи, Ферри ищет возможности покинуть Францию и в 1805 г. встречается с уполномоченным Н.Н. Демидова Анри Вейером, который рекомендует *«бывшего профессора королевской инженерной школы и ныне профессора же императорских артиллерийских, инженерных и других школ в Меце и Париже»* своему хозяину. И до 1809 г., когда по разным причинам его контракт с демидовской администрацией был расторгнут, он живет и работает на нижнетагильских заводах. Возвратившись во Францию, Ферри получает кафедру математики в Артиллерийской школе в Меце. В 1812 и 1813 гг. он также экзаменатор Политехнической школы. Приговоренный к высылке из Франции после Второй реставрации он, однако, отказывается это сделать и, благодаря заступничеству, с 1818 г. продолжает активную деятельность как ученый и инженер [41]. Вместе с Ферри в России побывала и его дочь, в те годы девица, Мария Франциска, также возможный информатор двух наших авторов о жизни на Урале.

Но есть еще и третий, пожалуй, самый приемлемый кандидат на роль рассказчика о Нижнем Тагиле и Черноисточинске – Фотий Ильич Швецов (1805–1855), крепостной человек Демидовых, с 1821 по 1824 г. учившийся в Инженерной школе в Меце (!), а осенью 1824 г. отправленный в Горную школу в Париж. В Париже Швецов стал учеником знаменитого Пьера Бертье, а с лета 1825 г. много путешествовал по Франции, затем – в 1826 г. – и по другим странам Европы. Его отъезд из Франции на родину состоялся в 1827 г. [42] Любопытно, что за Швецовым во Франции присматривал все тот же Анри Вейер, в свое время рекомендовавший Демидову Ферри.

Таков круг людей, которые могли поделиться рассказами с авторами «мемуаров Гийемара» о жизни в далеком уральском крае [43].

Каков итог нашего исследования? Ради чего мы столь подробно говорили о, как оказалось, мифическом Гийемаре, никогда, как и другие французские военнопленные в 1812–1814 гг., не побывавшем в уральской глуши? Дело в том, что именно книга Барбару и Лардье многие десятки лет была главным источником сведений об Урале для многих и многих западноевропейских и американских читателей. Через эту книгу (отнюдь не через работы Палласа и Гмелина), бойко написанную, расходившуюся большими тиражами на нескольких европейских языках, формировался образ нашего края в головах западноевропейской и американской читающей публики. «Приключения сержанта Гийемара» время от времени пере-

издаются и сегодня, а некоторые историки до сих пор считают Гийемара историческим лицом [44].

Литература и источники

1. Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inedits, de 1805 à 1823. P., 1826. T. 1–2.

2. Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823. Written by Himself. L., 1826. P. VI, VIII.

3. Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823. Written by Himself. Philadelphia, 1826.

4. Memoiren Robert Guillemard's verabschiedeten Sergenten. Leipzig, 1827. Bd. 1–2.

5. The adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823. Written by Himself. L., 1898.

6. Отметим, прежде всего, ряд работ В.Г. Сироткина, В.А. Бессонова, А.И. Попова, Б.П. Миловидова, В.П. Тотфалушина, К.В. Иванова, Т.А. Вишленковой, С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко. Последней по времени появления является работа С. Н. Хомченко, в которой имеются выходные данные всех основных публикаций по иностранным военнопленным 1812–1814 гг. См.: Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 200–201.

7. Мы воспользовались первым французским изданием: Mémoires de Robert Guillemard… P., 1826. T. 1. P. 261–306, и первым лондонским изданием того же года: Adventures of a French Serjeant… L., 1826. P. 154–183.

8. Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et l'Empire (1792–1814). P., 1938. T. 2. P. 58–59; Quintin D. et B. Les colonels de Napoléon. P., 1996. P. 757.

9. Примечательно, что пленные, живя на Урале, так и не встретились с Демидовым, что вполне правдоподобно, так как Н.Н. Демидов только единожды, в 1809 г., посетил Урал.

10. В то время льё равнялась примерно четырем километрам.

11. По данным на 1828 г., в Нижнем Тагиле было 4562 мужчин и 5116 женщин.

12. Явно имеется в виду Входо-Иерусалимская церковь, построенная в камне в 1764–1777 гг.

13. Действительно, ранее на этом месте находилась торговая площадь.

14. Представления автора о путях транспортировки изделий из Нижнего Тагила весьма искажают истинную картину.

15. Речь, как полагаем, идет о знаменитом К.-Ж. Ферри (Ferry), который в 1805–1809 гг. работал на Нижнетагильском и Черноисточнинском заводах. Что же касается до «г-на Мазэна», то такого, по-видимому, не существовало. Из известных нам лиц, работавших в Нижнем Тагиле в эпоху Александра Первого, обращает на себя внимание штейгер Фрол Монзин, фамилия которого напоминает фамилию Мазин (Mazin).

16. Автор достаточно точно описывает редкий ныне способ ловли рыбы зимой с помощью сетей и шестов, однако делает явную ошибку, утверждая, что наряду

с щукой, в озерах возле Нижнего Тагила можно поймать линя и даже лосося (?!). Примечательно, что в примечании, излагая выдумки о том, что стерлядь, выловленную в Оби у Тобольска подают к императорскому столу в Санкт-Петербурге, издатель упоминает П.С. Палласа, который обнаружил в Оби огромную рыбу-монстра, препарировал и сделал чучело, которое затем оказалось в кабинете естественной истории в Санкт-Петербурге. Строки о стерляди и рыбе-монстре имеются только во французском издании: Mémoires de Robert Guillemard… P., 1826. T. 1. P. 273.

17. Расстояние от Нижнего Тагила до Черноисточинска по прямой составляет примерно 16 км.

18. Следует пояснить, что в те годы скорее река Черная вытекала из озера. Вопрос о переносе вод реки Черной в Черноисточинский пруд рассматривался многократно, но реально этот проект удалось реализовать только в 1849 г.

19. Нам не известен факт подобных волнений на демидовских заводах в 1809 г., хотя в 1810 г. действительно на Нижнетагильских заводах возникли проблемы в связи с жалобами от ряда работников по поводу статуса «вечноотданных». Этот вопрос окончательно разрешился в 1812 г., после того как по 6-й ревизии 1811 г. всех людей при заводах вне зависимости от происхождения и правового статуса сделали «крепостными заводскими крестьянами Демидовых». Об этом см.: Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995. С. 133; Ганьжа С. В. Тагильская летопись, XVI–XIX вв. Нижний Тагил, 2000. С. 37–38. О выселении лавочников с заводов в известной нам литературе информации не встречается.

20. Любопытно, что о лаптях в мемуарах не упоминается вовсе.

21. Пассаж по поводу отсутствия средств сообщения не может не удивить. Основные грузы, относящиеся к деятельности уральских заводов, перевозились в период летней навигации по рекам.

22. Автор, желая поразить читателей своей эрудицией и местным колоритом, не преминул сообщить, что в России вежливым обращением младшего к старшему является обращение «batiulchka», тогда как лица одного возраста обращаются друг к другу как «brdtetz».

23. Автор пишет, что летом 1812 г. башкирская семья Афанасия, заехав дальше, чем обычно, на север, очутилась возле Черноисточинского завода. Башкиры время от времени заходили в поселок купить что-нибудь или продать халаты, называвшиеся «doubas» (?!), которые они красили в желтый цвет с помощью коры берез (?!).

24. На Черноисточинском заводе действительно в 1782 г. прогремело дело старообрядца Михаила (М.М. Мензелина), который утопил более 60 братьев и сестер по вере, желавших сохранить незапятнанными свои чистые души.

25. Православный приход в Черноисточинске появился только в 1833 г. До этого все жители Черноисточинска, будь то православные или старообрядцы-беглопоповцы, были вынуждены ездить на соседние заводы, чаще всего в Нижний Тагил. Об этом см.: Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 285–286, 598–599. Так что никакого святого Иоанна, покровителя Черноисточинского поселка, быть не могло.

26. Ну что ж, это могли быть так называемые лодки-«долбленки».

27. В примечаниях отмечено, что рекрута забирали на двадцать лет, что фактически означало на всю жизнь. См.: Mémoires de Robert Guillemard… P., 1826. T. 1. P. 301.

28. Этот эпизод вполне можно связать со Свято-Троицкой старообрядческой часовней в Нижнем Тагиле.

29. Интересно было бы узнать, в каком стиле был построен дом, и был ли он приспособлен для уральской зимы.

30. Весьма странно, так как Нижний Новгород и Верхотурье находятся весьма далеко и в разные стороны от Нижнего Тагила. В Верхотурском крае у Н.Н. Демидова никаких владений не было.

31. Mémoires de Charles Barbaroux, avec une notice sur sa vie par M. Ogé Barbaroux, son fils. P., 1822. Критическое издание этих мемуаров было подготовлено только в 1936 г. А.Шабо. См.: Mémoires de Charles Barbaroux. P., 1936.

32. Résume de l"histoire des les Etats-Unis d'Amerique. P., 1824. Эта книга переиздавалась, особенно в Америке, десятки раз. Мы насчитали, по меньшей мере, 78 изданий! Ее популярность закончилась только с наступлением XX в., когда стали появляться более глубокие исследования.

33. Grand dictionnaire universel. P., s.a. T. 2. P. 56.

34. Wilson R. Mémoires / Trad. de l'englais par J.A.Lardier. P., 1825. T. 1–6.

35. Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. P., 1815.

36. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг. … С. 17–18.

37. Yelin Ch. Merkwürdige Tage meines Lebens. Stuttgart, 1817.

38. Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung… Nürnberg, o.J.

39. Примечательно, что в одном из примечаний к французскому изданию 1826 г. имя Палласа даже упоминается, что и заставило нас обратиться к его работе.

40. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / Пер. с нем. Ф. Томанского. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 247–259.

41. Grand dictionnaire universel. P., s.a. T. 8. P. 275; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 70. С. 613–614; Виргинский В. С. Горно-металлургическое производство во Франции во 2-й половине XVIII в. // Труды Ин-та истор. естеств. и техн. 1959. Т. 20; Он же. Бывший комиссар Конвента на службе у заводчика Демидова // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1957. Т. 102. Отметим, что в 1825 г. Ферри издал во Франции свой перевод английской книги, касавшейся России, который вполне могли использовать Барбару и Лардье: Notice sur l'organisation, l'administration et l'état present des colonies militaries en Russie, du docteur Lyall. P., 1825.

42. Виргинский В.С. Фотий Ильич Швецов. М., 1977.

43. Полноты ради упомянем еще и о Ф.Ф. Звездине, уроженце Нижнего Тагила, занимавшемся в начале 20-х гг. XIX в. бронзолитейным делом у знаменитого П.Ф. Томира. Во Францию Звездин попал в пятнадцатилетнем возрасте. См.: Нижний Тагил в лицах: Деятели культуры Нижнего Тагила XVIII – начала XX в. Нижний Тагил, 2002. С. 19.

44. North J. With Napoleon in Russia: The Illustrated Memoirs of Faber du Faur, 1812. L., 2001. P. 206.

Н.В. Промыслов*

ВОЙНА ПРОТИВ ПРОСТРАНСТВА И КЛИМАТА: ФРАНЦУЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О КАМПАНИИ 1812 ГОДА

Вплоть до конца XVIII в. сочинение мемуаров было в Европе уделом немногих. Преимущественно своими воспоминаниями в печатной форме старались поделиться либо представители политической и военной элит, либо литературные деятели. Хотя сам по себе жанр был известен со Средних веков и на протяжении всего этого времени мемуары и автобиографии имели немалую популярность среди читателей [1]. Пережитые Старым светом на рубеже XVIII–XIX вв. бурные события, связанные с Французской революцией и почти беспрерывными войнами, в которые были вовлечены все без исключения страны Европы, а также ряд азиатских и африканских государств, породили невиданную прежде волну мемуаров, посвященных эпохе. Только в первой половине XIX в. и только во Франции появилось более 500 публикаций мемуарного характера [2]. Все пережившие ту эпоху понимали ее необычность. Для того, чтобы мемуары приобрели популярность среди читателей, автору уже необязательно было принадлежать к элите общества. То, что человек жил во времена Французской революции, Наполеона и уж тем более ходил с ним в Россию, было уже само по себе достаточным поводом для того, чтобы сесть за мемуары. Литературный талант мог сыграть не менее значимую роль в их популяризации, чем близость к сильным мира сего.

Авторы воспоминаний происходили из разных слоев общества и тем интереснее этот источник. Если люди из политической и культурной элиты и в прежние эпохи довольно активно ездили по свету, то под знаменами наполеоновской армии десятки тысяч представителей «низов» впервые смогли побывать в таких удаленных от их постоянного проживания местах, как Египет и Россия. При этом нужно отметить, что после введения всеобщей воинской повинности ветераны гораздо чаще, чем во времена королевской армии, возвращались туда, где жили до призыва, и, конечно, их устные рассказы оказывали влияние на восприятие событий и формирование представлений об окружающем мире у широких слоев французского общества [3]. Участники Революционных и Наполеоновских войн еще на протяжении многих лет рассказывали при любом удобном случае о былых походах и победах, часто добавляя к известным описаниям все новые подробности. Вопрос о том, насколько им верили слушатели, остается открытым, одна-

*__Промыслов Николай Владимирович__ (Москва) – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ко очевидно, что так или иначе они влияли на представления о прошлом у весьма широких слоев населения, многие из которых могли и не читать исторических сочинений. Таким образом, ветераны влияли и на представления французов о себе самих [4], становясь, по словам Ж.П. Берто, «рассказчиками о Великой Нации» [5].

Для придания своим сочинениям большей достоверности мемуаристы старались описывать события кампании как увиденные собственными глазами, независимо от того, где они в тот момент находились и могли ли быть свидетелями происходившего.

Среди авторов мемуаров можно встретить маршалов, генералов, интендантов и представителей нижних чинов. По численности большая часть опубликованных воспоминаний принадлежит офицерам. Всего к настоящему моменту насчитывается 129 воспоминаний, посвященных специально Русской кампании, и еще несколько сотен, авторы которых посвящают войне 1812 г. часть своих мемуаров [6]. Первые издания начали выходить еще в конце периода Первой империи, однако настоящую волну публикаций мемуарного характера породила смерть императора на Святой Елене в 1821 г., а затем становление наполеоновского культа в период Июльской монархии. Кроме того, в первой половине XIX в. заметно возросла численность читающего населения: к 1830 г. число грамотных во Франции достигло 12 миллионов, а количество наименований печатных изданий – 7 000, и это без учета нелегальных публикаций. Однако самым обильным по количеству выпущенных мемуаров о наполеоновских войнах стал период 1870–1914 гг., когда после поражения от Пруссии Франция нуждалась в героических примерах из прошлого, чтобы укрепить националистические чувства. Большая часть этих воспоминаний выходила не более одного раза, но были и своеобразные «бестселлеры», как например сочинения капитана Ж. Куанье, сержанта А. Ж. Бургоня, адъютанта императора Ф. Сегюра и др., оказавшие большое влияние на формирование отношения общества во Франции и остальной Европе к наполеоновской эпохе и конкретно к Русской кампании.

Авторы большинства воспоминаний использовали в качестве источников информации о походе вышедшие ранее сочинения и бюллетени Великой армии, и лишь немногие базировались главным образом на личных источниках. Так известно, что Куанье в работе над своими воспоминаниями часто обращался к «Истории Консульства и Империи» А. Тьера, «Мемориалу» Лас Каза и бюллетеням [7]. Многие мемуаристы читали сочинение Ф. Сегюра и почерпнули часть информации из его книги, порою, однако, пытаясь спорить с автором [8]. Этот издательский бум способ-

ствовал утверждению и все большему распространению наполеоновского мифа о войне 1812 г.

Среди множества воспоминаний, посвященных периоду конца XVIII – начала XIX в., одной из самых популярных тем был поход Наполеона в Россию в 1812 г. Уникальность кампании и ее влияние на судьбу Первой империи и лично Наполеона побуждали к написанию многочисленных сочинений об этой войне, кратких и пространных. К мемуарам вполне можно отнести и заявленные авторами в качестве исторических исследований работы Ф.П. Сегюра и А. де Коленкура. Популярность русского похода порождала и подложные сочинения, каковыми, например, являются «Мемуары сержанта Р. Гийемара» [9], написанные на самом деле Ш.О. Барбару и А. Лардье, не бывавшими в России 1812 г. [10]. Популярность этих сочинений была велика: многие из них переводились на другие европейские языки и неоднократно переиздавались. Для большинства жителей Франции именно мемуары стали самым доступным, после бюллетеней Великой армии, источником знаний не только о кампании 1812 г., но и о России вообще.

* * *

Подготовка к войне против России была длительной и включала в себя сбор всей доступной информации о ее западных и центральных губерниях [11]. Среди несомненных удач французской разведки нужно назвать операцию по добыче столистовой карты Российской империи, которой пользовались потом в ходе войны [12]. Накануне войны было опубликовано несколько атласов Российской империи, заметки о которых можно найти во французских газетах. Однако представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными и во многом основывались на стереотипах восприятия, берущих начало из предыдущих эпох. Так, Бургонь утверждал, что среди солдат циркулировали слухи о том, что армия якобы будет вынуждена отправиться в Монголию и Китай, чтобы захватить там владения Великобритании и укрепить тем самым Континентальную блокаду [13]. Едва ли эти солдаты представляли себе продолжительность такой экспедиции, не говоря уже о том, что в начале XIX в. в Китае и тем более Монголии не было владений британской короны.

Представители старшего офицерства были более информированы. Майор гвардейской артиллерии Булар, видимо, рассмотрев реальную карту Европейской России, с интересом обнаружил накануне Бородинского сражения, что находится в наиболее возвышенном регионе России, «среди притоков и недалеко от истока Волги, этой великой реки, которая пересекает Европейскую Россию и уже в Азии впадает в Каспийское море, и что истоки Борисфена, впадающего в Черное море, и истоки Двины, впа-

дающей в Ботнический залив, также находятся недалеко» [14]. Надо заметить, что истоки всех трех рек действительно находятся относительно недалеко друг от друга на Валдайской возвышенности. Удаленность по прямой Бородинского поля от истока Волги составляет менее 300 километров, до истока Днепра отсюда около 150 километров, а до истока Западной Двины – также менее 300 километров. Если сравнить эти расстояния с удаленностью от Франции, а такие сравнения вольно или невольно делали все участники кампании, то действительно расстояние могло показаться им незначительными. Посредством таких описаний участники похода пытались показать, насколько далеко они зашли в глубь России, оказавшись в ее географическом центре, и таким образом дополнительно подчеркнуть значимость успехов французов в этой войне.

Координаты ментальной географии французов той эпохи связывали Россию с Севером и Востоком одновременно, что уже характеризовало ее цивилизационные особенности. По мнению де Ла Флиза, Смоленск близок к Северному полюсу [15], а Бургонь утверждал, что во время его скитаний под Березиной ему дорогу ночью освещало северное сияние, которое часто можно видеть в здешних краях [16]. Близость к северу подтверждалась, безусловно, и холодами, от которых Великая армия сильно страдала на втором этапе кампании.

Но Россия была для французов страной не только северной, но и восточной, азиатской. Границы между Европой и Азией авторы проводили поразному. Так, Ц. Ложье вообразил себя на границе Азии, как только увидел Москву с одного из холмов [17]. Бургонь утверждал, что когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, то сразу оказалась в Азии [18]. Сегюр полагал, что Азия находилась в другом направлении от Москвы, по дороге на Владимир [19]. Адъютант Императора был гораздо более точен в своих представлениях. Действительно, именно по владимирскому тракту все путешественники выезжали из Москвы, чтобы попасть в азиатские провинции Империи, однако поскольку автор не указал расстояние до них, у читателей могло сложиться впечатление, что Владимир расположен близко к границе этого региона. Далее в своем сочинении Сегюр упоминал, что азиатская часть России преобладает над европейской [20]. Если сравнивать только площадь азиатских и европейских губерний, то автор, безусловно, прав, но поскольку никаких критериев для сравнения указано не было, у читателя опять же оставалась возможность для любых фантазий и размышлений. В описании российских городов также можно найти множество характеристик, которые помещали их в контекст Востока и способствовали формированию образа страны. Особенно много подобных характеристик у Сегюра: «В Гжатске, как и в Смоленске, и в Вязьме,

отчасти случайно, отчасти по татарскому обычаю, базар (bazar) расположен в азиатской части города» [21]. Таким образом, в одном предложении автор трижды напомнил читателю о восточных чертах страны, в которой очутился, упомянув базар, татарские обычаи, которые, видимо, сильны во всех русских городах, и разделив русские города на азиатскую и, видимо, европейскую части. По какому принципу происходило это деление, Сегюр не объяснял, что снова оставляло простор для фантазии читателя.

Москва служила мемуаристам наилучшей иллюстрацией переплетения азиатских и европейских черт в российском обществе, поскольку в большом количестве обладала и теми, и другими. Награбленные в Москве богатства: кашемировые шали, прекрасные сибирские меха и другие товары, которые назывались индийскими, китайскими и т.д., напоминали читателю о близости к Москве восточных стран. О тесных связях с Востоком должно было свидетельствовать и наличие в Москве китайского города (la ville chinoise), именно здесь, по словам Булара, можно было найти китайские товары [22]. Бургонь утверждал, что видел нескольких китайцев на улицах сгоревшей Москвы [23]. Как он определил национальную принадлежность этих людей, автор не уточнял.

Неизгладимое впечатление произвела на участников похода архитектура Москвы. В мемуарах можно найти множество описаний московских церквей и дворцов. Будущий маршал Кастеллан отмечал, что у каждой греческой церкви, которых много сохранилось после пожара, поскольку они были построены из кирпича, было пять или шесть колоколен с золочеными или покрашенными в зеленый цвет куполами [24]. Сегюр полагал, что в Москве имелось 295 церквей, золоченые купола которых производили огромное впечатление на путешественника, 1500 дворцов с садами, а также большой базар, где продавались товары со всего света [25]. Обилие дворцов в Москве отмечал и Куанье, полагавший, что они занимали половину территории города [26]. Зрелище тысячи московских куполов и колоколен, отражавших лучи ярко блиставшего солнца, позволяло де Ла Флизу вообразить себя в Азии [27].

Не забыли авторы мемуаров упомянуть и Московский Кремль, служивший резиденцией французского императора во время его пребывания в городе. Однако посещение этой «цитадели царей» вызывало у участников похода разную реакцию. Так, майор Булар, когда его часть приблизилась к одним из ворот Кремля, лишь бросил взгляд на этот по внешнему виду древний и мрачный въезд, а более поздний поход в один из дворцов Кремля запомнился ему не столько красотой архитектуры, сколько теми сувенирами, которые он там раздобыл [28]. Подобные воспоминания характерны для мемуаров военных, в которых очень часто ценность того или иного го-

рода определялась количеством найденного там продовольствия, фуража, боеприпасов и богатств, которые можно было увезти с собой; гораздо реже солдаты и офицеры описывали какие-то историко-культурные достопримечательности [29]. В то же время Сегюр придавал гораздо большее значение приходу французов в Кремль. По его словам, и сам Наполеон, «увидев дворец Романовых и Рюриковичей, носящий одновременно готические и современные черты, трон, все еще возвышающийся на своем месте, крест Ивана Великого, лучшую часть города, над которой Кремль доминирует и которую даже пламя, еще бушевавшее на базаре, пощадило», вновь начал надеяться на заключение мира [30]. Упоминание такого количества важных для России исторических имен и атрибутов царской власти должно было свидетельствовать о значимости победы французов.

Описания населения, приводимые в мемуарах, также свидетельствовали о близости страны к Востоку. Бургонь рассказывал, что в Москве на содержании их части находилось несколько местных женщин, которые в воображении автора превратились в китаянок, монголок и индианок, которым французские гвардейцы поклялись в верности перед уходом из российской столицы [31]. В какой-то момент для них в Москве был устроен бал, в ходе которого их переодевали во французских дворянок, что, видимо, доставило большое удовольствие публике [32]. Поскольку для этих новоиспеченных дворянок не смогли найти помады и пудры, пришлось использовать жир и муку, что только подчеркнуло искусственность и карнавальный характер всего происходящего. Когда гвардейцы покидали Москву, они оставили своих московитских красавиц, отдав им также ту часть добычи, которую не могли увезти с собой, что сделало их, по его словам, богатыми, как никогда прежде [33]. Это типичная история романтических похождений европейца в России. Подобные приключения, в которых обязательно фигурировало переодевание во француженок, обучение языку и манерам европейцев и оставление в лучшем положении, чем они были до этой встречи, должны были лишний раз подчеркнуть благотворность влияния европейской цивилизации на Россию в целом [34].

Все эти специфические впечатления, произведенные «восточным» обликом Москвы, необычностью ее архитектуры, а также московским пожаром, создали особое отношение участников похода к этому городу. Многие мемуаристы уже побывали в составе наполеоновских войск в самых разных городах и странах, но Москва заняла среди них совершенно особое место. «Многие столицы, которые я видел, такие как Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня заурядное впечатление, – писал сержант Бургонь, – но здесь (в Москве. – ***Н. П.***) все было иначе, здесь я, как и все другие, ощущал что-то магическое». В ожидании

вступления в Москву французы, по словам Бургоня, забыли об усталости, бедах и лишениях и могли думать только об удовольствии попасть в этот город [35]. Такой положительный настрой перед вступлением в российскую столицу был в первую очередь связан с ожиданием скорого мира, но поскольку мемуары писались много лет спустя после завершения кампании, этот нюанс авторы могли и опустить в своих сочинениях, из-за чего у читателя складывалось представление, что забыть об усталости позволяло именно магическое впечатление, порожденное одним именем города.

Правда, несколькими страницами позже Бургонь сам поставил под сомнение богатство Москвы. Он утверждал, что в Кремле нашли совсем не так много сокровищ, как ожидали. В одном из храмов вместо богатств нашли только каменные могилы с серебряными табличками [36]. Такие утверждения доказывали показной характер российского богатства и еще раз подтверждали приверженность русских к внешним атрибутам и подражательству, что, в свою очередь, должно было свидетельствовать о невысоком уровне развития российской цивилизации. В рамках ментальной географии Россия делилась на несколько регионов, имевших свою, в том числе цивилизационную, специфику. Так, западные губернии Империи определялись как Русская Польша или Литва. Этот регион простирался от западных границ Российской империи до границ бывшей Речи Посполитой. Роосу Литва показалась лучше устроенной и организованной по сравнению с Герцогством Варшавским: «Наше составленное заранее мнение о России и наше малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись, как только мы заметили, что на другом берегу реки (Немана. — ***Н. П.***) все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до сих пор в Польше» [37]. В то время как Ла Флиз, вспоминая о песчаных дорогах в окрестностях Вильно, утверждал, что, по словам солдат, видевших пирамиды, она очень напоминала египетские пустыни [38]. Большую разницу между старой Россией и Литвой отмечал и фон Иелин, хотя в чем именно состояла эта разница, он не пояснил [39].

Специфическим регионом Российской империи, являвшимся одновременно и полюсом холода, и полюсом страха как для собственных жителей, так и для иностранцев была Сибирь. Во многих сочинениях XVIII в. содержались сведения об этой малоизвестной и «страшной» территории. В ходе кампании 1812 г. не только сама французская армия не дошла до Сибири, но и пленные солдаты Великой армии не бывали здесь, однако многие участники похода хорошо знали о ней, по крайней мере, сержант Бургонь во время своего недолгого плена высказывал опасения, что их могут отправить в Сибирь, и в первую же ночь после того, как это было сказано, он сбежал [40]. Сибирь была не только символом холода, но еще

и местом ссылки, и именно в таком качестве о ней вспоминал Коленкур. По его словам, после того как Великая армия вошла на территорию России, «страх кнута и Сибири», распространенный среди местных жителей, не позволял французам добывать сведения о русской армии [41].

* * *

Наполеон еще в последних бюллетенях, выпущенных в России, объявил российский климат одним из главных победителей Великой армии. Позднее в сочинениях, продиктованных им в ссылке, он еще раз повторил и развил данный тезис. Мемуаристы в большинстве своем не противоречили, а наоборот только поддерживали эту легенду. До начала кампании участники похода не имели недостатка в информации о климатических особенностях будущего театра военных действий. Во многих сочинениях о России, вышедших в XVII–XVIII вв., европейские путешественники, писатели и мыслители сообщали, что зимы здесь холоднее, чем в большинстве европейских стран. Немало внимания особенностям российской погоды уделяла и французская пресса. Основываясь на всей этой информации, а также опыте кампании 1806–1807 гг., солдаты наполеоновских войск примерно догадывались, что в России они могут столкнуться с сильными холодами, которые к тому же нередко начинаются раньше, чем в других странах, где им доводилось воевать. Поэтому во время пребывания в Москве участники похода искали или покупали теплые вещи, торговля которыми активно шла в городе. Однако эти знания не помогли французским солдатам, и во время похода 1812 г. они страдали от холода, а счет замерзших насмерть велся на тысячи.

Если верить мемуарам, то несмотря на все предыдущие знания о России французы оказались совершенно не готовы к реалиям российского климата. При этом важно отметить, что некоторые авторы, развивая «климатическую» теорию поражения Великой армии, заявляли, что и лето в России оказалось для них очень тяжелым. Так, майор Булар утверждал, что никогда не страдал от жары так, как в России [42]. От жары под Вязьмой 29 августа страдал и офицер итальянской гвардии Цезарь де Ложье [43].

Сегюр более всех, наверное, развивал в своих мемуарах идею о том, что климат стал главным победителем Великой армии в России. Согласно его сочинению, с самого начала похода французам приходилось бороться с природой, а не с людьми. При переходе через Неман завоевателям не пытались противостоять. На том берегу были только лес и один казак, наблюдавший за саперами, наводившими мост, однако начавшаяся затем гроза символизировала те силы, с которыми французы будут бороться в России [44]. Рассказ о грозе подтверждал и Булар [45], в то время как Бургонь, со своей стороны, отмечал, что никакой грозы не было, и погода стояла прекрас-

ная [46]. Такой спор вокруг, казалось бы, не самого значительного сюжета происходил по двум причинам. Во-первых, как уже говорилось, сочинение Сегюра имело огромное влияние на всю последующую мемуаристику и историографию войны 1812 г., а потому из его сочинения черпали сведения обо всех, даже самых незначительных событиях и одновременно пытались с ним спорить, чтобы привлечь дополнительное внимание к собственному произведению. Во-вторых, «климатическая» теория была настолько популярна, что многие авторы никак не могли обойти вниманием любое природное явление, имевшее место в России в 1812 г. или на страницах других сочинений по истории похода.

Чтобы читатель не сильно удивлялся тому, что, по мнению Сегюра, климат в России то слишком жаркий, то слишком холодный, автор четко обозначил свою позицию. «Таков уж здесь климат! Он состоит из крайностей. Небо либо все иссушает, либо все сжигает или замораживает эту землю со всеми ее жителями, которых оно как будто должно защищать. Коварная жара ослабляла нас и делала более восприимчивыми к холоду, который должен был вскоре дать себя почувствовать» [47].

И даже нездоровье Императора во время Бородинской битвы, ставшее причиной его вялости и «приведшее к тому», что битва оказалась напрасной и не решила исход кампании, также, по мнению Сегюра, было следствием климата, который с самого начала похода отрицательно влиял на самочувствие Наполеона. «Русская осень взяла над ним (Наполеоном. – ***Н.П.***) верх. Преждевременная суровость погоды явилась удивительно кстати для русских. Шестого сентября, накануне великой битвы, ураган возвестил о приближении осени. Наполеон охвачен был леденящим холодом. Уже в ночь все заметили, что его снедает лихорадка, угнетая его дух, и она изматывала его во время битвы. Болезнь сковывала его движения и его гений на протяжении пяти следующих дней, что спасло Кутузова от полного разгрома» [48]. Но главные беды от климата были еще впереди. С началом отступления и особенно после того, как армия вернулась на Старую смоленскую дорогу, тогда-то, по мнению Сегюра, и начались наиболее тяжкие испытания.

Наполеон в бюллетенях Великой армии утверждал, что зима в России в 1812 г. началась в ночь с 6 на 7 ноября. Сегюр в красках развил это утверждение, рассказав, что принц Евгений должен был 7 ноября отбиваться от атак Платова при двадцатиградусных морозах, а молодой полковник Фезансак «сумел вдохнуть жизнь в своих застывших от холода солдат, которые в ярости бросились на неприятеля, на снежные сугробы, на ледяной северный ураган! Нею даже пришлось умерить их пыл!» [49]. Таким образом, у солдат Богарне оказался только один очеловеченный враг, а два других являлись порождением стихии.

Некоторые авторы не пытались запугивать читателя упоминаниями запредельных температур, хотя о влиянии морозов на состояние армии писали все, и в своих описаниях в целом придерживались хронологии бюллетеней. Так, майор Булар подтверждал, что когда армия подходила к Смоленску, погода сделалась холоднее, но не привел на сей счет никаких подробностей. Сильные морозы, по его мнению, настигли армию только в начале декабря между Молодечно и Сморгонью, когда температура опустилась до 26–28 градусов [50]. Мемуарист Р. Вьейо утверждал, что русский помещик, в поместье которого его часть остановилась на ночлег в первых числах ноября, предупреждал его, что климат будет важным союзником русской армии в разгроме французов [51].

Были и те, кто все же не пытался обвинить во всех бедах Великой армии российский климат и утверждал даже, что при должной подготовке к холодам можно было избежать многих несчастий, тем более, если бы Император решился выйти из Москвы пораньше. Эти авторы, в отличие от Сегюра, Бургоня и других, возлагали определенную ответственность за произошедшую трагедию на окружение Императора и косвенно на него самого. Например, Коленкур писал, что в сентябре-октябре погода была чрезвычайно теплой для данной местности, о чем говорили даже местные жители [52]. По его данным, холода наступали постепенно и дали себя почувствовать только со второй половины октября. По утверждению Кастеллана, еще третьего ноября «днем было по-летнему жарко, а ночью – холодно» [53]. Достаточно четко выразил главную причину большого числа жертв в Великой армии от морозов де Ла Флиз: «Природа всех жителей Европы одна и та же. Главная причина гибели Великой армии не морозы, а отсутствие теплой одежды и сытного питания, что в условиях холодов совершено недопустимо» [54].

Таким образом, мемуаристы в целом не опровергали первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России, но одни сводили все к непреодолимой силе стихии, с которой неизвестно как бороться, другие подчеркивали, что холодная зима не должна была стать сюрпризом для французов, и большие потери от обморожения стали скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти более холоднокровные критики косвенно выдвигали обвинение в поражении против командования самих французов.

Наполеон в своих письмах, приказах и устных беседах с приближенными постоянно подчеркивал, что он ведет против России обычную политическую войну, которая ничем не отличается от множества других, которые он вел ранее. Придерживаться такой точки зрения Императору французов было необходимо, чтобы в любой момент иметь возможность

открыть переговоры о мире. Однако весь комплекс необычных переживаний участников похода, которые имели место в России, свидетельствовал как раз о чрезвычайном характере всей кампании. Многие мемуаристы придавали войне с Россией эпический характер очередного столкновения между варварством и цивилизацией.

Наполеон ранее часто пытался возвеличить значение собственных побед, придавая им окраску античных подвигов. Так, Итальянскую кампанию 1796–1797 гг. он, по словам Ж. Тюлара, смог преподнести как Илиаду благодаря парижской прессе и лубочным картинкам [55]. Сравнения с героическими деяниями древности можно найти на страницах многих мемуаров о кампании 1812 г. Так, Сегюр в третьей главе своего сочинения предсказывал, что в случае успеха русского похода, «если бы не нашлось нового Гомера для этого короля королей, то все же голос девятнадцатого века, ставшего великим веком, заменил бы этого певца, и возглас изумления, проникнув в будущее, разнесся бы из поколения в поколение, до самого отдаленного потомства» [56]. То есть, по мысли Сегюра, в случае успеха поход против России должен был затмить своей славой Троянскую войну.

Топонимика, которую использовали мемуаристы, также свидетельствовала о ментальной связи этого похода с величайшими деяниями Древней истории. Днепр мемуаристы очень часто называли в воспоминаниях Борисфеном, помещая, таким образом, все происходившее на его берегах в контекст античной истории. Этот топоним можно найти у Кастеллана [57], Бургоня [58], Раппа [59], и многих других. Использование древнего названия реки было вызвано отчасти тем, что оно было более известно читателям XIX в., чем современное, ибо история и литература Древнего Рима и Древней Греции являлись обязательными составляющими образования во Франции XVIII–XIX вв. Однако в картах и атласах, изданных во Франции накануне похода, использовалось название Днепр. Коленкур и Куанье также совершенно свободно оперировали современным названием, не опасаясь быть непонятыми читателями. В картах, которые были включены военным ведомством в статистические справки по российским губерниям, подготовленным накануне войны, также используется название Днепр [60].

Сегюр в своем сочинении прямо выразил те ассоциации, которые могли зародиться в голове у читателей при упоминании античного названия реки: «Удаленность этой реки от нашей родины, а также ее древнее (античное) название возбуждало наше любопытство. Впервые воды этой московитской реки видели нашу победоносную французскую армию. Римляне знали ее только по своим поражениям, по этим же волнам дикари Севера, дети Одина и Рюрика, плыли, чтобы ограбить Константинополь. Мы с нетерпением ожидали ее увидеть, но встретили только узкую и сжатую хол-

мами реку с лесистыми берегами» [61]. Таким образом, мемуарист подчеркивал превосходство современных «римлян» – французов – над древними, которые якобы терпели здесь поражения. И одновременно он подчеркивал, что здешние края во все времена были связаны с варварством, которое на поверку оказалось не столь уж впечатляющим.

Без сомнения, московский пожар произвел на участников похода большое впечатление, вызвав у них в памяти образы пожаров древности, про которые они ранее читали в исторических сочинениях. В частных письмах из России Москву сравнивали с Карфагеном и Троей [62], Булар в мемуарах поставил московский пожар в один ряд с сожжением Трои греками и Рима – Нероном [63]. Сегюр назвал Москву современными египетскими Фивами [64]. Такое сравнение неслучайно, ибо судьбы русского и египетского городов чем-то схожи. Фивы долго были столицей Древнего Египта, и даже после того как административный центр переехал на север, сохраняли свое значение как культурный и религиозный центр до тех пор, пока фараон Рамзес IX Сотер не разорил город. Таким образом, египетская столица тоже была разгромлена собственным правителем. Вполне возможно, что на трактовки московских событий многими мемуаристами повлияло мнение Императора французов. В знаменитом «Мемориале» Лас Каза утверждалось, что, по мнению Наполеона, московский пожар превзошел своим масштабом все пожары древности: «Никогда все изображенные в поэзии выдумки о пожаре Трои не смогут сравниться с реальностью того, что было в Москве. Город был деревянным, и его хотели разрушить. Все помпы исчезли. Это буквально был океан огня» [65].

Русскую кампанию Наполеона 1812 г. ее участники сравнивали не только с походами римлян и Александра Македонского, но и с деяниями крестоносцев. Так, Цезарь Ложье для описания первого впечатления о Москве воспользовался строками Т. Тассо, сравнив таким образом армию французов с крестоносцами, а захваченную ими Москву – с Иерусалимом [66]. Схожее сравнение находим у Сегюра, который, правда, вспоминал не о том походе, который привел европейских рыцарей в Святую землю, а о тех, в которых участвовал французский король Людовик IX: «Экспедиция Наполеона в Россию имела печальное сходство с подобными экспедициями Святого Людовика в Египет и Африку. Все эти вторжения, из которых одни были предприняты в интересах неба, а другие – с земными целями, закончились похожим образом. И эти две катастрофы показали миру, что большие и глубокие политические расчеты просвещенного века могут иметь тот же результат, что и необузданный порыв религиозных чувств суеверной и невежественной эпохи» [67].

Правда, и действия русских в этой кампании также сравнивались с крестовым походом, и в таком случае уже солдаты Великой армии становились варварами. Коленкур писал, что русское духовенство развернуло против вторгнувшегося противника настоящий крестовый поход, чтобы представить французов «в глазах этого суеверного народа варварами, которые пришли, чтобы низвергнуть их алтари, захватить их добро, их женщин и детей и обратить их в рабство» [68]. Правда, в данном случае мемуарист использовал термин «крестовый поход» только как лексическую метафору, а не прямое сравнение с войнами европейцев против мусульман XI–XIII вв.

Животный мир России, представленный в мемуарах, также относил страну к миру варварства. Многие мемуаристы упоминали про медведей, которые, судя по их словам, водились там в большом количестве. Бургонь упоминал, как во время отступления под Смоленском солдаты его части поймали и тут же съели белого медведя (un ours blanc) [69]. В том же сочинении находим упоминание о стычке с волками, напавшими на барак, где отдыхал автор со своим другом Пикаром. Однако последний, взяв в одну руку саблю, в другую – еловый факел, быстро прогнал нападавших [70], показав, таким образом, еще раз, что дикость можно победить с помощью храбрости и ума. Еще один пример, свидетельствовавший о дикости и неизведанности страны, в которой оказалась Великая армия, находим у фон Иелина, утверждавшего, что, находясь в качестве пленника в Дмитрове, он видел там козла с семью рогами [71]. В эпическом походе и жертвы тоже должны быть соответствующими. По утверждению Сегюра, только при переходе через Неман, в самом начале похода, Великая армия потеряла 10 000 лошадей, огромное количество повозок перевернулось в песках и многие животные потом умерли [72]. Коленкур также писал, что в первые дни армия потеряла 10 000 лошадей [73]. Эта цифра, встречающаяся, в частности, и в воспоминаниях капитана Куанье [74], в принципе может быть близка к реальности, поскольку границу переходило несколько сот тысяч кавалерийских, артиллерийских и обозных лошадей, и соответственно указанные цифры потерь составили бы несколько процентов от общего числа, что при недостатке фуража, который был заметен с первых же дней, вполне возможно. Однако надо заметить, что Сегюр упомянул какие-то цифры потерь конского состава только при описании перехода через Неман. Также и Коленкур в дальнейшем не приводил данных о потерях в лошадях.

Информация Бургоня о потерях Великой армии от морозов выглядит гораздо менее правдоподобной. Мемуарист утверждал, что в одну из ночей недалеко от Смоленска, когда температура достигла 27 градусов мороза, в разных корпусах армии замерзло насмерть более 10 000 солдат [75]. Получалось,

что одна морозная ночь стоила французам больших потерь, чем большинство сражений этой кампании (по утверждению Бургоня, французы потеряли в Бородинском сражении 17 тыс. убитыми и ранеными [76], а под Малоярославцем – 3 тыс. убитыми [77]). И это при том, что в Смоленске в Великой армии насчитывалось от 40 000 до 50 000 строевых солдат и еще не менее 20 000 некомбатантов. Если признать сведения Бургоня верными, то получится, что французы за одну ночь потеряли более десяти процентов всех солдат. И опять же упоминание о подобных жертвах встречается один раз, как будто в последующие ночи солдаты перестали замерзать на бивуаках. Такие заявления, независимо от того, насколько они соответствовали действительности, косвенно подтверждали точку зрения о том, что в России наполеоновским солдатам пришлось противостоять не столько противнику, сколько стихиям.

Территория, на которую вторглись солдаты Наполеона, традиционно считалась и называлась многими европейскими авторами цивилизационно отсталой. По мнению Сегюра, эта отсталость делала раненых русских солдат даже менее чувствительными к боли, чем французских: «Они действительно страдали меньше, были менее чувствительны, как в физическом, так и в духовном отношении, – явная зависимость от менее развитой цивилизации и от организма, закаленного суровым климатом» [78]. Врач Роос утверждал, что во время отступления Наполеон издал приказ убивать русских пленных, которые больше не могли идти самостоятельно, после чего эскортировавшие их баденские солдаты стали подговаривать русских пленных бежать и даже посылали их ночью в лес за водой, но те всегда возвращались, так как были слишком нерешительны и боязливы, чтобы бежать [79]. Иными словами, «цивилизационная отсталость», с одной стороны, помогала переносить трудности похода, а с другой – лишала русских солдат собственной воли. В своих воспоминаниях Сегюр представил всю войну 1812 г. как межцивилизационный конфликт. «На какую высоту ни вознес бы Император Наполеон свой трон на западе и юге Европы, он все же видел перед собой северный трон Александра, всегда готовый властвовать над ним, благодаря своему вечно угрожающему положению. На этих обледенелых вершинах, откуда обрушивались на Европу в былые времена столько варварских нашествий, Наполеон замечал образование признаков нового вторжения» [80]. Важно отметить, что географическая привязка русского варварства – это все же скорее Север, тогда как на Востоке существовала другая варварская империя – Турция, которая буквально накануне начала кампании, вопреки собственным интересам, как их понимали французы, заключила с Россией мир, чем дополнительно усилила противника Франции. Таким образом, варварский мир объединился в своих усилиях

для противостояния цивилизации, только на этот раз от имени цивилизации выступал один человек – Наполеон.

Впрочем, Сегюр признавал, что император французов сам ослабил защиту Европы как «центра цивилизации», разгромив Австрию и Пруссию (так, видимо, мемуарист представлял себе новый вариант «восточного барьера») и заставив их против воли присоединиться к Великой армии. Но отличия между противниками в этой войне лежали не только в области культуры, Сегюр не забыл добавить, что это также была борьба бедных против богатых [81]. В конце повествования Сегюр снова вернулся к теме борьбы Севера и Юга, создав некоторую цельность композиции: «Итак, звезда Севера одолела звезду Наполеона. Неужели это судьба Юга быть побежденным Севером? ...И ужасный результат нашего вторжения не является ли тому новым подтверждением?» Далее он упомянул римлян и Карла Великого, которые также не смогли завоевать Север, но лишь остановили поток вторжения. Но когда в нынешнюю эпоху на Севере овладели современными методами ведения войны, русские войска сразу оказались на Эльбе и в Италии, и в скором времени, предсказывал Сегюр, они могут там закрепиться: «В предыдущем веке Европа, то ли из человеколюбия, то ли из тщеславия старалась цивилизовать этих людей Севера, которых Петр уже сделал грозными воинами. Надеясь таким образом ослабить угрозу для Европы впасть в новое варварство, если падение во тьму Средних веков действительно возможно» [82]. В этих строках можно обнаружить влияние подложного «Завещания Петра Великого», в котором содержались примерно схожие угрозы населению Европы, что еще раз демонстрирует влиятельность и успешность наполеоновской пропаганды в деле формирования исторической памяти.

* * *

Историк Л. Вульф в известной книге утверждал, что эпоха Просвещения породила концепцию специфического региона «Восточная Европа», в которой отразился процесс перехода основного источника варварства и опасности для Европы с Севера на Восток [83]. Однако окончательно этот переход состоялся только в XIX в., особенно применительно к России. И в мемуарах о походе Наполеона в 1812 г., наряду с характеристиками, относящими страну, в которую вторглись французы и их союзники, к разряду восточных, еще довольно много упоминаний о принадлежности России к Северу.

Несмотря на значительное количество материалов о России, ее географии, климате и общественном устройстве, она предстает на страницах мемуаров о походе 1812 г. страной во многом мифологизированной. Война

против нее становится эпическим событием, которое по своему значению нужно сравнивать, как утверждали мемуаристы, с Троянской войной, завоеваниями древних римлян и крестовыми походами. Цивилизованные французы вынуждены сражаться здесь не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (сперва жарой, потом морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также огромными и пустынными пространствами. Дикость и варварство русских также становятся одной из стихий, с которыми необходимо бороться солдатам Великой армии.

Тезис о том, что русская зима стала главной причиной поражения Великой армии в России, надолго закрепился в общественном мнении Франции и всей Европы. Образ замерзающего в снегах России солдата будоражил воображение немцев в 1941 г., из-за чего нацистская пропаганда вынуждена была предпринимать большие усилия, чтобы объяснить разницу между армиями Наполеона и Гитлера и таким образом успокоить солдат вермахта и их родственников в Германии [84].

По утверждению А.Г. Тартаковского, 29-й бюллетень Великой армии произвел огромное впечатление на всю Европу самим фактом признания поражения Наполеона в России, и потому объяснение причин этого поражения было уже не столь значимо. Под влиянием признания собственного поражения версия Наполеона о происшедшем была принята за истину, тем более что он в дальнейшем устно и письменно неоднократно повторял ее [85]. Однако надо заметить, что версия эта легла на хорошо подготовленную почву. Наполеоновская пропаганда постоянно подводила читателей к мысли, что Великой армии в России противостоят в первую очередь стихии, с которыми до поры французы под управлением Императора успешно справлялись, но, в конце концов, природа все же победила человека. Схожие оценки событий можно найти и в частной переписке, которая была важным источником информации о войне для широких слоев общественного мнения во Франции и всей Европе. Такая трактовка событий российской кампании 1812 г., многократно повторенная во множестве мемуаров, выходивших в свет на протяжении XIX в., поддержала миф о непобедимости Наполеона, поскольку считалось, что все сражения кампании он выиграл. Поскольку главным победителем французов в этой войне называли кого угодно (климат, пространство, плохую организацию тыловой службы), но не другую нацию (русских), события похода стали дополнительным и очень важным подтверждением величия нации французской.

Литература и источники

1. Dwyer Ph.G. Public remembering, private reminiscing: French military memoirs and the Revolutionary and Napoleonic wars // French historical studies. Vol. 33. 2010. № 2. P. 231.

2. Nora P. Les mémoires d'Etat: de Commynes à de Gaulle // Les lieux de mémoire. 3 vols. P., 1984–1986. Vol. 2. P. 356–359.

3. Dwyer Ph. G. Op. cit. P. 235.

4. Ibid. P. 237.

5. Bertaud J. P. La vie quotidienne des soldats de la Révolution, 1789–1799. P., 1985.

6. Dwyer Ph. G. Op. cit. P. 239.

7. Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing... P. 248.

8. См. например, «спор» с Сегюром немецкого мемуариста Х.Ф. фон Иелина о ткацком станке в избе под Малоярославцем. См.: Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 160–161.

9. Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inedits, de 1805 à 1823. P., 1826. T. 1–2.

10. Подробнее о «Мемуарах Гийемара» см.: Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 116–125.

11. Статистические данные о российских губерниях от западной границы до Москвы, Тулы и Калуги находятся в настоящее время в военном архиве в Венсенне в Париже: SHD DAT 1 M 1488, 1489.

12. Безотосный В.М. Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 192.

13. Bourgogne A.J. B. Mémoires du sergent Bourgogne, 1812–1813. P., 1910. P. 58.

14. Boulart J.F. Mémoires millitaires. P., 1892. P . 253.

15. Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 24.

16. Bourgogne A.J. B. Op. cit. P. 137.

17. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. С. 101.

18. Bourgogne A.J. B. Op. cit. P. 56.

19. Segur Ph.P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 2. P. 31.

20. Ibid. T. 1. P. 136.

21. Segur Ph.P. Op. cit. T. 1. P. 258.

22. Boulart J.F. Op. cit. P. 263.

23. Bourgogne A.J. B. Op. cit. P. 29.

24. Castellane, Boniface de. Journal du marechal de Castellane, 1804–1862. T. 1: 1804–1823. P., 1895. P. 158.

25. Segur Ph. P. Op. cit. T. 2. P. 5–6.

26. Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. P., 1883. P . 327.

27. Ла Флиз де. Указ. соч. С. 38.

28. Boulart J.F. Op. cit. P. 260, 262.

29. Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011.

30. Segur Ph. P. Op. cit. T. 2. P. 32.

31. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 55.

32. Ibid. P. 50.

33. Ibid. P. 54.

34. Подробнее об этом см.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Гл. 2. Обладая Восточной Европой: Сексуальность, рабство и телесные наказания. С. 98–148.

35. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 13.

36. Ibid. P . 47.

37. Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии. М., 2003. С. 20.

38. Ла Флиз де. Указ. соч. С. 54.

39. Иелин Х.Ф. фон. Указ. соч. С . 192.

40. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 300.

41. Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. P., 1933. T. 1. P. 412.

42. Boulart J. F. Op. cit. P. 251.

43. Ложье Ц. Указ. соч. С. 97.

44. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 109–110.

45. Boulart J. F. Op. cit. P. 242.

46. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 2.

47. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 164.

48. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 305.

49. Segur Ph. P. Op. cit. T. 2. P. 142.

50. Boulart J. F. Op. cit. P. 277.

51. Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendent les années, 1812–1813–1814. Luneray, 1996. P. 104.

52. Caulaincourt A. Op. cit. T. 2. P. 42 и 54.

53. Castellane, Boniface de. Op. cit. T. 1. P. 180.

54. Ла Флиз де. Указ. соч. С. 60.

55. Тюлар Ж. Наполеон или миф о «спасителе». М., 1997. С. 32.

56. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 21.

57. Castellane, Boniface de. Op. cit. T. 1. P. 183.

58. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 86.

59. Rapp, J. Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille. 1823. P. 212.

60. См., например: Statistique des Gouvernemens de Vitebsk et de Mohilev. SHD DAT 1 M 1489.

61. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 184.

62. Letters interceptées par les Russe durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913. P. 114.

63. Boulart J. F. Op. cit. P. 259.

64. Segur Ph. P. Op. cit. T. 2. P. 29.

65. Las Cases A.E.D.M. Mémorial de St.-Hélêne. P., 1842. T. 2. P. 143.

66. Ложье Ц. Указ. соч. С. 100.

67. Segur Ph.P. Op. cit. T. 1. P. 58.

68. Caulaincourt A. Op. cit. T. 2. P. 81.
69. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 66–67.
70. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 191.
71. Иелин Х.Ф. фон. Указ. соч. С. 194.
72. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 110.
73. Caulaincourt A. Op. cit. T. 1. P. 349.
74. Les cahiers du capitaine Coignet. P. 296.
75. Bourgogne A. J. B. Op. cit. P. 82.
76. Ibid. P. 8.
77. Ibid. P. 59.
78. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 302.
79. Роос Г. У. Указ. соч. С. 89.
80. Segur Ph. P. Op. cit. T. 1. P. 48.
81. Ibid. P. 82
82. Ibid. T. 2. P. 330–331.
83. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
84. Подробнее об этом см.: Дацишина М.В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149–156.
85. Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 188.

С.Н. Хомченко*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812–1814 ГОДАХ

Основными источниками по данной теме являются материалы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), Российского государственного исторического архива (РГИА), а также мемуары самих военнопленных, проживавших в Нижегородской губернии и проходивших через нее в указанный период. В фондах Центрального архива Нижегородской области имеется 21 дело, содержащее в себе информацию по указанной теме. Из них 17 дел общим объемом около 800 листов касается непосредственно пленных. Это двусторонняя административная переписка губернатора на трех уровнях (со столицей, другими губернаторами и местными уездными властями), рапорты препровождающих партии военнопленных офицеров и чиновников, списки приходящих и находящихся в губернии пленных, их прошения и другие сведения, дающие ценный материал об этой странице истории Отечественной войны 1812 г.

Материалы Российского государственного исторического архива, касающиеся Нижегородской губернии, менее значительны, но все же в четырех делах можно встретить нужные данные, которые содержатся в донесениях губернских властей по запросам из Санкт-Петербурга.

Мемуарная информация по плену достаточно разнообразна и находится в диапазоне от упоминания о проходе через губернию до описания городов губернии, нравов местных жителей, бытовых сцен. Нами обнаружены воспоминания девяти военнопленных, из которых восемь (французы су-лейтенант Белэ, капитан Обри, хирург Фюзейе, баварец капрал Бютнер, саксонский врач Пешке, вестфальцы унтер-лейтенант Рюппель и рядовой Циммерман, ганноверец шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт [1]) в разное время проходили через губернию, а один, французский лейтенант Шерон [2], провел плен на ее территории.

Привлекая к исследованию официальные документы, совместно с личными воспоминаниями, можно слегка оживить сухость архивных документов и шире представить картину происходившего, а также выявить некоторые неточности и предвзятость источников.

Первоначально Нижегородскую губернию не планировалось использовать для пребывания здесь военнопленных, и она исполняла роль тран-

*__Хомченко Сергей Назарович__ (Бородино, Московская область) – старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, кандидат исторических наук.

зитной для проходящих партий. Однако по мере активации боевых действий в губернии стали появляться и «постоянные» пленные. Установить точное время появления здесь пленных и оставления их на жительство представляется затруднительным. Первые сведения по данному вопросу относятся к началу 1813 г. По предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова от 16 января 1813 г. о предоставлении сведений о военнопленных Нижегородский гражданский губернатор Руновский 19 февраля отправил рапорт, содержащий сведения о числе пленных, перечень нижних чинов по роду войск и полкам, именной список офицеров, записку о числе умерших. Отсюда известно, что на февраль 1813 г. в губернии состояли один генерал (барон Пьер Готрен), 10 обер-офицеров и 740 нижних чинов 16 национальностей. К этому времени из проходящих и находившихся здесь пленных умерло 630 чел. [3].

Следующие сведения о прибытии пленных, найденные в материалах ЦАНО, относятся уже к июлю. Тогда через Нижний Новгород поручик Симонов провел 4 подполковников, 21 обер-офицера, 16 нижних чинов и одну женщину, на дальнейшее препровождение которых в Пензу из Нижегородской казенной палаты по распоряжению губернатора от 2 июля было выдано прогонных, кормовых и порционных денег 733 рубля 94 копейки [4].

Девятого августа из Тамбова в Арзамас прибыла партия в числе одного штаб-офицера, 48 обер-офицеров и девяти служителей в сопровождении подпоручика Колыванского пехотного полка Чернявского. На следующий день подпоручик 20 егерского полка Трунов привел туда же одного штаб-офицера, 25 обер-офицеров, двух офицерских жен и пять служителей. Все они были обеспечены денежным содержанием и оставлены здесь на жительство [5].

Прибывшие в Арзамас пленные причиняли немало проблем местным жителям, особенно хозяевам домов, в которых они остановились. Несмотря на выделяемые им деньги, некоторые пленные промышляли воровством, выкапывая в ночное время из обывательских огородов картофель, морковь и другие овощи. При приготовлении пищи нарушались правила обращения с огнем. После нескольких жалоб Арзамасский городничий дважды делал нарушителям спокойствия замечания, однако это мало подействовало. Следующий пример также показателен: 23 августа к городничему пришел отставной солдат Семен Галанин, жалуясь, что трое квартирующих у него обер-офицеров в пьяном виде вломились в комнату его квартирантки Натальи Распопиной, «намереваясь сделать ей гнусный поступок». Когда Галанин встал на ее защиту, один из офицеров схватил его за горло и вытолкнул вон. Пьянство продолжилось с десятком

офицеров, пришедших из других квартир. Приведя с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, городничий потребовал от квартирантов удалиться, но они отказались подчиниться, ругались «матерными французского диалекта словами» и даже ударили квартального надзирателя. О происшествии было доложено губернатору, и тот предписал отправить наиболее буйных офицеров в уездный город Семенов, а остальным объявить предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о суждении военнопленных за преступления по российским законам. В случае повторных происшествий зачинщиков предписывалось брать под стражу и высылать в Нижний Новгород для предания военному суду. Вскоре из Арзамаса выехали подполковник Детон и 10 обер-офицеров, которые через Нижний Новгород прибыли в Семенов 3 сентября [6]. Среди них находился мемуарист французский лейтенант Шерон, который совсем по-другому описал происшедший инцидент. По его словам, городничий испытывал ненависть ко всем французам и воспользовался первым же поводом для демонстрации этого. После жалобы местного жителя (Шерон не объясняет ее причины) он явился на квартиру и начал с несколькими сопровождающими оскорблять офицеров, двое из которых получили несколько ударов палками. Те же, якобы молча, снесли обиду, опасаясь, что их убьют или отправят в Сибирь. Высылка из Арзамаса была воспринята с большим удовлетворением, как спасение [7]. Однако отношение городничего к другим пленным и некоторые высказывания Шерона заставляют усомниться в объективности последнего. А врач Пешке, три месяца спустя проходивший через Арзамас, охарактеризовал местного городничего как «человека доброго» [8].

Восьмого сентября в Арзамас прибыла партия военнопленных из Тамбова в сопровождении прапорщика 7-го полка Московского ополчения Степанова в числе одного штаб-офицера, 91 обер-офицера, трех офицерских жен, восьми офицерских служителей. Вскоре по распоряжению губернатора прибывшие были отправлены в Княгинин [9]. И уже 19 сентября княгининский городничий отправил рапорт об их приходе, приложив список прибывших. Из них особо стоит выделить французского подполковника Етьена Лаверньe, а также лейтенанта Иоганна Люица, шведа по национальности [10].

Двадцать второго октября в Нижний Новгород на пути из Владимира в Казань пришла партия из 23 офицеров, 10 нижних чинов и одной женщины. Через казенную палату им было выдано 575 руб. 06 коп. на прогон, пищу и жалование [11].

Тридцать первого октября из Чернигова в Арзамас прапорщик Екатерининского пехотного полка Дранишников привел партию в составе пяти штаб-офицеров, 34 обер-офицеров, одной офицерской жены, 53

нижних чинов, трех солдатских жен. На жительство они были оставлены здесь же [12].

Крупные партии пленных прошли через губернию в декабре: в Арзамасе находились две партии, следовавшие из Витебска в Симбирск. В первой под командой поручика Тверского ополчения Мечкова находилось семь офицеров и 83 нижних чина, во второй поручик Минского гарнизонного батальона Апушенов сопровождал семерых офицеров, 98 нижних чинов и одну женщину [13]. В середине декабря через Макарьевский уезд были препровождены две партии пленных французов: в одной – 154 чел., в другой – 231, о чем из Макарьевского нижнего земского суда губернатору был отправлен рапорт от 14 декабря [14].

Восемнадцатого декабря из Тамбова в Нижний Новгород в сопровождении поручика 4 егерского полка Иванова прибыла партия в числе 25 обер-офицеров, одной офицерской жены, семи нижних чинов. Поселены они были недалеко от города в Печерской Слободе [15]. В начале января 1814 г. офицерам было выдано по 100 рублей на покупку теплой одежды [16].

Большинство пленных нижних чинов отправлялось на жительство в Семеновский уезд. Местный земский исправник отличался пунктуальностью и ежемесячно отправлял губернатору подробный рапорт о состоянии военнопленных со списками вновь прибывших, в которых он отмечал не только фамилию и имя пленного, но и его чин, возраст, национальность, полк, место и время пленения. Так, на 1 декабря 1813 г. в округе состояло 366 солдат и одна женщина. В декабре к ним добавилось 27 чел., в январе 1814 г. – 24, в феврале – 3, в марте – 25, в апреле – 13 пленных. Также в рапортах фиксировались и выбывшие. В декабре в связи с освобождением подданных немецких государств в Нижний Новгород были отправлены 50 чел., в январе один пленный умер, в феврале – один пропал, один умер, 27 отправлены в Нижегородский лазарет, четверо переведены в другие места, в марте – один умер, в апреле – три человека [17]. Находившиеся здесь пленные проживали на территории вотчины князя Н.Г. Волконского. Его управляющий Ф. Бурмистров неоднократно жаловался губернатору на пленных, доставлявшим крестьянам лишние затраты и разорение, и просил переселить часть их в соседние незанятые вотчины. Однако в ходе переписки губернатора с Семеновским земским исправником выяснилось, что в других вотчинах не было постойной повинности, там проживали удельные крестьяне. Поэтому существующее положение сохранилось [18].

Большой проблемой для пленных была теплая одежда. Еще в августе 1812 г. прибывшие в Арзамас пленные жаловались на нужду в одежде и обуви, в связи с чем городничий затребовал у губернских властей средства на их закупку. В ответ он получил от губернатора распоряжение прислать

список требуемых вещей с указанием суммы [19]. Такая же переписка состоялась в сентябре у Княгининского городничего [20]. Арзамасский городничий в рапорте от 18 сентября доложил, что для покупки одежды требуется 3 383 руб. 25 коп. по местным ценам, на что губернатор посоветовал договориться с продавцами о понижении цен. Городничий 25 сентября ответил, что с приближением зимы цены только увеличиваются. Однако военнопленные добровольно согласились довольствоваться суммами на починку старой одежды: офицеры – по 35 руб., служители – по 25 руб., офицерские жены – по 15 руб. Таким образом, удалось сэкономить 541 руб. 75 коп. Губернатор согласился на это, но предписал следить, чтоб суммы шли только на исправление одежды, а на другие надобности не употреблялись [21]. В ноябре Арзамасский городничий прислал новое требование на одежду и обувь, на этот раз на 1 046 руб. 22 коп. [22].

Денежное содержание пленных осуществлялось по предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. Нижним чинам положен был солдатский провиант и 5 коп., обер-офицерам – 50 коп., майорам – 1 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. в сутки. Однако предписание заключало в себе серьезное противоречие. Во французской армии чин подполковника (шефы батальона и эскадрона) следует за капитаном и находится ниже майора. Поэтому возникала парадоксальная ситуация, когда нижестоящие по чину подполковники получали больше вышестоящих майоров, чем майоры были, естественно, недовольны. В этом смысле показательна история с Этьеном Лаверньe, шефом батальона 53 пехотного полка, произведенным в майоры в ходе кампании. По пути следования его партии в Тамбов, он, записанный как подполковник, получал 1 руб. 50 коп., однако в Тамбовской казенной палате на его дальнейшее препровождение в Нижегородскую губернию был выделен 1 руб. По прибытии 19 сентября в Княгинин, Лаверньe подал жалобу местному городничему, который рапортовал об этом губернатору. В ответ 23 сентября губернатор предписал производить выплату по 1 руб. Вскоре Лаверньe был переведен в Сергач, куда 15 ноября губернатор отправил распоряжение вновь платить ему по 1 руб. 50 коп. Неизвестно, успел ли Сергачский городничий получить это распоряжение (время прохождения почты между Нижним Новгородом и Сергачом – три-четыре дня), но 19 ноября он отослал рапорт, что Лаверньe сообщил ему, что имеет чин майора. В ответ на запрос губернатора о причинах такого заявления шестеро находившихся в Сергаче пленных офицеров подписали удостоверение о старшинстве майора перед подполковником и объяснили метания Лаверньe получать деньги в соответствии со своим истинным положением. Губернатор 19 декабря распорядился считать

Лаверньe подполковником, как он показан в списках, а распоряжение от 15 ноября не было отменено [23].

Безуспешно пытался добиться повышения содержания наравне со штаб-офицерами шеф госпиталей Салицис. На соответствующий запрос губернатора от 20 августа из столицы 21 сентября поступил ответ, «что как нам рангов французских различать невозможно и чины их неизвестны, то и просьбы Салициса удовлетворить нельзя» [24].

Второго октября 1813 г. вышло еще одно предписание, облегчающее пленным офицерам зимовку. Согласно ему желающие офицеры могли получить под расписку по 100 руб. для закупки одежды [25]. В ноябре начались соответствующие выплаты. Так, Семеновский городничий выдал находившимся в его ведении 10 офицерам 1 000 руб. [26]. В Сергаче желание получить деньги на одежду высказали 73 офицера. Однако по донесению Сергачского городничего от 21 ноября восемнадцать из них оказались не офицерами, после чего выплата им была остановлена. Городничий спрашивал, как поступить с ежедневными суммами. Губернатор приказал представить список и доказательства неофицерства обманщиков, а до тех пор платить им по 50 коп. [27].

Несколькими днями ранее, 15 ноября, в Сергаче капитан Санк, лейтенант Шанпион и су-лейтенант Крун, из которых двое последних были пьяны, избили военнопленного Матьи, за что были арестованы и находились под стражей до начала января. Обиженный Матьи сам сознался, что он унтер-офицер, после чего был отправлен для военного суда к командующему Нижегородским гарнизонным батальоном подполковнику Баралю. Губернатор 13 декабря предписал знающему французский язык Княгининскому городничему отправиться в Сергач и на месте разобраться, не откроются ли новые случаи обмана [28].

Аналогичная ситуация сложилась в Арзамасе. В донесении от 1 октября тамошний городничий писал: «Находящийся здесь военнопленный Николай Клодель почасту находится в пьянстве, в коем чинит буйные поступки, от которых хоть и был удерживаем, но остался непреклонным. А притом в списке <…> показан в числе обер-офицеров и потому получал порционные деньги наравне с другими. Ныне же по донесению знающих его обер-офицеров оказалось, что он Клодель 13 егерского полка капрал, о чем от обер-офицеров отобраны записки». Пленный Клодель также был отправлен к подполковнику Баралю для предания суду за ложные показания, пьянство и буйство. В ноябре находившиеся в Арзамасе офицеры донесли городничему, что Морис Августин, записанный как императорский курьер и получавший по 50 коп., является императорским конюхом. Он «находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки с военно-

пленными офицерами». Он также был предан суду. Об этих фактах губернатор своевременно сообщал Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову [29]. В числе пленных находились и поляки. Многие из них считались российскими подданными, поэтому правительство относилось к ним не как к солдатам армии противника, а как к государственным преступникам. Их предписывалось отделять от других пленных и отправлять в Грузию для пополнения гарнизонов Кавказской пограничной линии. Так, в августе 1813 г. из Нижнего Новгорода в Грузию были отправлены четверо польских рядовых: Валески, Жиезки, Строгович и Гробовский [30]. Перед угрозой высылки оказался и находившийся в Сергаче 25-летний поручик гвардейского 1 уланского полка Матвей Шлей. Зная русский, французский и немецкий языки, он исполнял роль посредника между пленными и местной администрацией и был здесь на хорошем счету. Не желая отправляться на Кавказ, он в начале ноября 1813 г. написал крайне верноподданническое прошение о вступлении в российскую службу*:

«*Его Высокоблагородию господину Сергачскому городничему Петру Федоровичу Федорову польской нации гвардии порутчика Матвей Матвеева Шлея всепокорнейшее прошение!*

Находясь пред сим под игом Французскаго правительства невольным образом с другими нещасными соотечественниками приобщен я был оружию сей нации, наконец, Ноября 17 дня 1812 года при Краснинском сражении избит из среды полчищ я взят российским войском военнопленным. И теперь нахожусь под присмотром вашим в числе протчих разной нации военнопленных в городе Сергаче.

К сему совершенное желание посветить себя на службу Всероссийскаго Государя Императора есть побудительною притчиною просить вашего ходатайства или кому следует представления о определении меня в формируемые вновь казачьи полки, сие желание мое тем более убеждает меня, что отечество мое оружием российским от обладания французов уже очищено. Полагаю священным долгом быть под блистательными знаменами оружия российскаго. Прошению я уверяюсь вашим Снисхождением с тем вместе запечатлеваюсь искренним моим к российской службе усердием и ходатайствую о неоставлении отнестись о сем куда принадлежит.

Ноября ... дня 1813 года Польской нации гвардии порутчик Матвей Матвеев сын Шлеи руку приложил».

Несмотря на это 10 декабря Шлей был отправлен в Геогиевск. Последующий за его высылкой рапорт Сергачского городничего с просьбой о возвращении ценного помощника не помог [31].

*Публ. по: Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 296 об.

Даже в плену связь с домом не прерывалась. Ряд военнопленных получал письма с родины. Это генерал Готрен, шеф госпиталей Салицис, секретарь Бер, обер-лейтенант Гофман, офицер Гидотти, Шадильер. Но самым популярным адресатом был су-лейтенант Густав де Грас, получивший с августа 1813 г. по март 1814 г. девять писем и деньги на общую сумму 1 250 рублей! [32].

Некоторых пленных брали на содержание в свои дома местные жители. Так, у полковника С.М. Мартынова проживали два рядовых [33], у генерал-майора Бахметьева – два офицера [34], у поручика Козлова – один рядовой, у нижегородского полицмейстера Бабушкина – один рядовой (портной) [35], у надворного советника Н.И. Лебедева – один рядовой [36], а в имении статского советника К.М. Ребиндера употреблялись в работу 11 рядовых [37].

Единственный из пленных генерал-барон Готрен проживал в одиночестве в Лукояновском уезде. Его адъютант – полковник Калон, находившийся в Арзамасе, 10 октября 1813 г. обратился с просьбой о переводе его в Лукоянов для «взаимных утешений», что было разрешено губернатором 14 декабря [38]. Вскоре, 26 декабря, Готрен сам получил разрешение на отлучку к живущей неподалеку помещице Мерлиной [39].

Часть пленных выразила желание принять российское подданство. Например, лекарь 2 класса Джованни Крозино подал просьбу принять присягу и заниматься медицинской практикой, о чем Нижегородский губернатор отнесся к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге 4 декабря 1813 г. В ответ в распоряжении от 19 января 1814 г. генерал, штаб-доктор А. Крейтон объявил, что для получения права на отправление практики Крозино должен выдержать экзамен в ближайшем российском университете. В начале мая ему был выдан паспорт для проезда в Москву, куда Крозино прибыл, по сообщению Московского губернатора, около 12 мая и сразу же был отправлен к ректору Московского университета [40]. Однако на предварительном испытании Крозино показал столь недостаточные знания в медицине, что даже не был допущен до основного экзамена и ни с чем вернулся в Нижний Новгород, не оставив, впрочем, своих медицинских занятий [41].

Свое желание стать подданным России высказал лекарь Александр Бриан, чья присяга была разрешена распоряжением Главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 10 июля 1814 г. [42]. А вот подавшему просьбу о вступлении в российскую службу еще в мае 1813 г. медицинскому чиновнику Альберту присяга была отсрочена до окончания боевых действий [43]. Вступил в легион, формируемый из военнопленных, и отбыл в мае 1813 г. в Орел Жан Бернард Колленбиель [44]. Пожелали вступить в подданство

французские рядовые Жан Санро и Пьер Удо [45]. Остались в России рядовые француз Фандебрук и австриец Шевалье, первый из которых стал нижегородским мещанином, а второй – крестьянином [46]. В августе 1813 г. выехал в Саратов, чтобы поселиться между немецкими колонистами, австриец Пантелей Каминский. Нижегородский губернатор предписал от города до города давать ему доброго поведения проводника, … отводить удобные квартиры, обходиться с ним ласково и человеколюбиво, не делать ему никаких обид и притеснений, о чем внушать проводнику [47]. В августе 1814 г., уже после распоряжения Комитета Министров от 9 августа об отказе в подданстве и отправлении в Отечество изъявивших такое желание, попросился в подданство унтер-офицер Конецкий [48].

Некоторые военнопленные рисковали бежать, несмотря на то, что побег грозил отправкой в Сибирь. В ноябре 1813 г. из партии французов, отправленных из Нижнего Новгорода в Казань под командой унтер-офицера Евсигнеева, на тракте, не доходя до города Василя, учинили побег пленные французы Пьер Вибьон, Антоний Башин и Луи Гастин, о розыске которых дано было знать в окрестные губернии. Однако поиски беглецов не увенчались успехом и с 31 января 1814 г. дело об их побеге было прекращено [49]. В сентябре 1813 г., по донесению Семеновского земского исправника из квартиры неизвестно куда отлучился французский унтер-офицер Жан Алке, розыск которого велся в Нижнем Новгороде [50]. В феврале 1814 г. вновь из Семеновского уезда бежал еще один пленный, имя которого осталось неизвестным [51].

Особенно трудно приходилось заболевшим пленникам, хотя местные власти и оказывали им посильную медицинскую помощь. Так, с марта по август 1813 г. для военнопленных, находящихся в больницах Нижегородской врачебной управы, из аптеки выделялись лекарства на сумму 98 руб. 90 коп. [52]. Всего через больницы губернии, по донесениям начальников госпиталей, до августа 1814 г. прошло 676 больных, из которых 259 умерло, большей частью в 1812 – начале 1813 гг. [53].

Время плена подходило к концу. Первыми на пути домой оказались испанцы и португальцы, которых по предписанию С.К. Вязмитинова от 15 ноября 1812 г. нужно было отправить в Санкт-Петербург. Такое быстрое освобождение было связано с тем, что Испания наравне с Россией вела войну с Наполеоном, и бывших пленников планировалось использовать в общих целях. На территории Нижегородской губернии пленных этих национальностей, скорее всего не было, но они проходили через Нижний Новгород из восточных районов страны. Как видно из документов, 7 июля 1813 г. из Нижегородской казенной палаты для отправки в Кострому 79 испанцев, 17 португальцев и 5 ганноверцев было выдано 626 руб.

24 коп. прогонных, кормовых и порционных денег [54]. Через неделю для аналогичной партии из 62 испанцев и 13 португальцев, проходящих из Пензы в Кострому, было выделено 401 руб. 36 коп. [55]. Один из испанцев, Мигель Баио, остался в связи с болезнью в нижегородской больнице. Выздоровев 12 ноября, он был снабжен одеждой на 57 руб. 09 коп. и 29 ноября был отправлен до Костромы [56].

Двадцать пятого апреля 1813 г. вышло предписание об освобождении и отправлении в Белосток саксонцев. Однако 5 августа в связи с нехваткой квартир для размещения прибывающих пленных в Белостокской области последовало распоряжение о приостановлении отправки саксонцев до особого распоряжения. К этому времени из Нижнего Новгорода до Владимира еще 30 июня были отправлены саксонцы Христиан Шахта и Николай Траугост [57].

Вскоре (23 мая) законодательно свободу получили австрийцы. В июле из Нижнего Новгорода в Рязань с коллежским секретарем Колосовым выступили 39 австрийцев, на содержание которых в дороге было выделено 1 304 руб. 87 коп. [58]. И 6 декабря через город на пути из Вятки во Владимир пришли еще 15 австрийцев [59]. В декабре находившийся в Арзамасе австрийский доктор Вальтер подал прошение губернатору об освобождении, жалуясь, что его соотечественники уже отпущены домой, а он по-прежнему находится здесь. Последовал ответ, что по спискам Вальтер числится французом, поэтому он остался среди пленных [60].

Седьмого августа отправились в путь освобожденные еще в январе, но оставшиеся по болезни в Нижнем Новгороде пруссаки Генрих Моко и Август Лейман [61].

Семнадцатого октября были освобождены баварцы, которых предписывалось отправлять в Брест Литовский. Находившиеся в губернии баварцы стали собираться в Нижнем Новгороде. Из Арзамаса прибыло шесть обер-офицеров, из Семеновского уезда – один рядовой. Всего вместе с находящимися здесь баварцами собрались семь офицеров и шесть нижних чинов. Каждому были выданы овчинный тулуп, валенки, шерстяные чулки на общую сумму 123 руб. 60 коп. Офицеры получили по 100 руб. Партия выступила в Тулу 3 декабря [62].

Через Нижний Новгород проходили баварцы и из других губерний. Так, из Вятки в ноябре-декабре прошли шесть партий: 1) 15 нижних чинов, 2) 16 офицеров, 3) 16 офицеров, 4) 13 офицеров и 162 рядовых, 5) два штаб-офицера, 43 обер-офицера и 181 нижний чин, 6) 16 офицеров, 15 нижних чинов и две женщины. 2-я и 4-я партии были объединены и 1 января отправлены во Владимир [63]. Из Перми прибыли один штаб-офицер, три обер-офицера, пять нижних чинов [64]. В одной из вятских

партий находился баварский фельдфебель Галлер, который по прибытии в Нижний Новгород принес жалобу на сопровождавшего партию судебного заседателя Гарчинова в причинении ему в пути побоев. По этому поводу губернатор предписал Макарьевскому нижнему земскому суду провести дознание [65]. В связи с нехваткой сопровождающих губернатор вынужден был использовать для этих целей унтер-офицеров внутреннего гарнизонного батальона, но и его возможности скоро были исчерпаны. Командующий батальоном подполковник Бараль 22 декабря рапортовал, что оставшиеся в его распоряжении солдаты все находятся в карауле и просил отменить приказ об отправлении четырех из них с очередной партией [66].

Предписание об освобождении вюртембергцев вышло 23 ноября. Третьего декабря из Сергача в Нижний Новгород выступили находившиеся там 14 обер-офицеров и один рядовой. Офицеры получили по 100 руб. Восьмого декабря из Семеновского уезда отправились 11 нижних чинов и одна женщина, а 9 декабря из Арзамаса – четыре обер-офицера и один рядовой [67].

Последними из немцев 28 ноября были освобождены подданные Рейнского Союза. К концу декабря в Нижний Новгород из Сергача прибыли один штаб-офицер (вестфальский майор Георг Стам), 13 обер-офицеров, пять нижних чинов, из Балахни – один рядовой. 9 января 1814 г. в Чернигов отправились 16 офицеров и 61 нижний чин. Офицеры получили по 100 руб. [68].

Остальные пленные были освобождены по распоряжению от 13 мая 1814 г. и находились здесь до лета.

Установить точное количество находившихся в Нижегородской губернии французов и итальянцев, которых в основном касалось данное распоряжение, по архивным данным не представляется возможным.

Сохранились ведомости по национальностям на февраль 1813 г. и семь списков партий из числа 10 достоверно прибывших в губернию с августа 1813 г. по апрель 1814 г., в которых присутствовали представители этих национальностей.

На 19 февраля 1813 г. в губернии состояло: французов – один генерал, пять обер-офицеров, 468 нижних чинов; итальянцев – два обер-офицера, 58 нижних чинов [69]. Впоследствии прибыли: французов – один штаб-офицер, 88 обер-офицеров, 94 нижних чина, три женщины; итальянцев – 14 обер-офицеров, девять нижних чинов [70]. Всего: французов – один генерал, один штаб-офицер, 93 обер-офицера, 562 нижних чина; итальянцев – 16 обер-офицеров, 67 нижних чинов. Естественно, это неполные данные. В делах встречаются фамилии, которых нет в списках. Нет всех списков приведенных пленных, равно как и умерших на момент освобож-

дения. В губернии оставались больные из партий, проходящих в другие губернии. В определении даты освобождения пленных французов помогают мемуары лейтенанта Шерона. Он пишет, что приказ об освобождении был получен в Семенове вскоре после 2 (14) июня, а в Нижний Новгород они выехали 10 (22) июня. Там из прибывших были сформированы три партии по 60 офицеров и 200 рядовых. Цифры, конечно, округлены, но близки к архивным подсчетам. Около 15 офицеров покинули Нижний Новгород раньше остальных за свой счет на почтовых лошадях. Партия, в которой находился Шерон, отправилась в путь 26 июня (8 июля) [71].

Как уже указывалось, пребывание мемуаристов на территории губернии различно по продолжительности. Французский лейтенант Шерон прибыл в губернию в августе 1813 г. и находился здесь до июня 1814 г., т.е. до своего освобождения. Осенью – в начале зимы 1812 г. через губернию проследовали саксонский врач Пешке и вестфальцы унтер-лейтенант Рюппель и рядовой Циммерман. Французский капитан Обри дважды проезжал через губернию – осенью 1812 г. и летом 1814 г. Француз су-лейтенант Белэ пребывал в Нижнем Новгороде пять дней в октябре 1813 г., а в ноябре здесь же останавливался хирург Фюзейе. После освобождения на пути домой через губернию возвращались ганноверец шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт (в июне 1813 г.) и баварец капрал Бютнер (в январе 1814 г.)

Пожалуй, самая большая часть мемуаров посвящена описаниям российских городов и селений, нравов и обычаев жителей, их одежды, пищи и так далее, что дает богатый материал для краеведческих исследований.

Практически на всех произвел впечатление Нижний Новгород. В мемуарах описываются высокий берег, на котором стоит город, Кремль, окруженный крепостной стеной, другие многочисленные постройки. Все упоминают о слиянии здесь Волги и Оки и различных вариантах переправы через последнюю – на лодках и пароме. Пленник Шерон упомянул и об огромном количестве судов, покрывающих обе реки, что придавало городу оживленный вид [72].

Из других населенных пунктов губернии чаще всего упоминается Макарьев, хотя большинство пленных здесь не проходили. Славу этому месту принесла ярмарка, привлекающая покупателей и купцов из разных частей света. Пленный Пешке назвал Макарьев русским Лейпцигом, хотя и удивлялся невзрачному виду этого городка [73]. Хотя, возможно, Пешке принял за Макарьев какой-то другой населенный пункт, так как Макарьев лежит почти в 80 верстах к востоку от Нижнего Новгорода, в стороне от дороги, по которой мемуарист отправился дальше в Пензу.

Сведений о губернаторе А.М. Руновском в мемуарах очень мало. Лишь Шенк, на пути домой останавливавшийся в Нижнем Новгороде, пишет, что проживавшие здесь во время плена офицеры сожалели о смерти недавно умершего губернатора, так как были довольны обращением с ними [74]. Пленник Шерон, ожидавший отправки на родину, предвзято обвинял губернатора (нового) в затягивании отъезда [75].

Отношения с местными жителями у пленных были относительно неплохие, очевидно, сказывалась незатронутость губернии войной. Русские дворяне охотно вступали в разговоры с пленными офицерами, делясь полезной информацией местного значения и новостями с театра боевых действий. Обыватели также не проявляли открытой враждебности, а иногда и делились кровом и пищей. Проживавший десять месяцев в уездном Семенове Шерон был частым гостем в домах местной знати, хотя и высказал в своих мемуарах ряд нелицеприятных комментариев в адрес гостеприимных хозяев. Там же, по словам Шерона, французским офицерам приходилось драться с крестьянами, которые их оскорбляли.

Пленные из проходящих партий жаловались на запрет входить в населенные пункты и ночевки под открытым небом, что особенно тяжело сказывалось в зимний период. Положение офицеров здесь было несколько лучше, так как им иногда разрешали отлучаться в поисках пищи, а то и просто нескольких часов, проведенных в тепле. Русские морозы упоминаются практически всеми. Так, Пешке говорит о многих своих товарищах, замерзших насмерть, причем некоторые живые мечтали о том же, чтобы избавиться от мучений. Трупы замерзших приходилось оставлять у дороги на съедение диким зверям, так как крестьяне отказывались брать их для погребения [76]. В январе 1814 г. Шерон зафиксировал на своем термометре 33 градуса мороза по Реомюру (42 градуса по Цельсию) [77]. Тогда же Бюттнер отмечает, что в день их прибытия в Нижний Новгород температура опустилась до 34 (42,5) градусов [78].

Больше всего воспоминаний о Нижегородской губернии оставил единственный известный мемуарист из проживавших здесь пленных – французский лейтенант Шерон [79]. Как уже упоминалось, его записки носят предвзятый характер, очевидно, автор хотел показать западному читателю образ «дикой» и «непросвещенной» России, а особенно ее глубинки. Прибыв после вышеописанного арзамасского инцидента в Семенов, Шерон с товарищами познакомился здесь с городничим, «добрым малым», и другими представителями местного дворянства. Жили впятером вместе со своим командиром. Особенно им нравилась дешевизна продовольствия, так что на офицерское жалование можно было пировать ежедневно. Неудобство заключалось в самостоятельной готовке пищи, и по их просьбе к ним

был переведен французский солдат. В январе 1814 г. офицерам было выдано по 100 руб. на покупку одежды, что позволило им заметно улучшить свое положение.

Пленник Шерон подробно описал один из приемов, на котором он побывал. Сначала гостям подали чашки кофе, после чего принесли водку, которую все должны были пить из одного кубка, приветствуя друг друга. Водку сменила полынная настойка, после чего пригласили к столу. На обед был большой длинный пирог, начиненный огурцами, цыпленок и пиво. Закончилось все французским вином и пуншем. После этого присутствующий здесь городничий пригласил офицеров в свой дом, куда они поехали на колясках. Там состоялась трапеза, включающая рагу, соленые грибы и огурцы, сопровождавшаяся донским вином, водкой и настойками. Особенно Шерона задело, что никто не приветствовал их речами, хотя двое дворян говорили по-французски, и гости должны были обслуживать себя сами. После французов повезли в красивый загородный дом, где их ждали различные варенья, хороший арбуз и снова вина и пунш. Поблагодарив хозяина за ужин, офицеры вернулись в свою квартиру около полуночи.

Врач 1-го класса Пешке на пути к Нижнему Новгороду, помимо сильных морозов, жаловался еще и на паразитов, которые, по его словам, были составной частью плена, и мечтал о паровой бане. Его партия подошла к берегу Оки, которая еще не замерзла, и переправилась на противоположный берег на большом судне, закрепленном веревками на линии переправы. Высадившись на берегу и получив строжайший запрет на вхождение в дома, пленные стали ждать своей дальнейшей участи. Пешке и его товарищ Рёдер, пользующиеся на правах офицеров относительной свободой передвижения, озаботились поисками водки и им повезло. Какой-то добрый мещанин позвал их к себе и не только их накормил, но и другим пленным послал подкрепиться. Хозяин имел дома большие запасы водки, и как только опустошалась одна бутылка, на столе тут же появлялась другая. Пешке признался, что никогда в жизни не пил столько спиртного. Вскоре к месту стоянки пленных из домов стали подходить местные жители и нести еду, одежду и деньги, так что пришлось их даже останавливать. Пешке был очень тронут такой заботой.

Берег Оки был заставлен многочисленными войсками, и хозяин дома объяснил, что скоро эти войска вместе с Императором Александром Первым войдут в Париж. Вскоре вернулся партионный офицер и объявил радостную весть, что дальше на восток пленные не пойдут и свернут на юг, в Пензенскую губернию. Эта новость была отмечена очередной бутылкой.

На попечении Пешке по выходе из Ярославля, находилось 50 больных, в дороге прибавился еще 21, 35 из них умерли. Пленный Пешке пот-

ребовал оставить больных в местном лазарете и снабдить всех пленных теплой одеждой. Первое требование было выполнено, а второе власти проигнорировали.

Наутро, незадолго до отхода партии, к лагерю пришли многие горожане и Пешке разговорился со знающим немецкий язык господином. Тот, в числе прочего, сообщил о беспорядочном отступлении французов из России и уверил, что пленные поляки вскоре будут отпущены на свободу [80].

Вестфальский унтер-лейтенант Рюппель описывал сильные морозы и смерть многих своих товарищей по несчастью, особенно рядовых, которые в отличие от офицеров большую часть дороги вынуждены были проделывать пешком. Во время частых снегопадов пленные в ожидании дальнейшего пути по три-пять дней проводили в крестьянских избах и маялись от скуки. Однажды они придумали способ поразвлечься и сделать свою форму снова чистой, перешив ее наизнанку [81].

Шеф эскадрона Шенк фон Винтерштедт, проезжавший Нижний Новгород на пути домой, остановился с другими офицерами в гостинице, где они имели все необходимое и хорошо питались за умеренную плату. Через три дня после приезда, Шенк по просьбе своих товарищей отправился к вице-губернатору, чтобы узнать о времени отъезда. Тот удивился, что бывшие пленные еще здесь и немедленно отдал приказ к их отправлению. Сопровождал партию полицейский офицер, который, по словам мемуариста, был совсем необразованным и часто выпрашивал у пленных офицеров по нескольку копеек на выпивку [82].

Баварский капрал Бюттнер встретил в Нижнем Новгороде многих баварских офицеров и солдат, собранных из Нижегородской, Вятской и Пермской губерний для последующей отправки на родину. Партия Бюттнера расположилась в пригороде за замерзшей Окой, где пробыла два дня. На следующий день старший офицер партии майор Бибер, взяв с собой Бюттнера, отправился в город на рынок, чтобы купить теплую обувь и шерстяные чулки. Офицеры позаботились и о нижних чинах, у которых не хватало денег, и купили им валенки [83]. В целом, мемуарные источники являются хорошим дополнением для архивных материалов и, в основном, не противоречат им и друг другу в основных вопросах. Особенно это касается похожих описаний Нижнего Новгорода и его окрестностей, погодных условий, описания жизни простого населения. Различия чувствуются, когда речь идет о действиях местных властей. Так, объективные причины, по которым власти не смогли оказать или задержали какую-либо помощь военнопленным (квартиры, жалование, одежда), иногда воспринимались как злой умысел против них. Да и поведение самих пленных во многом определяло отношение к ним со стороны администрации и обывателей.

Свою роль в этих отношениях сыграли и многонациональный состав как наполеоновской армии, так и жителей среднего Поволжья, разница в культурном, религиозном и образовательном уровне людей, волею судеб оказавшихся рядом в это богатое на события время.

Литература и источники

1. Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907; Aubry T.J. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris, 1889; Фюзейе Д. Дневник русского плена 1813–1814 гг. // Лепта. 1992. № 3. С. 152–165; Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung… Nürnberg, 1867; Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913; Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912; Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812–1814. Hannover. 1863; Schenck von Winterstedt C. Ch.L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle. 1829.

2. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001.

3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 777. Л. 323. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 203-210. Д. 657. Л. 203.

4. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2. Оп. 6. Д. 41, Л. 3.

5. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 59–61 об., 64–66.

6. Там же. Л. 121–122 об., 127, 143–144 об.

7. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 37.

8. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913. C. 33.

9. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л.130–133 об.

10. Там же. Л. 188–189 а об., 213.

11. Там же. Л. 233.

12. Там же. Л. 253, 256–257 об.

13. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 40. Л. 2, 5.

14. Там же. Л. 6–7.

15. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 370, 371.

16. Там же. Л. 409 об.

17. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 232. Л. 7–11, 31–36, 54–56, 62–66, 70, 80–85.

18. Там же. Л. 29–32, 57–58; ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 11–12.

19. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 124, 125.

20. Там же. Л. 161, 162.

21. Там же. Л. 186–187, 193–194.

22. Там же. Л. 287.

23. Там же. Л. 159–160, 261, 298–299, 348–351.

24. Там же. Л. 154.

25. Там же. Л. 228.

26. Там же. Л. 289.

27. Там же. Л. 321–333, 368.

28. Там же. Л. 293–294, 364, 386.

29. Там же. Л. 195–197, 337–338.

30. Там же. Л. 7, 10, 35.
31. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 59.
32. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 150. Л. 119. Д. 151. Л. 76, 84, 120, 132, 149, 186, 243, 262, 348, 393. Д. 229. Л. 151, 202.
33. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д.170. Л. 198–199. Д. 232. Л. 7.
34. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 384.
35. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 232. Л. 7.
36. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 10.
37. Там же. Л. 6.
38. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 344–346.
39. Там же. Л. 389.
40. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 166. Л. 1–6.
41. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, изданные П.И. Щукиным. М., 1899. Т. 4. С. 196.
42 ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 243. Л. 1–5.
43. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 150. Л. 356.
44. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 11, 38. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 7.
45. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 242. Л. 2–3 об.
46. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 776.
47. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 151. Л. 73. Д. 170. Л. 39–44, 47.
48. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 244. Л. 2–3.
49. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 42. Д. 237.
50. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 222–223.
51. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 232. Л. 54.
52. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 151–153.
53. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 777. Л. 324.
54. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 2.
55. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 9.
56. Там же. Л. 268, 300–302.
57. Там же. Л. 2–3.
58. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 9.
59. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 40. Л. 1, об.
60. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 66–68.
61. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 4–5.
62. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 23–24, 28–29, 40, 43–44.
63. Там же. Л. 6, 7, 11, 63. Ф. 5. Оп. 42. Д. 479. Л. 4.
64. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 49.
65. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 40. Л. 4.
66. Там же. Л. 8.
67. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 164. Л. 45–46. Ф. 5. Оп. 42. Д. 479. Л. 1, 5–6, 8–9, 13.
68. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 411–415 об.
69. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 204 об. — 205, 209.
70. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 189–189 а об., 213, 323–333 об. Д. 232. Л. 8 об–11, 33 об.–36, 55 об.–56, 63 об.–66, 82 об., 85.

71. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 39–40.

72. Там же. P. 39.

73. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913. C. 28.

74. Schenck von Winterstedt C.Ch.L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle. 1829. S. 138.

75. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 40.

76. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913. C. 29.

77. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 38.

78. Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung… Nürnberg, 1867. S. 57.

79. Cheron A., de. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 37–70.

80. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Warszawa, 1913. C. 29–32.

81. Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 134–136.

82. Schenck von Winterstedt C.Ch.L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle. 1829. S. 138–139.

83. Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung… Nürnberg, 1867. S. 64–65.

Б.П. Миловидов*

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1812 ГОДА)

В первые месяцы войны основные проблемы были связаны с неопределенностью в законодательстве о военнопленных. Хотя в августе вопрос о военнопленных и перешел в компетенцию Министерства полиции, продолжали одновременно действовать нормы и предписания, издаваемые военным командованием. Стройная система содержания и транспортировки пленных сложилась после циркулярного предписания Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. Реально она начала действовать с середины сентября. Однако к ноябрю–декабрю 1812 г. ситуация резко изменилась. Это относится ко многим российским губерниям, в том числе и к Псковской губернии, куда поступали военнопленные из 1-го Отдельного корпуса П.Х. Витгенштейна [1].

Во Всеподданнейшем рапорте от 19 октября 1812 г., подводя итоги боев под Полоцком, П.Х. Витгенштейн доносил о том, что за несколько дней в плен были взяты около 100 офицеров (в том числе пять полковников) и около 6 000 нижних чинов [2]. В тот же день, когда П.Х. Витгенштейн рапортовал Императору о большом числе взятых пленных, которые должны были пройти через Псковскую губернию, Холмский городничий Талалаев направил отчаянное донесение Псковскому гражданскому губернатору князю П.И. Шаховскому. Городничий Талалаев писал, что в городе нет места даже для русских раненых, которых приходится размещать по деревням [3].

Проблемы с размещением пленных существовали и в самом Пскове, через который проходил один из маршрутов движения солдат и офицеров противника [4]. Командир Псковского гарнизонного батальона майор Эльдерн, в чьем ведении находились проходящие через губернский город пленники, 27 октября 1812 г. доносил П.И. Шаховскому, что в городе находится 230 военнопленных, и что в связи с похолоданием и прибытием новых партий для пленных необходимо отвести дома [5]. На следующий день П.И. Шаховской предписал губернской квартирной комиссии выделить для пленных в одном из кварталов города до 10 обывательских домов и не занимать их никакими другими нуждами [6]. Кроме того, Эльдерн просил П.И. Шаховского, чтобы тот предписал Островскому и Псковскому земским судам, что они должны предупреждать конвойных офицеров двигающихся на Псков партий о необходимости отправки за сутки части конвой-

*__Миловидов Борис Павлович__ (Санкт-Петербург) – научный редактор издательства «Крига», историк.

ных для занятия квартир. Иначе пленным подолгу придется дожидаться на улице, пока им будут определены в городе квартиры. Это предписание отражает, по всей видимости, ситуацию, сложившуюся в Пскове до того, как для пленных был выделен компактно расположенный десяток домов [7]. В ноябре казенный дом, расположенный близ присутственных мест, был выделен для пленных и в Острове. Правда, городская дума за отсутствием денег отказалась поставлять пленным дрова, в итоге эту функцию взял на себя смотритель госпиталя [8].

Проблемы в содержании пленных возникали и из-за несвоевременного выделения необходимых денежных сумм. В частности, 31 октября 1812 г. Опочецкий городничий Александер донес П.И. Шаховскому о том, что сопровождавший партию пленных поручик Гордеев не имеет денег на их содержание [9]. Лишь 8 ноября губернатор П.И. Шаховской сообщил Александеру о выделении для находившихся в Опочке пленных французов денег на продовольствие, покупку дров, свечей и соломы [10]. Эта ситуация свидетельствует не только о нерасторопности губернских властей, но и о том, что вопреки предписаниям, конвойным офицерам, препровождающим пленных из армии, не выдавались необходимые суммы, чтобы довести партию в пункт назначения (в данном случае в Псков).

Большое количество пленных, ухудшающаяся погода, общее тяжелое состояние французской армии наряду с административной неразберихой приводили к большим жертвам среди пленных. Великолукский городничий доносил 9 ноября 1812 г. губернатору, что из прибывшей партии в 170 человек 38 умерли в дороге, а еще четверо уже в городе, а из оставшихся 30 человек слабых и больных. Пленные, по его словам, не имеют сапог, а приходят «в летних штиблетах одних и истасканных мундирах». По его же словам, «все пленные одинаково проклинают участь свою и виновника бедствий, уверяя, что вся армия в подобном положении, и что они никак не в состоянии выдержать столь холодного климата русской зимы» [11]. Какой контраст с поведением пленных на начальном этапе войны, когда они нападали на конвой и угрожали жителям скорым занятием Москвы! «Я не могу описать вашему сиятельству, – писал далее Великолукский городничий, – благодарности военнопленных, когда некоторые из здешних мещан и купечества поили збитнем больных французов, чтобы обогреть их и раздавали всем хлеб (коего не видели они одиннадцать дней, по словам их); всякий поднимал руки к небу, целовал данный ему кусок и вспоминал имя нашего монарха Александра», при этом пленные даже дрались между собой за хлеб [12]. Губернатор П.И. Шаховской 24 ноября писал П.Х. Витгенштейну, что пленные препровождаются с территории Витебской губернии «без всякого снабжения их одеждой и обувью» [13].

Впрочем, военное командование было не хуже осведомлено о бедственном положении пленных. Командующий П.Х. Витгенштейн еще 12 ноября 1812 г., сообщая губернатору П.И. Шаховскому об изменении маршрутов пленных и отправлении их теперь через Витебск на Великие Луки, требовал, «чтобы бедные люди сии были призрены по-человечески, ибо к состраданию человечества доходят сведения, что бедные люди сии в препровождении среди мирных жителей гораздо больше терпят и гибнут, нежели здесь на биваках, что весьма противно и характеру государя нашего и чести нации» [14]. Ясно отдавал себе отчет в положении пленных М.И. Кутузов. После занятия Вильны он писал Императору Александру Первому, что «необыкновенное множество пленных, какое взято теперь <…>, превышает все меры и все даже возможности удовлетворять их вначале так, как бы того требовали их надобности и самое даже человечество». Однако относился он к ситуации более спокойно, чем П.Х. Витгенштейн. «Это правда, – продолжал фельдмаршал, – что большая их часть и наги и босы, но это обыкновенное действие войны, ибо они во время самого взятия их в плен обираются казаками и солдатами, от коих нельзя отнимать права сего, судя по собственному обхождению с нашими пленными неприятеля» [15]. В том же рапорте М.И. Кутузов, откровенно характеризуя положение находящихся в Вильне пленных, писал: «не ласкаю я себя, чтобы половина сих несчастных дошла в назначенные им губернии» [16].

Однако вернемся к положению пленных в Псковской губернии…

Великолукский городничий Грибунин сообщал губернатору, что «болезнь и смерть оным (т.е. пленным. – ***Б. М.***) по большей части приключилась от сильной стужи, переменного воздуха и воды и, от употребления оной, поноса» [17]. О недостатке одежды, как о причине большой смертности пленных, пишет в донесении от 3 ноября Новоржевский городничий. В частности, он указывает, что в партии численностью 460 чел. по дороге от Полоцка умерло более 200 чел. [18]. Прибывший с партией пленных поручик XII дружины Санкт-Петербургского ополчения Данилович, объясняя большую смертность, 16 ноября доносил, что «народы сии, не привыкши к климату российскому, не видали таких морозов и перемен частых погоды, которые существовали во все время препровождения их до Пскова». Кроме того, пленные были «почти наги, отчего и происходила мертвенность». Поручик Данилович писал также, что Великолукский городничий, несмотря на мороз, поместил пленных на ночлег в холодных сараях, где они провели два дня. Прибыв в Псков, пленные семь часов ожидали на улице, пока им были отведены квартиры. В конце письма Данилович

в свое оправдание добавляет, что нет ни одной партии, которая не теряла бы в дороге до сотни и более человек [19].

К декабрю ситуация обострилась еще больше… Из партии в 99 чел., отправленной из города Белый и пришедшей 11 декабря в Торопец, умерли в дороге 39 пленников. Из направленной туда же партии в 470 чел. умерли в пути 342 представителя армии противника [20]. Из 566 пленных, вышедших из Полоцкой губернии, в Псков прибыли 2 декабря лишь 160, остальные же умерли в дороге. Офицеры баварской службы, находившиеся в составе этой партии, показали на допросе, что они на всю дорогу получили по два с половиной фунта сухарей, три раза по полуфунту говядины, а также по 10 коп. на человека [21]. Начатое расследование показало, что сопровождавший партию офицер Новгородского ополчения Бухарин болен нервной горячкой, находится без сознания, и какие-либо документы при нем отсутствуют [22]. Позднее поправившийся Бухарин показал, что расписок и квитанций о прохождении было брать не у кого по причине неграмотности жителей, а представители земской полиции партию не сопровождали. Крестьяне, по его словам, больных пленных на лечение не брали, а в некоторых местах вообще не пускали пленных в избы [23]. Надо сказать, что бывали случаи жестокого обращения и со стороны конвойных команд (в частности, в конце декабря в Опочке были арестованы двое конвойных, заколовших по дороге женщину, находившуюся в составе партии военнопленных) [24].

Из 478 человек, вышедших из Полоцка, 8 декабря добрались до Пскова только 98 (из них 36 здоровых), остальные умерли или были оставлены по дороге по причине болезни. Не в лучшем положении была и конвойная команда: из 57 чел. один умер, а 22 были оставлены по дороге в госпиталях [25]. Следующая партия пленных из Полоцка прибыла 11 декабря. Из 12 офицеров и 290 нижних чинов живыми до Пскова добрались четыре офицера и 52 нижних чина, остальные, согласно рапорту конвойного офицера, умерли в дороге [26]. В тот же день в Псков прибыли «сами собою» двое немецких дезертиров: фельдфебель «28-го полка конных шосеров» Георг Гангарт и унтер-офицер 3-го Вестфальского полка Альбинус. Они рассказали, что от партии пленных в 380 чел., в составе которой они двигались, в живых осталось около 40 человек, находящихся в госпиталях по пути следования. Прибывшие также рассказали, что конвоировавшие их дружинники Новгородского ополчения по дороге раздевали пленных и даже убивали их – и все это при попустительстве конвойного офицера. При этом сам офицер остался в Острове. Пленники Альбинус и Гангарт показали также, что шли они тридцать дней, в то время как хлеба получили только на одиннадцать дней, а мяса – на три дня [27]. В середине

декабря в Псков прибыла очередная партия пленных. Офицер конвойной команды прапорщик Надточеев рапортовал Псковскому губернатору, что из 336 пленных по дороге до Опочки умерли 50 чел., а от Опочки до Пскова еще 200 представителей армии противника [28]. Расследование показало, что земская полиция эту партию также не сопровождала. В города ее вовсе не впускали по причине болезней, а жители деревень зачастую разбегались, услышав о приближении французов [29]. Картину дополняет жалоба пленных офицеров, поданная уже по прибытии в Псков. Они отмечали, что причиной большой смертности было «худое продовольствие». Офицер Надточеев, конвоировавший партию, судя по жалобе, выдал деньги нижним чинам только один раз, а затем, сославшись, что на положенную им маленькую сумму ничего приобрести нельзя, купил для них водки. Пленные были вынуждены менять у крестьян одежду на продовольствие, а однажды офицеры встретили по дороге пленного солдата, не евшего четыре дня. Писали офицеры и о том, что видели брошенные по дороге раздетые мертвые тела, «и даже те, которые не совсем мертвые были» [30].

Восемнадцатого декабря в Опочку прибыл прапорщик IX дружины Санкт-Петербургского ополчения Медведев, сообщивший, что из 620 вверенных ему пленных в живых остались только 77 (причем из 20 офицеров умерли только двое). Пленные жаловались, что часто они, иногда сутки, а то и двое, не получали продовольствия [31]. Официальное расследование показало, что порционные деньги на пленных Полоцким плац-майором будто бы были выданы на шесть дней, и пленным было велено производить в пути по полтора фунта сухарей в сутки. От Полоцка до Опочки штаб-офицерам выплачивалось по 2 руб. в сутки, а обер-офицерам по одному рублю, а от Опочки до Пскова выплаты были снижены соответственно до полутора рублей и 50 копеек соответственно. Нижние же чины получали всю дорогу по 5 коп. в сутки. В Себеже пленные получили даже семидневную винную порцию. В Опочке пленным было выдано шинелей, лаптей и онучей на 50 чел. И хотя при допросе в Пскове пленные отказались подтвердить свою жалобу о притеснениях со стороны Медведева письменно, статистика смертности неумолимо свидетельствует о крайне тяжелом положении пленных [32].

Расследование всех этих случаев Псковский губернатор поручил еще в начале декабря советнику Псковского уголовного суда Крылову. В помощь ему был выделен офицер внутренней стражи. Уровень смертности был настолько высок, что губернатор П.И. Шаховской 21 декабря издал еще одно распоряжение, предписав Крылову самостоятельно следить за прибывающими в город партиями пленных, и при обнаружении большой убыли совместно с представителем внутренней стражи производить расследование [33].

Чтобы сохранить жизнь пленным, особенно в условиях наступающих холодов, их необходимо было снабдить одеждой. Это было вменено в обязанность губернских властей еще циркулярным предписанием от 29 августа 1812 г., а проблемы с одеждой пленных были даже на начальном этапе войны. Так, еще 5 сентября 1812 г. Новгородский гражданский губернатор сообщил Псковскому губернатору, что почти все пленные, прибывшие в Новгород из Пскова, не были снабжены одеждой и обувью [34]. Командир Псковского гарнизонного батальона майор Эльдерн обратился за содействием в решении этой проблемы в комиссию Псковского комиссариатского депо, которая 10 сентября уведомила губернские власти, что Комиссариатский департамент Военного министерства предписал ей отпускать одежду и обувь для пленных, а особенно для дезертиров [35]. Однако отправка одежды в города, через которые проходили пленные, несмотря на требования губернатора, происходила очень медленно. Лишь 30 сентября комиссия сообщила о намерении отправить в Торопец 100 шинелей и 100 пар «сапогов нешитых» [36]. А к 1 октября готовых вещей (в частности, сапог и панталонов) в распоряжении комиссии уже не было, о чем комиссия и доложила в Военное министерство.

Тем временем в рапорте от 8 октября 1812 г. Холмский городничий Вендегак сообщал, что прибывающие пленные и российские раненые «вообще не имеют на себе почти никакой одежды, кроме какого-либо вовсе изношенного рубища». Не имели они и обуви. Чтобы облегчить положение пленных, городничий на собственные деньги покупал с аукциона вещи, оставшиеся от рекрутского депо [37]. На свои средства одежду для пленных вынужден был покупать и Порховский городничий Ачкасов. В тот же самый день, когда Вендегак отправил по начальству свой рапорт, Комиссариатский департамент предписал комиссии Санкт-Петербургского комиссариатского депо отправить имеющиеся в ее распоряжении старые вещи в Псков [39].

Несмотря на предпринятые усилия к 11 ноября 1812 г., как Эльдерн сообщил П.И. Шаховскому, одежды для пленных уже не было, и отправка их остановилась [40]. Губернатор счел, что содержать пленных в городе невозможно и 16 ноября предписал Эльдерну отправлять их без одежды, одновременно употребив вместе с полицией старания «о доставлении одеяния для пленных от обывателей на счет комиссии» [41]. В тот же день, 16 ноября, П.И. Шаховской предписал предводителям дворянства, земским судам и городским думам заняться сбором с населения одежды для военнопленных. В частности, губернатор предписывал собрать с каждых 20 ревизских душ по одной паре лаптей, хранить их при городской думе и при необходимости отпускать пленным. В случае же, если обыватели не

согласятся на такое «добровольное» пожертвование, то деньги им следует выплачивать из комиссии Псковского комиссариатского депо. Губернатор рекомендовал также местным властям «соглашать» обывателей (в первую очередь дворянство и купечество) на добровольное пожертвование различной одежды и обуви на нужды пленных, а при поставках за деньги – вести учет, что от кого и за какую сумму поступило [42].

Впрочем, комиссия Псковского комиссариатского депо отказалась выплачивать деньги за приобретенную у обывателей одежду. В ответ на соответствующий запрос Комиссариатский департамент Военного министерства направил в Псков 2000 шинелей и 2000 сапог, а также предписал комиссии выдавать на одежду для пленных крестьянское сукно [43]. Вопрос же о деньгах был решен гораздо позднее… Пятого декабря С.К. Вязмитинов, ссылаясь на свое же предписание от 29 августа, предписал Псковскому губернатору требовать деньги на одежду для пленных от казенных палат [44].

Шестнадцатого ноября 1812 г. оказалось для Псковского губернатора бурным днем… В Пскове было получено в этот день циркулярное предписание С.К. Вязмитинова от 8 ноября [45]. Вероятно, это произошло уже после того, как был подписан наряд губернатора о сборе одежды, иначе бы в нем была соответствующая ссылка, как и в предписании Эльдерну, которое, кстати, говоря, противоречило тому, что требовал С.К. Вязмитинов. По содержанию предписание С.К. Вязмитинова повторяло Высочайший рескрипт на имя П.Х. Витгенштейна от 7 ноября, в котором требовалось предписывать губернаторам тех губерний, куда направлялись из армии пленные, снабжать пленных одеждой и обувью [46]. Соответствующее требование было направлено П.Х. Витгенштейном губернатору П.И. Шаховскому 12 ноября [47]. С колебаниями был, как будто бы покончено. И Эльдерн в тот же день (16 ноября) получил еще одно предписание – он должен был отправлять партии пленных не иначе как по экипировке, выстроив их предварительно во дворе губернаторского дома, чтобы П.И. Шаховской мог «каждого пленного осмотреть и исполнить тем монаршую волю». Лично осматривать отправляющихся пленных было поручено и городничим [48].

Губернатор П.И. Шаховской 24 ноября 1812 г. уже писал П.Х. Витгенштейну, что он предписал городским полициям оказывать пленным всевозможное пособие, «склоняя обывателей согревать их одеждой и обувью». Однако за счет благотворительности снабдить всех пленных одеждой было невозможно, поэтому П.И. Шаховской предписал местным властям, чтобы они выдавали обувь и одежду пленным «от селения до селения», т.е. на время прохождения через подведомственную территорию. Члены же земских судов должны также постоянно находиться на трактах и способствовать сохранению жизни пленных [49] и при этом следить, чтобы забранные у населения для

этих целей вещи были потом вновь возвращены хозяевам [50]. В развитие этого распоряжения Торопецкий городничий предписал, чтобы каждый из проводников имел при себе шубу или кафтан и давал бы их пленным [51]. Он выделил для этой цели 150 шуб, оставшихся от пожертвований, сделанных для русской армии [52]. Причем ввиду морозов пленных в декабре препровождали через Торопецкий уезд на подводах, что не было предусмотрено предписанием от 29 августа. Когда же выделенных городничим шуб было недостаточно, пленных препровождали в одежде, временно взятой у обывателей [53]. А сам П.И. Шаховской обратился 6 декабря к Новгородскому гражданскому губернатору П.И. Сумарокову с просьбой вернуть одежду, в которой пленные были доставлены в Старую Руссу [54].

Пока губернские власти пытались организовать снабжение пленных одеждой, из Петербурга за подписью С.К. Вязмитинова пришло предписание от 19 ноября – о снабжении пленных зимней одеждой [55]. В ответ 4 декабря 1812 г. П.И. Шаховской донес С.К. Вязмитинову об уже принятых мерах, которые выше перечислялись в статье. В частности, он писал и о том, что сбором и покупкой одежды для пленных поручено заниматься земским полициям, они же должны были следить и за качеством приобретаемой одежды [56].

Однако, несмотря на все предписания, Великолукский городничий жаловался 27 ноября губернатору, что не имеет никакого распоряжения насчет обуви и одежды для военнопленных [57]. Нормальному снабжению пленных мешало и то, что партии пленных нарушали установленные маршруты. Члены Опочецкого нижнего земского суда 12 декабря докладывали, например, губернатору, что партии отклоняются в разные стороны от основного тракта, не ставя в известность власти [58].

Особую опасность представляло решение о препровождении пленных от селения до селения с использованием одежды, временно взятой у обывателей. Впрочем, через какое-то время к губернским властям пришло осознание этой опасности. В предписании земским судам и исправникам от 6 декабря губернатор уточнил свое распоряжение. Он указал на необходимость оставлять больных пленных в госпиталях (хотя это было сформулировано еще в предписании 29 августа) и ни в коем случае не давать им взятой у обывателей одежды «во избежании заражения здоровых». В том же предписании от 6 декабря губернатор советовал склонять обывателей к предоставлению одежды для пленных «из человеколюбия», а не за вознаграждение и предписывал возвращать ее жителям только после тщательного окуривания [59]. Об опасности сложившейся практики в эпидемиологическом отношении еще 12 декабря доносил Опочецкий нижний земский суд. Суд обращал внимание губернатора на распространение болезней

среди конвойных, а также среди обывателей, получавших одежду, снятую конвойными с умерших пленных [60]. И 19 декабря последовало, наконец, предписание земским и городским полициям – одежду для препровождения пленных от селения до селения у обывателей не брать. Мотив – распространение болезней [61]. Взятую уже одежду предписано было вернуть назад, «порядочно выветрив и выкурив <…> со свидетельством лекаря, что сие не опасно» [62].

Тем не менее проблему снабжения пленных одеждой надо было как-то решать. Еще в сентябре-октябре 1812 г. жители отнюдь не были склонны к проявлению благотворительности по отношению к пленным [63]. По мере того, как изменялась обстановка на театре военных действий, а положение пленных становилось все более бедственным, проявления благотворительности, стимулируемые к тому же властями, стали встречаться чаще. Однако они продолжали оставаться скорее символическими. Так, к 30 ноября в Порхове было пожертвовано 61 пара лаптей (по сути, это был «добровольный» налог, взятый с 1200 купцов и мещан, исходя из расчета одна пара с 20 душ) [64]. В конце 1813 г. в Порховской городской думе была составлена ведомость о поступивших пожертвованиях для пленных. Среди пожертвованного были четыре кафтана (два новых и два ветхих), четыре армяка, две ветхие шубы, один жилет, двадцать четыре рубахи, 168 пар новых чулок (а также две пары поношенных и три ветхих), 77 пар новых рукавиц, две фуражки и далее в таком же духе. Обращает на себя внимание лишь большое количество пожертвованных лаптей (1362) и новых суконных онучей (997). Большинство этих вещей, однако, осталось неиспользованной, причем часть их была «потрачена мышами» [65]. Не лучше дело обстояло и в других городах. Опочецкий городничий, например, доносил 1 декабря, что жители пожертвовали всего десять пар лаптей [66]. Ничего не пожертвовали к 17 декабря и жители Великих Лук, за исключением собранных по указанной выше раскладке лаптей [67]. В Холмском уезде было собрано 609 пар обуви (не указано, какой именно) [68].

Источниками снабжения пленных одеждой продолжали оставаться и воинские запасы. Так, для снабжения выходящих из Порховского госпиталя пленных губернатор П.И. Шаховской приказал в декабре 1812 г. наряду с одеждой, пожертвованной горожанами, отправить также оставшуюся в Острове без употребления рекрутскую одежду [69].

Производились и закупки одежды. В середине декабря, например, Псковским городским головой было приобретено 120 шуб и 993 аршина сукна на общую сумму 3678 руб. [70]. В Торопце же на поставки одежды никто не согласился [71]. А в Пскове были проведены торги на поставку одежды для военнопленных в соответствии с положением от 19 ноября. По

итогам торгов наименьшая цена на одежду для нижних чинов составила 73 руб. 10 коп., а на шинель и тулуп офицерам – 55 руб. Однако Холмский городничий Вендегак предложил более выгодные для казны цены [72]. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге разрешил построить одежду и обувь по ценам, предложенным Вендегаком, выдав деньги из казенной палаты. В итоге ему были ассигнованы деньги на «постройку» одежды для 50 офицеров (55 руб. за комплект) и 1000 нижних чинов (50 руб. 85 коп. за комплект) [73]. Губернатор П.И. Шаховской сообщил Вендегаку о принятом решении 22 декабря, а 24 декабря Главнокомандующий в Санкт-Петербурге предписал приостановить движение пленных (в Пскове предписание получено 30 декабря), так что действия Вендегака в некоторой степени утратили свою актуальность [74]. Одежду Вендегак отправил в Псков, Торопец, Великие Луки и Опочку только 21 января 1813 г. [75]. Потребность в собранной одежде отпала, и П.И. Шаховской разрешил по требованиям жертвователей вернуть ее им обратно [76]. Возвращены были даже лапти, собранные по раскладке с псковских удельных крестьян [77]. А вот вещи, пожертвованные жителями Порхова, обратно никто взять не захотел, что, по всей видимости, свидетельствует об их качестве [78]. В Псковской губернии на 15 февраля 1813 г. находилось 1133 пленных нижних чинов, не считая находящихся в госпиталях и перешедших в Русско-германский легион [79]. Одежды же было «построено» Вендегаком, согласно его рапорту от 26 июня 1813 г., на сумму 69110 руб. 70 коп. [80]. Проблемы со снабжением пленных одеждой возникали и в 1813 г. Губернатор П.И. Шаховской писал, к примеру, 6 октября 1813 г. Эльдерну, что «многие нижние чины, имея на себе одежду и обувь крайне ветхую, ходят по улицам, делая вид безобразия» [81].

Однако наиболее острой ситуация оставалась именно в ноябре–декабре 1812 г. По словам Торопецкого городничего, усилиями жителей и властей города и округи невозможно сохранить жизни пленных, «только разве с решением себя крайнейшей своей необходимости» [82].

Важной проблемой были и распространившиеся среди пленных болезни, угрожавшие не только самим пленным, но и населению. Опасность для местного населения пленные представляли еще на первом этапе войны. Так, 27 июля 1812 г. губернатор потребовал под угрозой суда от городничих запретить им свободное «хождение и сношение с обывателями», дабы пленные не имели случая делать «злонамеренные внушения» [83]. На втором этапе войны к этому прибавилась – и даже стала превалировать – опасность распространения эпидемии.

Из переписки губернатора с Островским городничим за декабрь 1812 г. ясно, что содержание пленных в Острове в отдельном доме в первую очередь вызвано невозможностью разместить их по квартирам, «так как они

одержимы разными болезнями» [84]. В последней декаде ноября Псковская врачебная управа по требованию губернатора предписала в торговых банях и домах жителей, где содержались французские военнопленные, с целью борьбы с болезнями провести «курение», а затем – на несколько дней оставить бани без отопления. Врачебная управа 24 ноября доносила губернатору, что заразительных болезней в городе обнаружено не было [85].

Еще 22–23 ноября 1812 года Псковский гражданский губернатор направил земским исправникам и городничим предписание. В этом документе П.И. Шаховской писал, что по доходящей до него информации, умершие пленные не предаются должным образом земле, а зарываются в снег «близ самых дорог или несколько в отдалении от оных в лесах», от чего весной может последовать «величайший вред и всеобщая зараза». Губернатор под страхом немедленного отрешения от должностей и судебного преследования предписывал представителям местной власти следить за тем, чтобы трупы погребались глубоко или, по крайней мере, засыпались известью. Губернатор предупреждал, что ежедневно будет отправлять чиновников и ревизоров для осмотра трактов, по которым двигаются пленные [86]. Такие чиновники были действительно назначены и периодически присылали губернатору донесения о состоянии трактов. В ответ на предписание губернатора земский исправник Опочецкой округи писал, что он еще 5 ноября предписал сельским заседателям, объезжая дороги, заниматься погребением оставленных мертвых тел [87]. Такое же распоряжение, еще до получения предписания П.И. Шаховского, дал сотским и Островский земский исправник [88]. Порховский городничий Ачкасов сообщал 2 февраля 1813 г., что за дорогами кроме десятских наблюдают еще три выбранные от «общества» человека [89].

Меры, предпринятые в этом отношении на уровне губернии, опередили соответствующие шаги Военного министерства. Управляющий Военным министерством А.И. Горчаков издал 3 декабря предписание, согласно которому в связи с освобождением внутренних губерний от противника батальоны внутренней стражи, незанятые выполнением приказаний М.И. Кутузова, должны были содействовать гражданскому начальству в предотвращении беспорядков и уборке мертвых тел [90]. Управляющий Вторым округом внутренней стражи полковник Касатовский направил для этого в Псковскую губернию двух офицеров, но, узнав, что эти функции уже выполняются местной администрацией, отменил свой приказ [91].

Однако, несмотря на изданные предписания, как следует из донесения, полученного из Опочецкого нижнего земского суда от 12 декабря, после прохождения пленных по дорогам остается множество трупов, которые обыватели закапывают в большие ямы, «отчего по наступлении

весны не могло бы последовать духоты». Кроме того, конвойные оттаскивают умерших в лес и зарывают в снег, и найти эти трупы не всегда возможно [92]. Четырнадцатого декабря губернатор издал циркулярное предписание земским судам, согласно которому они должны объявить крестьянам, чтобы они сообщали через сотских земскому суду о брошенных трупах [93].

Ситуация обострилась настолько, что власти вынуждены были прибегнуть к помощи церкви. Губернатор П.И. Шаховской 20 декабря направил Псковской духовной консистории отношение, в котором просил предписать священникам внушить верующим меры предосторожности от заразных болезней. Эти меры состояли в следующем. Жители селений, расположенных в местах препровождения пленных, должны были окуривать дома можжевельником. Под страхом суда категорически запрещалось пользоваться или продавать одежду с умерших пленных. Трупы пленных следовало зарывать вдали от селений и ставить об этом в известность земский суд [94].

Петербург всерьез занялся этой проблемой лишь в середине декабря. Так, 16 декабря 1812 г. Медицинский департамент Министерства полиции направил губернаторам предписание с требованием «оградить жителей от больных военнопленных и принять меры к ограничению распространения повальных болезней, возникающих от проходящих пленных и неубранных тел» [95]. Получено же оно было только через неделю, так как только 23 декабря губернатор сослался на него в предписании земским судам. В предписании губернатор требовал сжигать (со ссылкой на соответствующий рескрипт императора) или глубоко зарывать трупы пленных, а также предоставлять пленным помещения, «отдаленные от общих жилищ». Осуществление этих мероприятий возлагалось на уездных стряпчих, которые должны были привлекать к этому дворянство, купечество и врачей [96]. И лишь 28 декабря министр полиции А.Д. Балашев направил П.И. Шаховскому копию Высочайшего указа, подписанного еще 3 декабря, которым предписывалось сжигать во избежание эпидемии непогребенные трупы, а контроль за этим возлагался на Министерство полиции [97]. Как видно из вышеизложенного, псковские губернские власти начали предпринимать меры по отделению пленных от местных жителей и по уборке трупов задолго до категорических предписаний центральной власти.

Именно угроза распространения эпидемии (а не забота о бывших воинах наполеоновской армии) стала главным мотивом для принятого в декабре решения о приостановления движения пленных. Это видно как по журналу заседания Комитета министров 17 декабря, так и по циркулярному предписанию за подписью Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 24 декабря. Мотив заботы о самих пленных в этих

документах не прослеживается [98]. Получив это циркулярное предписание, П.И. Шаховской направил 30 декабря соответствующие распоряжения местным властям. Согласно им, в частности, больные пленные должны были отделяться от здоровых, им запрещались контакты с местным населением.

Тогда же П.И. Шаховской предписал избрать особого чиновника из дворян, «благонадежного человеколюбивого и благоразумного», за действия которого будет нести ответственность предводитель дворянства. Этот чиновник должен заботиться об одежде и своевременном продовольствовании пленных, следить за тем, чтобы обыватели «обходились с ними ласково», а пленные, в свою очередь, вели себя добропорядочно и не причиняли жителям никаких обид. Этот чиновник должен был еженедельно подавать губернатору списки пленных. В его подчинение для надзора за пленными должны были быть откомандированы унтер-офицер или двое рядовых внутренней стражи, а также несколько десятских [99]. Все эти распоряжения конца 1812 г. означали наступление нового этапа в решении вопроса о военнопленных. Система управления военнопленными должна была измениться. До этого, в условиях чрезвычайной военной ситуации, этим вопросом занимался непосредственно губернатор, а на территории Пскова они находились в ведении командира гарнизонного батальона Эльдерна. Теперь же, когда предполагалось, что острота вопроса спадет, управление передавалось дворянскому чиновнику. Впрочем, судя по документам, Эльдерн тоже продолжал заниматься проблемами военнопленных.

Проблемой захоронения умерших военнопленных власти вынуждены были заниматься и в наступившем 1813 г. В предписании от 18 января П.И. Шаховской вновь требовал от местных властей, чтобы трупы зарывались глубоко, а могилы сверху засыпались известью, камнями и хворостом [100]. В предписании городничим и земским судам от 14 февраля 1813 г. П.И. Шаховской сообщает о том, что по сведениям Министерства полиции еще не все тела погребены, и предписывает зарывать их в ямы не менее трех аршин глубиной, засыпать их известью или золой, а также насыпать сверху на могилы землю [101].

Однако извести в распоряжении властей не было. Поэтому губернатор в феврале приказал провести торги на поставку извести. Все расходы по этим поставкам брала на себя казна. Комиссия же Псковского комиссариатского депо должна была определить, сколько именно извести необходимо [102]. Собравшаяся на заседание комиссия пригласила также управляющего округом внутренней стражи, членов Псковской врачебной управы, главного лекаря Псковского военного госпиталя, а также правящего должность полицмейстера. В результате совместного обсуждения были выработаны

необходимые противоэпидемические мероприятия. На могилы следовало насыпать не менее полутора метров песка и уложить каменные плиты. Немногочисленных умирающих в Псковском военном госпитале предлагалось, как и ранее, хоронить в гробах. В обывательских домах, где находились больные, было признано необходимым побелить известью стены. Выяснилось также, что во многих домах, где находились пленные, не было «нужных мест» и они испражнялись во дворах. Такая же ситуация была и в здании присутственных мест, где находился госпиталь, и где «до устроения нужных мест испражнялись больные вокруг оного» здания. Поэтому все эти отхожие места до весны следовало засыпать известью [103]. В феврале 1813 г., когда началась оттепель, выяснилось, что в госпитале в Порхове не вычищены нечистоты. Губернатор в связи с этим 20 февраля предписал городничим проверить состояние госпиталей и потребовал от комиссии Псковского комиссариатского депо приведения их в порядок [104]. Однако предписание выполнено не было, и Псковская врачебная управа 6 марта сообщила губернским властям, что в Порхове из госпитальных «нужных мест происходит по улицам мерзительный запах, от которого весьма лехко могут заразиться жители» [105]. Вместе с тем Порховский городничий сообщил 16 марта, что еще до получения соответствующего предписания могилы пленных были засыпаны золой [106]. Несмотря на все предписания, не был наведен порядок и в самом Пскове. Согласно рапорту полицмейстера от 18 марта 1813 г., около домов, занимаемых госпиталями «по теперешнему теплому времени духота». А выгребная яма перед зданием корпуса присутственных мест так и не засыпана известью [107]. Опочецкий земский суд сообщал 27 марта, что хотя в общих могилах и похоронено около 1200 человек, по лесам и оврагам все еще обнаруживаются мертвые тела [108].

Организацией работ по засыпке могил занимался Псковский вице-губернатор Х.П. Ренненкампф. Однако у губернатора вскоре возникли к нему претензии. Так, 6 апреля 1813 г. П.И. Шаховской писал, что по доходящим до него сведениям, казенные подряды на засыпку мелко закопанных трупов в Пскове берут на себя чиновники, которые либо должны заниматься этим по должности, либо те, кто сам не может выполнить работы и передает их третьим лицам, что ведет к росту цен. В итоге стоимость работ грозит возрасти до 13 тыс. руб. Губернатор П.И. Шаховской указывал, что жители якобы готовы проводить эти работы бесплатно, а также предлагает использовать в качестве рабочей силы оставшихся в живых военнопленных [109]. Однако дело обстояло сложнее, чем думал губернатор. Еще 5 апреля правящий должность Псковского градского головы Воскобойников сообщил Х.П. Ренненкампфу, что общество купцов и мещан отказывается собираться для обсуждения вопроса о бесплатной засыпке могил. Многие от-

казались и от сделанных персонально предложений властей, сославшись на то, что «без мнения общества не могут решиться на это» [110]. Ввиду такой ситуации для экономии средств Воскобойников предлагал вице-губернатору даже отказаться от обкладки могил плитами [111]. Вместе с тем Псковский полицмейстер потратил на засыпку известью могил собственные 200 руб. [112]. В Порхове городничему удалось склонить жителей бесплатно засыпать могилы [113]. В Опочке по итогам торгов соответствующий подряд на сумму 1725 руб. достался купцу Матвею Никитину. Однако деньги от казны он не получил даже к апрелю 1815 г. [114].

Еще одной проблемой, о которой следует сказать, был учет пленных. В течение 1812 г. для ряда категорий пленных, прежде всего для испанцев и португальцев, были увеличены нормы денежного содержания. Однако выполнить эти предписания было непросто. Чиновников, знавших иностранные языки и могущих составить списки пленных, не было. Торопецкий городничий сообщал 5 декабря губернатору, что в городе «нет таких людей, кто бы мог сделать верный с иностранного на российский перевод», и поэтому все пленные снабжаются одинаково [115]. Для разбора пленных в Порхов власти вынуждены были откомандировать офицера российско-германского легиона. Он должен был отобрать и доставить в Псков пленных немцев, желающих вступить в легион. В Псковском гарнизонном батальоне подходящего офицера для этой миссии не нашлось [116].

Среди знаменитых пленников, побывавших в Псковской губернии, следует назвать генерала Пуже. Попав в плен, генерал обратился через П.Х. Витгенштейна к Императору Александру Первому с письмом, в котором, напомнив о личном знакомстве, просил о размене или об отпуске под честное слово. В просьбе Александр Первый отказал, но предписал оказывать «всевозможное пособие в доставлении покойной повозки и облегчении прибытия до назначенного <…> места». Полоцкий плац-майор писал П.И. Шаховскому 19 ноября 1812 г., что пленный генерал 2-й дивизии 2-го корпуса барон Пуже вместе с его адъютантом майором Нейшетелем, секретарем и двумя денщиками отправлен в Псков в сопровождении майора XII дружины Санкт-Петербургского ополчения Татищева. Плац-майор сообщал также, что Пуже прибыл в Полоцк 26 октября, и что на дорогу ему, за отсутствием инструкции о содержании пленных генералов, выдано 100 руб., а майору выдавалось по 2 руб. в сутки. От Татищева плац-майор требовал вследствие предписания П.Х. Витгенштейна делать пленным «всякое пособие» [117]. Приведенные сведения подтверждают наблюдения историка В.А. Бессонова о том, что нормы содержания пленных, установленные в войсках, сформулированные в июне 1812 г. начальником Главного штаба 1-й армии Ф.О. Паулуччи на основе предписания военного

министра, применялись в течение 1812 г., по крайней мере, до октября, в том числе и после издания предписания Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова от 29 августа [118]. Кроме того, как видно из документа, Полоцкий плац-майор вообще был плохо осведомлен в нормах, касающихся содержания военнопленных: нормы содержания пленных генералов были сформулированы как в постановлении Ф.О. Паулуччи, так и в предписании С.К. Вязмитинова. Прибыв 23 ноября в Псков, Пуже обратился к П.И. Шаховскому с просьбой отправить его в Петербург и был оставлен в Пскове до решения вопроса [119]. В конце концов, Император разрешил пленнику отправиться в столицу Империи, приказал выдать ему 1000 руб. (деньги были отпущены Псковской казенной палатой 4 декабря 1812 г.) и снабдить в дорогу «хорошей повозкой, шубой и всем для спокойствия в пути нужным» [120]. В Петербург Пуже отправлен 8 декабря, а прибыл в российскую столицу 13 декабря 1812 г. [121]. Сопровождавших же генерала чиновников было приказано оставить в Пскове, а затем отправить во внутренние губернии [122]. В делах Государственного архива Псковской области содержатся данные о формировании в Пскове частей для Российско-германского легиона. Формирование этого легиона началось в Ревеле. Именно туда на первых порах и отправлялись поступившие из корпуса П.Х. Витгенштейна в Псковскую губернию дезертиры и немецкие военнопленные, пожелавшие вступить ряды легиона. В Ревель из Пскова отправлялись также испанские и португальские пленные, которым на первых порах (наряду с голландскими пленными) также предлагалось вступить в легион [123]. Соответствующий ордер об отборе желающих служить в немецком легионе испанцев, португальцев и подданных государств Рейнского союза был направлен П.И. Шаховским в адрес городничих 29 октября (и получен, в частности, в Торопце 7 ноября) [124]. Власти следили за соблюдением такой «сортировки» пленных. В частности, 8 ноября 1812 г. по предписанию Эстляндского гражданского губернатора барона Икскуля прибывшие вместе с испанцами, португальцами и немцами девять французов, очевидно, желавших избежать отправления во внутренние губернии России, были возвращены обратно в Псков [125]. Однако ситуация менялась быстро. В октябре 1812 г. легион был переведен в финляндский город Борго. В связи с этим, 2 ноября Икскуль писал П.И. Шаховскому, чтобы тот отправлял теперь испанцев и португальцев к Петербургскому коменданту, немцев же, желающих вступить на службу в легион – в Финляндию к полковнику Ареншильду, а не желающих быть в службе – в Нарву, «в крепостную работу» [126]. В Торопце же, к примеру, как видно из документов, не успели к этому времени получить еще даже предыдущего распоряжения. Однако уже 16 ноября П.И. Шаховской писал Эльдерну, что получил от ге-

нерал-майора Гогеля письмо от 10 ноября о том, что Комитет для управления германскими делами, членом которого тот являлся, решил оставить пленных, прибывающих из корпуса П.Х. Витгенштейна, на первых порах в Пскове. Генерал Гогель просил П.И. Шаховского оказывать им «нужные пособия в то короткое время, которое они должны будут пробыть в Пскове», и обещал вскоре прислать офицера, в ведении которого будут находиться эти пленные [127]. Этим офицером оказался отправленный из Петербурга в середине ноября полковник граф Шазот (другое написание – Шассот) – шеф 2-й бригады Российско-германского легиона, которую ему только еще предстояло сформировать [128].

Однако Шазоту в первую очередь пришлось заниматься не военными вопросами, а бытовыми. Так, 2 декабря 1812 г. он жаловался губернатору, что «в отведенных домах <…> для нижних чинов хозяева не дают дров как для варки, так и для отапливания», и просил об отпуске дров и свечей на 160 чел. (такова на тот момент численность солдат легиона в Пскове). Резолюция губернатора была положительной; были отпущены дрова, для освещения канцелярии и лазарета – масло и свечи в соответствии с нормами, установленными для российских полевых полков и воинских команд [129]. В тяжелом положении находились и офицеры легиона. Сменивший умершего 30 декабря 1812 г. графа Шазота командир батальона капитан Фиркс писал губернатору, что он живет за свой счет в трактире вдовы Штосовой, и просил предоставить ему и другим офицерам легиона, положение которых «гораздо худшее», особую квартиру [130].

Ситуация в Пскове в декабре 1812 г. была сложная: через город проводили пленных, которым делали тут «разбор», шли рекруты, в лазаретах было множество больных, которых за недостатком места приходилось размещать по квартирам обывателей, что создавало в свою очередь угрозу эпидемии. Изложив эти обстоятельства, 18 декабря губернатор обратился к Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову с просьбой вывести легион за пределы Псковской губернии [131].

Легион покинул Псков 20 января 1813 г. Губернатор П.И. Шаховской предписал Псковскому земскому суду предоставить легиону подводы за указные прогоны, оказывать пособие в отводе по тракту квартир, но вместе с тем следить за тем, чтобы проходящие войска не причиняли обывателям ущерба, и «за все забираемое у них деньгами платили сполна» [132]. Однако в Пскове осталась часть представителей легиона под командованием поручика Шкорка, которые продолжали вербовку в легион и отправляли поступивших вслед за основной его частью в Ригу и Кенигсберг (данные на июнь 1813 г.) [133].

Отношение к легиону среди немецких военнопленных было неоднозначное, особенно на первом этапе его существования. В ноябре 1812 г. до Императора дошла жалоба на 39 баварских офицеров, находившихся в Псковской губернии. Офицеры просили пособия на одежду, прибавки порционных денег, «которыми пропитать себя не в состоянии», а также приостановки на период холодов их препровождения во внутренние губернии. Император Александр Первый приказал снабдить их одеждой, обувью, приостановить отправление, в два раза увеличить порционные деньги и предложить поступить в российско-германский легион. Однако уже 4 декабря П.И. Шаховской донес С.К. Вязмитинову о том, что был вынужден отправить этих офицеров вглубь России, ибо они «худо чувствуют милости к ним государя императора» и по донесению полковника Шазота ведут непозволительные разговоры [134].

Положение пленных в Псковской губернии в ноябре–декабре 1812 г. позволяет сделать некоторые наблюдения общего характера. Указанный период, совершенно очевидно, характеризуется наиболее резким разрывом между законодательством и практикой препровождения и содержания военнопленных. Основная причина этого – в их огромном количестве, явно превышавшем возможности разоренной страны. В этих чрезвычайных условиях власти в центре и на местах предпринимали попытки облегчения участи военнопленных, но, судя по смертности, – малоуспешно. Так что можно говорить о гуманитарной катастрофе, произошедшей в близких к театру военных действий губерниях России. Налицо было явное запаздывание в принятии решений, особенно на уровне центральных органов управления, распоряжения которых имели скорее реактивный характер. Причем ситуация менялась гораздо быстрее, чем на нее реагировали. Это видно на примере принятия решения о пошиве одежды для пленных: от предписания С.К. Вязмитинова до решения о выделении денег Вендегаку прошло более месяца, и к тому времени ситуация уже изменилась, хотя и продолжала оставаться острой. Местным властям в этих условиях приходилось самостоятельно решать некоторые вопросы, опережая решения центральных органов. Это касается как снабжения одеждой военнопленных, так и системы контроля за дорогами в целях обеспечения противоэпидемиологических мероприятий. Мероприятия местной власти, призванные заботиться о пленных (использование одежды населения для препровождения пленных), т.е. отчаянные попытки решить гуманитарный вопрос, приходили в столкновение с интересами безопасности страны. Решение о препровождении пленных с использованием собранной у населения одежды вело к ухудшению эпидемиологической ситуации. Это противоречие подчеркивает лишь тупиковость ситуации конца 1812 г. В принятии решения на

имперском уровне о приостановке превалировали все-таки не гуманитарные соображения, а страх перед эпидемией. Вместе с тем следует отметить и плохое знание местными властями общероссийского законодательства, что приводило к дополнительной переписке и проволочкам. Не отличалось большой активностью в помощи пленным в эти критические месяцы и население Псковской губернии, что вполне объясняется ее близостью к театру военных действий.

Литература и источники

1. О положении пленных в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. см.: Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле-октябре 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 207–216.

2. Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 265

3. Там же. С. 325

4. Пленные в Псков прибывали через Опочку и Остров и отправлялись в Новгород. Другими маршрутами были Торопец – Холм – Старая Руса – Новгород, а также Великие Луки – Порхов – Сольца – Новгород. Об этом см.: Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 384. Л. 315. Впрочем, в маршрутах передвижения пленных бывали и сбои. В частности, в конце октября – начале ноября 1812 г. П.Х. Витгенштейн отправил две партии пленных на Псков через Новоржев. Городничий, не располагавший соответствующими предписаниями и суммами на содержание пленных, не выдал конвойному офицеру одной из партий прапорщику Злотникову необходимых денег, в результате чего Злотников вынужден был содержать пленных за свой счет. (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 132, 172, 178).

5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 109.

6. Там же. Л. 115.

7. Там же. Л. 130.

8. Там же. Л. 236.

9. Там же. Л. 137.

10. Там же. Л. 160.

11. Там же. Л. 168.

12. Там же.

13. Там же. Л. 205

14. Там же. Л. 185

15. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1899. Вып. 10. С. 147.

16. Там же. С. 148

17. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 67.

18. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 143.

19. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 19, 20.

20. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 273.

21. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 391. Л. 4.
22. Там же. Л. 10
23. Там же. Л. 47
24. Там же. Л. 36.
25. Там же. Л. 8.
26. Там же. Л. 15.
27. Там же. Л. 21.
28. Там же. Л. 25
29. Там же. Л. 47 об.
30. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 263–264.
31. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 391. Л. 30.
32. Там же. Л. 40.
33. Там же. Л. 6, 7, 32.
34. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 7.
35. Там же. Л. 3.
36. Там же. Л. 5.
37. Там же. Л. 8.
38. Там же. Л. 17.
39. Там же. Л. 15.
40. Там же. Л. 21.
41. Там же. Л. 24.
42. Там же. Л. 26, 31.
43. Там же. Л. 31, 35.
44. Там же. Л. 59.
45. Там же. Л. 23, 31, 33.
46. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1889. Вып. 2. С. 163–165.
47. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 197.
48. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 29.
49. Там же. Л. 205.
50. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 258.
51. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 51.
52. Там же. Л. 54.
53. Там же. Л. 68.
54. Там же. Л. 58.
55. Там же. Л. 39–40.
56. Там же. Л.48.
57. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 207.
58. Там же. Л. 268 об.
59. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 56.
60. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 259.
61. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 66.
62. Там же. Л. 77.
63. Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 года // Проблемы изучения истории Отечествен-

ной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 215.

64. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 52.
65. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 453. Л. 129–130 об.
66. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 55.
67. Там же. Л. 80.
68. Там же. Л. 109.
69. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 242.
70. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 63.
71. Там же. Л. 70.
72. Там же. Л. 49.
73. Там же. Л. 78–79.
74. Там же. Л. 75, 82.
75. Там же. Л. 95.
76. Там же. Л. 119; Д. 453. Л. 38.
77. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 128.
78. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 453. Л. 123.
79. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 148.
80. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 453. Л. 4.
81. Там же. Л. 56.
82. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 387. Л. 54.
83. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 385. Л. 2.
84. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 257.
85. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 6.
86. Там же. Л. 2–4.
87. Там же. Л. 8.
88. Там же. Л. 9.
89. Там же. Л. 38.
90. Там же. Л. 15.
91. Там же. Л. 23.
92. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 259.
93. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 26.
94. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 152 (К.А. Военский). Оп. 1. Д. 278. Л. 10, 11.
95. Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Дис. на соиск. … канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 102.
96. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 28.
97. Там же. Л. 32–33.
98. Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I, 1802–1826. Т. 2: 1810–1812. СПб., 1891. С. 646–647; ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 279.
99. Там же. Л. 280–281.
100. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 39.
101. Там же. Л. 46.
102. Там же. Л. 59.

103. Там же. Л. 69–70.
104. Там же. Л. 52.
105. Там же. Л. 71.
106. Там же. Л. 94.
107. Там же. Л. 76.
108. Там же. Л. 101.
109. Там же. Л. 106.
110. Там же. Л. 108.
111. Там же. Л. 107.
112. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 485. Л. 2.
113. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 390. Л. 127.
114. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 485. Л. 3.
115. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 252.
116. Там же. Л. 248.
117. Там же. Л. 187.
118. Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Дис. на соиск. … канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 93, 99.
119. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 198.
120. Там же. Л. 217, 223.
121. Там же. Л. 226, 244.
122. Там же. Л. 223, 244.
123. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 492. Л. 28.
124. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 388. Л. 186.
125. Там же. Л. 158.
126. Там же. Л. 163.
127. Там же. Л. 177.
128. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 366. Л. 2–3.
129. Там же. Л. 5, 9.
130. Там же. Л. 8.
131. Там же. Л. 7.
132. Там же. Л. 26, 27.
133. Там же. Л. 26, 45.
134. ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 277. Л. 18, 20.

А.Н. Галямичев*, В.П. Тотфалушин**

ДОСТОПАМЯТНЫЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ: ПОХОД И ПЛЕН В РОССИИ. ИЗ АНОНИМНОГО ДНЕВНИКА НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА

В 1812–1814 гг. тыловые губернии России стали местом размещения военнопленных Великой армии Наполеона. Многие из них по возвращении домой оставили подробные воспоминания о своем участии в походе в Россию и годах русского плена. Однако эти сочинения, изданные в разных странах Европы, как правило, еще в XIX в., до сих пор почти не известны краеведам. Между тем, в них содержится интереснейшая информация о городах и селениях, нравах и обычаях жителей русской провинции, их одежде и пище…

Одним из подобных трудов являются настоящие мемуары [1], хранящиеся в фонде «Россика» Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [2]. Публикуемый в настоящем издании отрывок из аналогичных источников представляет собой повествование, связанное с пребыванием пленных на территории Саратовской губернии и содержит ее описание. На русском языке документ публикуется впервые.

* * *

<…> 16 ян<варя 1814 года> мы прибыли в Тамбов (Tambow), где нас разместили на сквернейшей квартире, и пробыли там двенадцать дней. Во время нашего пребывания в Тамбове сюда прибыл крупный офицерский транспорт из Саратовской губернии, который отправился в дальнейший путь вместе с нами, так что теперь наш транспорт насчитывал не менее 90 офицеров [3]. *Нам и прежде было непросто раздобыть необходимое количество лошадей* [4]*, теперь же найти их стало гораздо труднее. Это весьма осложняло наше путешествие, однако оно оставалось все же приятным; присоединившиеся к нам офицеры были в высшей степени остроумны и интересны, и мы очень близко сошлись с ними.*

Эти пленные офицеры рассказали мне кое-что о Саратовской губернии. Саратов (Saratow) имеет удачное местоположение и является красивым городом; он расположен на крупной реке Волге, ширина которой достигает пяти-шести, а летом — трех верст. В этой губернии насчи-

*__Галямичев Александр Николаевич__ (Саратов) – профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук.

**__Тотфалушин Виктор Петрович__ (Саратов) – доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук.

тывается сто четыре немецких поселения [5]*, среди которых есть один город* [6]*, именуемый Екатериненштадтом (Katharinenstadt).*

Немецкие поселенцы были очень рады тому, что получили возможность вновь встретиться со своими соотечественниками; все они все еще носили точно такую же одежду, как в Германии, и все говорили по-немецки [7]*; между прочим, они весьма зажиточны и все без исключения чрезвычайно гостеприимны. Налоги, которые они уплачивают короне, невелики* [8]*. Они подчиняются непосредственно правительству* [9]*, и поэтому их поселения называются императорскими* [10] *селами. Много таких сел имеется и в других областях России, но они населены русскими, которые находятся в точно таком же положении и являются гораздо более зажиточными, чем помещичьи крестьяне, и это только потому, что они ощущают себя более свободными и не испытывают такого гнета, как последние. Эта губерния граничит с азиатскими степями, в которых обитают киргизы* [11]*, разбойничий кочевой народ, а поскольку большинство немецких сел расположено на левом берегу Волги, то часто случалось так, что киргизы совершали на них набеги, грабили и разоряли поселения и даже захватывали в плен людей и продавали их в рабство в дальние страны* [12]*. Теперь этому ужасу, однако, положен конец. По мудрому решению русского правительства, в настоящее время, как мне рассказывали, на границе выставлены многочисленные заставы из татар и башкир, и даже если киргизы осмеливаются совершить набег, им не удается перейти границу и они, как правило, убираются восвояси, несолоно хлебавши* [13]*. В самом Саратове проживает много немцев, которые держатся здесь очень сплоченно* [14]*. Религиозные учреждения очень хороши, хотя, конечно, к духовным пастырям нельзя предъявлять те же самые требования, что в Германии. Люди же очень религиозны.*

Для всех товаров, которые доставляются по реке Волге из Азии, Саратов является складочным пунктом, что придает облику города особую оживленность. Прекрасные кони, которые представляют собой украшение русской армии, поставляются по бóльшей части с противоположного берега Волги [15]*. Один из моих друзей рассказал мне, как целые табуны коней переправляются через широкую реку* [16]*. Обычно они сотнями пригоняются небольшим числом калмыков или башкир в расположенный напротив Саратова казачий городок (Kosakenstadt)* [17]*; оттуда весь табун загоняется в реку, которая становится всё глубже и глубже. Один из табунщиков скачет верхом впереди, и весь табун следует за ним. Когда становится так глубоко, что продвигаться дальше кони могут только вплавь, табунщики крепко хватаются за длинные гривы коней и прыгают в реку; первый конь обучен плыть точно в то место, где табуны*

обычно выходят на противоположный берег; за ним следуют все остальные и лишь изредка такая переправа для кого-то из коней заканчивается неудачей. Как раз при переправе транспорта, за которым наблюдал мой друг, уже недалеко от берега один из коней запутался в корягах, которые здесь и там попадаются в реке, и утонул. Плывшие следом табунщики, прежде чем он полностью ушел под воду, успели набросить ему веревку нашею и, достигнув берега, вытащили его из реки, разожгли костер и во время отдыха после переправы с огромным аппетитом пожирали мясо утонувшего коня.

Поскольку эта губерния очень велика, многие местности в ней до сих пор остаются невозделанными. Здесь сохранился особый вид ласки или хомяка (название этого животного выпало из моей памяти) [18]. *В хорошую погоду эти зверьки сидят возле своих жилищ и издают ужасный крик; когда к ним приближаются люди, зверьки, словно мыши, ускользают в свои норы и лишь изредка удается поймать кого-то из них.* <…>

Литература, источники, комментарии

1. Merkwürdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegs-Gefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Officiers. Stuttgart, 1817.

2. См.: Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ: Систематический указатель. СПб., 1993. Вып. IV. С. 193.

3. О том же см.: Иелин Х.-Л. фон. 1812 год: Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 77.

4. По предписанию от 29 августа 1812 г. на каждую пару пленных офицеров полагалась одна пароконная подвода.

5. Всего к концу XVIII в. в Саратовском наместничестве по обоим берегам Волги было основано (по разным данным) от 102 до 106 колоний. Подробнее об этом см.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 85; История Саратовского края с древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие для средних и старших классов школ всех типов. Саратов, 2000. С. 71; Герман А.А., Плеве И.Р. Немцы Поволжья. Краткий исторический очерк: Учебное пособие. Саратов, 2002. С. 29.

6. Распространенная ошибка, связанная с названием колонии.

7. Это объясняется тем, что последние переселенцы прибыли на Волгу в середине 70-х гг. XVIII в. – примерно за сорок лет до описываемых событий.

8. Колонисты освобождались от «всяких налогов и тягот» на три десятилетия. Через десять лет переселенцы начинали погашать беспроцентную ссуду, полученную от государства на строительство, закупку скота, сельскохозяйственного инвентаря и т.д. Об этом см.: Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 60–61.

9. Главным административным учреждением волжских колоний была Саратовская контора опекунства иностранных, которая подчинялась Департаменту государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел.

Об этом см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. перв. Т. 31. № 24714. С. 809–810.

10. Вернее называть их казенными или государственными.

11. В то время в Заволжье кочевали казахи, которых тогда называли киргизами или киргиз-кайсаками.

12. О набегах см.: Плеве И.Р. Восстание Пугачева, набеги киргиз-кайсаков и немецкие колонисты Поволжья // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1998. Вып. 3. Ч. 1.

13. В конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. от низовой Волги до Ахтубы и далее к Эльтону и Узеням была учреждена постоянная кордонная линия с несколькими форпостами, на которой служили казаки Астраханского казачьего полка, а также калмыки.

14. В Саратове они селились во втором и третьем кварталах Немецкой слободы (позднее ул. Немецкой).

15. В 1812 г. Саратовской губернией было поставлено для гвардии и армии 375 кавалерийских лошадей, а в 1813 г. – 500 артиллерийских и 1000 кавалерийских лошадей. Об этом см.: Хованиский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 40, 77.

16. Возможно, им был уроженец Ганновера Карл Антон Вильгельм фон Ведель (1790–1853), граф, сын бригадного генерала Герхарда Густава, лейтенант 9-го польского шволежерского (легкоконного) полка 1-й легкоконной дивизии 1-го кавалерийского корпуса Э.-А. Нансути, в мемуарах которого содержится рассказ о подобной переправе. Подробнее об этом см.: Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Ruβland 1812 in russische Gefangenschaft 1813 bis 1814 im Feldzuge gegen Napoleon 1815. Lebenserinnerungen von Carl Anton Wilhelm grafen von Wedel. Berlin, 1897. S. 211–213.

17. Покровская слобода (позднее Покровск, ныне город Энгельс).

18. Речь идет о сусликах.

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЗ АРХИВА МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

В научном архиве Муромского музея хранятся пятнадцать писем времен Первой мировой войны, переданные членом Муромского подотдела по охране памятников искусства и старины В.А. Вощининым 5 ноября 1919 г. Почти все письма адресованы в семью Вощининых, в том числе и В.А. Вощинину. Писаны они в разных местах и разными людьми – как коренными муромцами, так и теми, кого война занесла в уездный Муром, но так или иначе связала с местной купеческой семьей [1]. При публикации сохранена орфография авторов писем.

Документ 1

Текст напечатан на машинке на двух сторонах листа писчей бумаги форматом 22 Х 34 см. Бумага пожелтела, края замяты, имеются прорывы (видимо, следы сшивки), чернильные пятна, перегибы от складывания листа вчетверо. На лицевой стороне в верхнем правом углу пагинация «1.». На обороте в нижнем левом углу карандашом обозначен номер М-16/84/1. Справа выше подчеркнутая надпись синими чернилами «Р 49». В тексте встречаются элементы старой орфографии. Подпись и дата нанесены от руки черными чернилами.

Л. 1

В Муромский Подотдел по охране памятников искусства и старины
Члена его архивиста В. А. Вощинина
Доклад.

В истории человечества переживаемое врем<я> — великая война и революция, знаменательно тем, что действующими лицами явились огромные до сих пор немыслимые массы народа в лице солдат, матросов, рабочих. Благодаря большей степени грамотности, сознательности, а также и развитию почтовых отношений, в стране осела масса жизненно характерных «человеческих» документов в форме солдатских писем с фронта и тыла, писем окопных рабочих-инородцев, милитаризованных рабочих, открыток из плена и проч. Этот богатейший для изучения Эпохи материал, передающий жизнь и чувства непосредственных участников и свидетелей великих событий грозит бесследно исчезнуть. Мобилизация, гражданская

война, эксцессы революции, волны беженцев в разных направлениях, передвижения за хлебом — все это разрушительно действует на хранение пис<ь>менных документов, и в задачу подотдела должно войти принятие мер по сохранению, регистрации и использованию в качестве сырого материала этих ценных памятников великой в истории всего человечества эпохи в виде писем, открыток, заметок, дневников, записных книжек, фотографии и прочих пис<ь>менных документов участников и свидетелей войны и революции. Ставя задачу создания такого архива подотделу, я предлагаю принять конкретные меры к ее осуществлению, именно: 1) Ознакомить путем рассылки копии этого доклада центр, местный отдел Народного Образования и Московский военно-революционный архив с характером наших работ в этом направлении и мер, нами принятых. 2) Выработать программу для собирания материалов архива войны и революции по возможности одинаковую с учреждениями, преследующими такие же в этом деле цели. Унификация описи сырых материалов одно из самых серьезных требований научной ценности всей работы. Составление самой описи требует большой опытности, чем механическое собирание писем. Необходимо, например, знать место написания письма или, по крайней мере, фронт, так как в письмах по военным соображениям запрещалось упоминать местонахождение воинской части. Крайне желательна и характеристика автора письма, его возраст, социальное положение и проч. Вообще же техническая сторона программы должна быть: хорошо разработана и выполнение ее находится под постоянным наблюдением члена коллегии подотдела. 3). Привлеч<ь> к выполнению программы кроме подотдела и местные культурно-просветительные организации в особенности их уездные ячейки, так как местные деятели лучше и полнее могут использовать программу

Л. 1об.

собирания. Подотдел непосредственно, а местный отдел Народного Образования через инструкторов и школьных работников будут руководить направлять и оживлять эту культурную работу.

Член Коллегии Подотдела по охране Памятников старины и Искусства

В. Вощинин *(подпись черн. чернила)*

г. Муром

5 Ноября 1919 г. (*от руки, черн. чернила*)

Документ 2

Рукопись черными чернилами с элементами старой орфографии на двух листах в линейку бумаги альбомного формата. Карандашом по вертикали разделены на пять столбцов. Листы согнуты поперек пополам,

в правом верхнем углу первого пагинация «2», второго — «3». В левом углу следы сшивки, на первом листе слева в углу подчеркнутая надпись синими чернилами Р 49.

Л. 2

Опись солдатским письмам, переданным в архив этнографического отдела историко-археологической секции

№	Дата письма	Место написания	Характеристика автора	Краткое содержание письма
1	1915 V	Петроград	Крестьянин Новгород. губ.	Забота о свидетельстве доктора
2	1915 VII	Петроград	Земледел. 40 лет, сем. грам.	Забота о своих деревенских нуждах
3	1915 II	Запад. фр.	Фермер Латвии, Витебс. губ. 26 лет. Холост, грамотн.	Самодельная карта места боя.
4	1914 XII	Полтав. губ.	Крест. Полтав. губ. 28 л. грамот. Холост развитой	Впечатление по приходе в свою деревню после ранения
5	1915 X	Ораниенбаум	Мещанин город<а> Мурома приказч 18 л холост грамот	Подробное описание пулеметов
6	1915 VIII	Витебск	Москвич, мелкий банковс чин 18 л холост средн. Образ	Время провождение службы
7/8	1916 IX XI	Кавк. фр.	Мещанин город<а> Мурома Приказч 30 л. женат грамот.	Обстановка жизни в горах для жителя равнины

9/10	1916 X XII	Брянск	Мещанин гор Мур Сознат рабочий 30 л женат грам	Тяжесть казарменной барачной жизни
11	1917 III	Кавказ. фр.	Крестьянин землепашец 18 л Муром. уезд холост грам	Обычное поздравительное письмо с собственноручным пасхальным рисунком
Л. 3 12	17 IX 1914	Рязань	Торговец Владим. губ. 20 л. холост Прапорщик	Жизнь в тылу
13	16 VII 1915	Западн. фр.	Мещанин города Мурома 30 л. Холост Чиновник	Переживания на фронте Революция на фронте
14	7 IV 1917	Западн. фр.	На немецком языке, захвачено при наступлении	
15	21 XII 1916	” ”	” ”	
16		Запад. фр.		Фотографичекая карточка немецк. солд.

Документ 3

Письмо 3

Написано простым карандашом на внутренней стороне сложенного вдвое листа в полоску размером 20,5 X 26 см. На внешней стороне листа фиолетовыми чернилами надпись «8» и ниже синим карандашом «№ 3». Еще ниже перевернутая надпись простым карандашом «получено 9го марта». На оборотной половине листа рисованная схема позиций.

1915 года 19 февралъ издрастита Дарогайя Баришня Наташа милаияй Баришна Я ужей (*два слова неразб.*) изй 8 февралъ седим Ялтйкй акопйкй ну дорогаияй Баришна Наташа ну нам Силчай й плока усей мокуй колотй й голотй усейу нада перенестй ну й плока ну небуду подавача немчим дотик(*неразб.*)рй пока жлажу рукй силчасй Баришна я очинй сердитй прама немчов Какй толкй впуйу то я никай ново непускаию Живо кому

штйком й стерлайу тожу досмертй й небуду випускат живо никаким родйм Кай победим немчов токда мй приедим вамй гости Досвиданй дарогаиа Бпришня Наташа мй йзесй деромса

Доминский Кейтя

Документ 4

Письмо

Написано зелеными чернилами на сложенном вдвое листе плохого качества писчей бумаги размером 22 Х 20 см. Правый и нижний края листа оборваны. На первой странице в углу фиолетовыми чернилами надпись «33», по правому края подчеркнутая пунктиром надпись красными чернилами «К. К. Р.» Бумага пожелтела. Орфография оригинала сохранена. Поскольку в тексте отсутствуют знаки пунктуации, разбивка на предложения произведена составителем.

С. 1

Письмо на родину к дорогой незабвенной горячо любимой доченьки Елизавети Ивановни

Здраствуй Лиза

Здраситвуй дорогая

Мая любимая дочурка спешу послать вам привет и от души ниско кланяюсь и желаю тебе всего наилучшаго в твоей жизьни в учении успеха и благополучия и доброй памяти и благоразумия. Линя увидомляю тебя что я сегодня получил письмо от вас которое вы писали с маменькой в Муроме и к глубокому моему удовольствию я узнал из него что вы поступили в школу учитца в 5 й класс за что приношу тебе глубокую благодарность за ваше внимание к просвещению. Помни меня на всегда грамоте учитца всегда пригодитца.

С. 2

А потому учис и ни когда ни ленис решай уроки что не удаетца добивайся спрашивай никогда не думай что пройдет и не зная. Это Линя плохой ученик так может думать правильное ученье за дали что чисто нужно во что бы то не стало его разрешить а в свободное время читай книги разных сочинений. Это очень будит полезно и вы будите иметь развлечение да еще пишите письма мне чаще и обо всем описывайтя как живете что вас учат какие выдали учебники какое выдают питание в столовой и что будут выдавать из одежды что заявляете учительницы и так же обувь. Я уверен и летой в школу естли бы вы сами были смелей к учительницы что все получила бы. На это<т> год будьте и к этому повнимательнее а естли что будит плохо и не будут обращать внимания то пишите мне. Я или вам по советую или что возможно приму те или другие меры.

С. 3

Еще Линя я прошу тебя передай от меня дорогой моей незабвеннай любезной мамыньки Александрии Димитривни нижайшее почтение и ниско я ей кланяюсь и целую дорогую мамашу и проси ее чтоб она простила меня несчаснаго сына и еще Линя передай от меня ниский поклон однокровному братцу Ивану Николаевичу и с супругой Юляй и с детками его и еще передай сестрице Наташе и дорогому зятю Ивану Вастльевичу от меня по нискому поклону. Еще кланяюсь дорогой сестрицы крестницы Аннушки и всем всем родственникам и по проси их линя получилиль они от меня письмо которое я послал Мамыньки с дороги и пропиши Линя как поживаит Мамаша и что у них новинькаго. Обних мне все время ни чего не извесно. Одно Линя прошу как можно подробнее описовай обо всем что и как во круг

С. 4

а то Линя я очень редко получаю от вас письма и мне под час стоновитца даже не выносимо. Я думаю по чему нет писем да бы валомто получил письмо оно половина половина не писано. Вы может быть мне и про это все обьясните. В следующещим письме опишите где на квартири на старой что ли али нет. Так вот так Линя что я здесь написал по старайся все это исполнит<ь>. Я буду ожидать и надеетца что вы мне обо всем опишите. Прости Линя. Целую тебя. Пиши в чем имеешь нужду. Адрист мой гор. Харьков управление снабжения Украинской запасной Армии хозяйственная команд(*нарезб*.)

Ива Ва Поляк

1920 года Октября 23 го дня

Документ 5

Письмо

Написано черными чернилами на сложенном поперек вдвое листе писчей бумаги размером 21 Х 27 см. Орфография оригинала сохранена. Поскольку в тексте отсутствуют знаки пунктуации, разбивка на предложения произведена составителем.

С. 1

Петроград 1915-го

Здравствуй Просковя Николаевна

Вопервых я шлью вам свой Ниской поклон и желаю я вам от души всего лечева еще клониюса вашым девочкам желаю всего хорошева. Еще я вас желаю уведомить Просковя Николаевна в том что я ваша писмо получил 13 Июля и вновь была от вашей милости послана мне напопирос 1 руб. денег за что я вас сердечно блогодорю. Дорогая Барыня Просковя

Николаевна еще вы мне сопчали что наверна заждался я, верна всо время ждал вашего от вета ну всодоки дождалса. Я знал что и некогда вам думаю что почтва на своей улицы не далеко апустить писмо ну да еще время рабочия. Я и то очина рад вашего писма. Спасиба милая Барыня Просковя Николаевна.

С. 2

Просковя Николаевна вы мне писали что в саду увас очина хорошай воздух все ростения зацвело ну и я то всо время споминал проваш сад. Мы вном тожа когда увас лежали и ходилигульять нам очена ндравилса ваш сад и наверна много всяких ягод и Яблоков. Да однем словом всего есть всаду и болшой. Еще я вам сопчаю что жара стаит и здесь в питрограде очена жарка ну и воскресеня 12 Июля был вечером дождь силный.

Просковя Николаевна а нащот нас неизвестна нечева пока а Толька евреев всех забирают где стаяли Ане в госпиталах и в лазоретах в запасные ботолион ета слыхать ановостей нету никоких.

С. 3

Дорогая и милая Барыня Росковя Николаевна вы мне пишити от насительна моего отпуска когда сминилса унас ротный и говорил что поочериди буду пускать побывать на родину а потом от минили чевота. Был уехали 8 человек а типера приказание получили говорил нам сам ротный что кончилса отпуск не лза пускать ни знаю почему а очена хотелось посмотреть домашние положение. Я со двора севона пулучил писмо. Пишут мне жена что трудна работать адной и всо дорога что нужда есть вовсем. Еще двое ребятишык есть у миньа мальчику 5 годок а деву(*неразб.*) 3 й годок. Нянку наняла им за 15 рублей в лета ну я знаю что ей трудна ну, я не магу помочь нечем, ей.

С. 4

Писать пока нечева. Я жив пака чево и вам желаю от Господа Бога. Всего лучева спасиба вам заваш гостиниц Просковя Николаевна.

Очена надоела Просковя Николаевна и строго очена и неизвестна когда дождатся трудная положение да еще и дома некому упровлати совсем пропащие мое дело что была припосона атиперя за год все, прожили что продала анажить некому помочи нету никакой. Способия дают на троих затри месица 15 руб. очино мала а, подати тожа плоить аброку надушу 9 руб. Скамейкам требуют анна мне пишит взать негде и я ей послал что мне негди взать мне врать досиба.

Из-за нехватки места подпись «Извесна Николай Евграфов» *в три строки помещена слева у начала абзаца* «Очена надоела…», *справа от нее вертикально* – «Волков». *Справа на полях вертикально приписка* «Какжа очина ане чуно думают».

Документ 6

Письмо

Написано черными чернилами на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 20,5 Х 26,5 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 4», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/88». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

С. Черкасовка 1914 г. 29 декабря.

Здравствуйте Пр. Н. Сегодня я получил Ваше посьмо зачто очень и очень благодарю. Шлю вам привет, уведомляю я Вам в том что праздники проходят не очень весело потому что унас через войну все игры запрещаются а еще потому что унас все праздники идут дожди так что хотя бы куда и пошол то очень мокро. Унас дивчата собирают каждый вечир навечерки то ото только ипровожу я там время. Та Ито не очень весело потому что унас хлопцив всех забрали на военную Службу, а уже с молодыми хлопцами нетак то весело гулять потому что я их мало ково знаю. Миня раз звали волостное управление и говорили что выдадут едино временную плату а потом говорят что будет комисия и если признают не годным к труду то тогда будут пенсию

С. 2

выдавать, а Мать боится того что будет комиссия она говорит что будет комиссия и упять возмут, птому что унас не кто не пришол так какя, а хотя кто и пришол — то уже он ни куда не годится потому что он без руки или без ноги то уже каждый на него надеится что он не пойдет, а так как уминя ни кому не видать то каждый удивляется тому что я пришол, смотрят что руки и ноги есть а от пустили дамой. Книги я ваши чита<л> и очень интересни<й> дневник тоже начал писать зачто очень благодарю унас часто мужики приходят и слухают книги и говорят что за гарни книги [2]. Брата того который навоенной службе до сих пор неслыхать и Сестры я еще невидал она еще неприехала из Харькова, она может быть приедит

С. 3

посли нового года потому что она мне писала то что ей не охота ехать, недоживши месяца ей месяц 30 декабря. Я очень часто вспоминаю про Мать потому что лишь очень интересувала было играть в карты в блошки и лото, а убрата дети досих пор боятся меня так что мине очень скучно дома (*неразб.*) весашся(*?*) потому что дома только одна Мать и братова жена, только тогда повесашсти если куда пойдешь или к тебе кто придйдет. И передаю я всенижайшее почтение с любовью низкий поклон Няни Наташи и Мани и Валентину и всем Вашим Сестрам, я им очень благодарю за книги, и Валентину за поджак и за шапку, я эту шапку если надену миня мало кто узнае потому что унас эту шапку с читают

С. 4

польской то и миня часто с читают заполяка, уминя это только пропало одни конверты и бумага такто дома я когда ехал и заехал домой на ночь, привез все это домой а сам же ехал утром квоинскому начальнику, а приехал то уже нету ни конвертов и бумаги они говорят что кто то у них забрало, а больше ничего все цельное. Мать моя тоже благодарит за то что вы зимой заботились, зима унас теплая только плохо гулять того что очень мокро. Истем досвидание известный вам К. Негоденко. Я Мани очень и очень благодарю за ее ресувание и ручку. Розбир. Я вашу руку очень легко разбираю. Унас послучаю войны никто не ходил из звездой колядовать.

Документ 7

Письмо

Написано простым карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 20,5 Х 26,5 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 8», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/96». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

26 ноября 1915

М. Г.

Здрастуйте Валентин Александрович и Петр Александрович и Прасковья Николаевна шлю я вам привет и желаю от Бога доброго здоровья. Я жив и здоров слава Богу. Боев покудова нету. Погода стала похолоднее и выпал снег нокормят все постарому. И приходится питатся (*неразб.*) итом ячменем и пшеницей мы ее сушим потом толчем и в кипяток сыпем и выходит болтушка которой кормят свиней. Но приходится ето кушать нам что же зделаешь надо ковсему привыкать и терпеть до

С. 2

время. Пропишите что вам слыхать провойну. А то у нас нигде узнать и только одне горы и больше ничего местность гористая и такия горы что я никогда невидовал и там позиция нашего врага там постоянно снег. Да Валентин Александрович я уже третий месяц и раз в бане пришлось побывать и то мы были рады хоть и холодная она и больше незнай придется. Но поразит унас сколько угодно и незнай их чем вывести и как от них избавится. Передайте поклон Марьи Константиновне Августе Ивановне Марии Афанасьевне и всем приказчикам.

Да на войне все приходится

С. 3

испытать и холод и голод. Есть у нас лавочка полковая но очень дорого и то трудно купить только для офицеров. Посылки идут очень долго но

да и то ничего. Хоть увидеть Российский подарок и так им бываешь рад и вэто время у меня бывает большой праздник но и скоро проходит. И незнай когда ето все кончится. Да еще мы были в карауле и убили медведя. И стали его делить и стаким аппетитом его съели ноя думаю если бы были бы дома я бы и нестал его есть но голод все заставляет есть.

Валентин Александрович еще приношу я вам благода-

С. 4

рен что вы незабываете мое семейство втакие трудные для моего семейства минуты если жив буду тоя вам заслужу. Но теперь прошу неоставьте и все только на вас надежа и вы только остались один моему семейству покровитель. Больше писать ничего остаюсь ваш служащий Петр Алексеев *(Подпись неразб.)*.

Документ 8

Письмо

Написано черными чернилами на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26,5 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 1», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/89». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

1915 го года мая 27 дня

Просковя Николаевна. Пишу я вам. Первым долгом шлю Ниский Поклон. Желаю от Господа Бога Доброе здоровя в делах ваших рук скорого и счастливого успеха затем щее кланиюса дорогим вашим Девочкам всем. Воопче Нижайшее Почтение и от души желаю всего хорошова. Кланитса вам как уже и звесна вам я Николай Евграфович Волков. Еще Дорогая и мила Барыня Просковя Николаевна и звещаю я вам. Пожалоста неоствти моей прозбы ради Бога я вас прошу. Попросити удохтора Господина Свирского чтобы он дал вам свидетельство что я ими был признан не настроевые должности чтобы мне был вит присибе ато унашых в команди увсех присибе ауминьа нету.

С. 2

Милая и Дорогая мая Барыня Просковя Николаевна. Похлопочи пожалоста и папроси Его Господина Дохтора чтобы он дал вам наруки и вы его как получити тогда пошли пряма намина как писмы шлошь так и его пошльи я жду снетерпением милая барыня дорогая ты Просковя Николаевна ради Бога посторайся пожалоста поскорея ато нас скоро будутатсылать неизвестна куды и дут слухи что аткомандируют я ни знаю почему мне наруки ни выдали и ни в час атаслальи. Здеса была тожа камисия и говорят атаслали в свой полк а у которых наруках почти у всех ему извесна что

у миньа укозательной палиц правой руки посустав попервый нету. Дорогая Барыня Просковя Николаевна попроси его доктора пожалоста он можа скоро даст свидетельство мое пожаласта милая Барыня

С. 3

Дорогая Просковя Николаевна. Попроситьи его палучи Господина Дохтора. Пожалоста. Посоветуйтис сними как лучи ради Бога я вас прошу пожилей милая Барыня Просковя Николаевна поскорея ато мне ниспица и нечево наразуми немило. Прасковя Николаевна пожалоста поскорея пряма намина если пришльи. Андрис мой Город Петроград Навгородская улица дому № 5 й в команду 2 роту Николаю Евграфову Волкову.

Просковя Николаевна я думаю что дас свидетельство он. Когда мне была в муроми комиссия и миньа признали не настроевую должность чтобы он дал мне вить что дейстьвитильно он призван не настроеву должность. Редовой Николай Волков Леб Гвардии Павловского полка. Постарайса Просковя Николаевна пожалоста побености моей неоставь меня.

С. 4

Просковя Николаевна я уже думаю сморкуй послать вам писмо чтобы ано поскорея дошол. Милая Барыня Просковя Николаевна. Прщай. Очина я даволин вами астался. Дай Бог вам Доброе здоровия на многие лета. Просковя Николаевна пожалоста пришли свидетельство попроси Господина дохтора или може он скажит что нибудь нильза тогда квойнскому Начальнику попроси его пожалоста помоей бедности. Я жив пока чего и вам желаю от Господа Бога всего хорошова дай мне слух я ждать буду снетирпением поскорея пожалоста. Извеснай вам Николай Волков. Невзыщи что плохо написал очина спишыл мне нужна поскорея похлопочи милая Прасковя Николаевна.

Документ 9

Письмо

Написано черными чернилами на двух сложенных поперек листах бумаги в линейку. Размер 21 Х 26,5 см. Авторская пагинация в верхнем правом углу «1», на развороте « «2», затем «3» и «4». На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 13», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/90». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

16 июля 1915 г.

Многоуважаемый
Валентин Александрович!

Шлю Вам свой искренний привет и пожелания всего всего наилучшего.

Вчера послал на Ваше имя 200 руб. переводом по почте. Зачтите их пожалуйста в уплату по закладной за дом. Очень извиняюсь, что немного

просрочил. Все хотел сам побывать домой, повидать семью и похлопотать по дому, да не пришлось. Начал собираться еще в апреле, предполагалась поездка

С. 2 в мае, затем в июне и наконец окончательно в начале июля. Но тут обстановка круто меняется и на поездку домой рассчитывать по крайней мере в течении ближайших месяцев нельзя.

Много пришлось посмотреть и пережить за этот год. С начала кампании был помощником начальника в полевой запасной почтовой конторе, а в конце января назначен в штаб одной из армий для делопроизводства по своей специальности, где кроме меня есть еще старший чиновник. Исколесил всю Польшу, очутился в Прибалтике. Изучил на своих

С. 3

боках все способы передвижения, за исключением воздушных. Много раз приходилось быть от противника совсем близко, верстах в 3-х. Только за последнее время штаб стоит далеко от позиций. Несколько раз был под обстрелом аэропланов и один раз цепеллина. Все это ничего, ко всему привыкаешь, не нервируешь, но чувствуется какая-то усталость. Особенно резко сказывается эта усталость когда на продолжительных стоянках (*неразб.*) развивается канцелярщина. Как будто бы вытащили мы откуда-то из захолустья бюрократическую машину, назвали ее штабом армии, и началось скрипенье перьев,

С. 4

груды исписанных бумаг, ссылки, справки, отсебятина и (*неразб.*), где ясное дело требует решения вопроса в две минуты, мы пишем, пишем… А через неделю обстановка изменится, противник воспользуется тем, о чем писали и на память останется толстое канцелярское «дело».

Большинство «уставших». Нужен подъем изнутри (*неразб.*), авторитетный голос хоть Думы что ли и широкая общественная самодеятельность. Немедленные организации по выработке снарядов, патронов, ружей, сапог и скоро теплой одежды для армии. Было бы нечестным скрывать, что мы имеем дело с решительным,

С. 5

умным, прекрасно обставленным техническими средствами противником. Но он измотался. Что их теперь подогревает, так это недавние успехи. (*Неразб.*) у них уже много частей, питающихся мародерством. Небольшое воодушевление, да не пожалеть снарядов, патронов, колючей проволоки, разборных полевых узкоколеек, за что общество должно немедленно взяться и от немцев останутся только воспоминания. У нас сил не початый угол, а вот у них все уже призвано, больше брать неоткуда. У них только конница хорошая, солдаты рослые, а пехота так себе рвань Конечно

С. 6

и с этой мелкотой трудно иногда справиться, если рота у них имеет подчас до 40 пулеметов [3].

Отрадно поэтому было читать о мобилизации промышленности. Но будучи сам русским, я по правде сказать не особенно поверил в быструю организацию помощи. Не верится мне, чтобы каждый промышленник осознал всю остроту момента, чтобы он проникся (*неразб.*), что именно его-то помощь, его труд и нужен. Всяк будет думать, что и без него обойдутся, что есть люди и умнее, и богаче, им и карты в руки. Ми-

С. 7

ниных же пожалуй и совсем не найдется.

Очень был опечален, когда узнал, что Георгий Александрович в плену, а Константин Николаевич был ранен. Я их искал осенью в г. Замостье, их дивизия была тогда где-то там близко. Слышал я это от Иванова – переписчика, который тогда был санитаром в госпитале и только что освободился из плена. Найти однако не удалось. Сестра писала, что уже несколько муромлян в плену и даже наш завзятый «футболист» Поликарпов, георгиевский кавалер, между прочим,

С. 8

тоже угодил в плен. Жаль. Все такие молодые, славные ребята. Совсем наверное опустел наш городок. Досадно, что не пришлось побывать дома.

Кланяюсь Петру Александровичу и, если встретитесь, Михаилу Павловичу Яковлеву.

Глубоко уважающий Вас, всегда готовый к В/услугам

(Подпись неразб.)

P. S. Если можно, передайте пожалуйста росписку на деньги сестре. А если бы нашлось время еще черкнуть и мне, то был бы весьма благодарен. Так приятно получить здесь письмо с родины.

Документ 10

Письмо

Написано сухим химическим карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26,5 см. В нескольких местах в конце письма на текст попала влага, что вызвало проявление фиолетового цвета карандаша. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 5», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/95». Со слов «ну только тот совсем» изменен наклон почерка, видимо, письмо писалось в два приема. Орфография оригинала сохранена.

С.1
1915 г.

31 октября
Здравствуйте
Много-Уважаемые
Валентин Александрович и Прасковия Александровна

Спешу уведомить вас, что деньги посланные вами 8-го числа, я получил 23 го октяб. за которые очень вами благодарен, а двадцать четвертого нас из Ораниенбаума отправили в г. Минск в который прибыли 29 го числа. Всего нас двенадцать команд, я состою в 10 ой команде и нахожусь пока в двадцатом Этапном Запасном Батальоне. Занятия не какова нет так-что без дела очень

С. 2

скучно — приходится сидеть в казармах и повторять задержки [4]. Ходить в Город можно, ну только очень далеко — версты три, не известно пока ни чего долго ли простоим здесь, ожидаем с часу на час телеграммы о высылке нас в действующую армию. Когда, я был в Ораниенбауме и предполагал, что буду учиться не м-ц, а больше не видевши пулемета думал, что трудно покажиться, но в течение этого времени пришлось не только Русский пулемет изучить, а так же Германский и Австрийский и Американский

С. 3

новый пулемет Кольта [5] в пулемете достаточно знать какие части могут поломаться уметь его разобрать собрать и устранить задержку. Несколько раз приходилось стрелять (и стрелять) и стрельба у меня была все время удачной с поражением ну только учебная. Вот скоро будет с поражением и действительная, я назначен при пулемете 2-м номером. Русский пулемет очень удобный и прочнее чем Гер. или Австр. Позволяет нам выпускать в минуту до 600 <зачеркн.>

С. 4

пуль. Герм. То-же самое ну только разница в замке и станке стрелять можно нашими пулими, а из Австрийского нельзя нашими пулими потому что наши больше. Он выпускает в минуту до 300 пуль, из Американ. можно стрелять нашими пулими выпускает в минуту 450 пуль ну только тот совсем не удобное оружие выпустит три ленты и ствол приходиться минять имеет форму в виде левольвера и без всякого щита длиной двадцать вершков [6]. Не знай когда и на какой фронт отправят.

До свидания.

Вася Быков.

Документ 11

Письмо

Написано фиолетовым карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 7», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/93». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

12 сентября 1916

М. Г. Владимир Александрович

В настоящее время я нахожусь на Кавказком фронте и стоит наш полк на горе а неприятель на другой горе версты три от нас. Боя еще не было мы не наступаем и он тоже только перестрелка. Местность на Кавказе паршивая один горы да скалы так что пахотной земли нету совсем и что не взять деревни и города сожжены все. А нахожусь 508 черкаском полку, 2-й батальон 7 я рота 1 взвод полевая почтовая контора № 45 действующая Кавказская армия ефрейтору.

С. 2

Доставка очень плохая только что на лошадях и то только один хлеб да пшено каждому выдается. Да теперь и вспоминать про белый хлеб мы его не видим уже 10 дней хоть бы на него посмотреть. Здоровье мое покудова ничего дошел благополучно. Передайте поклон Петру Александровичу Прасковии Николаевне Марии Николаевне и Валентин Николаевне и всем сослуживцам. Погода у нас паршивая днем жарко и ночью очень холодно. Теперь мы стоим в лесу а он на скале.

С. 3

Только что разведки натыкаются на него. Но начнется стрельба а то все спокойно. День ехали мы по морю черному и немного не потонули но описывать нельзя. Очень строго здесь. Больше писать ничего. Благодарю вас за все что вы неоставляете мое семейство втакие трудные минуты которые я теперь переживаю но в роте было лучше — достать всего но тут ничего достать ни лавок не жилья. Только и ловят коз да варят да и их мало. До свидание ваш служащий Петр Алексеев.

Документ 12

Письмо

Написано черными чернилами на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 12», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/81». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

Дорогая Паша!

Письмо твое я получил за что приношу благодарность. Наверное некоторые думают, что если допустим хотя я в Рязани засел, так уж очень это хорошо. А я лично на это скажу от чистого сердца, что я если б знал в какой находится части Митя, то с удовольствием бы с ним поменялся. Ведь здесь прямо самая скверная работа на мне. Закупка сена, овса, соломы, керасин, обмундирование и т. п. Кроме этого казначей и ротный командир. Прямо хоть разрывайся. Все приходится самому. Столько работаешь и все таки досадно то что ты же делаешь дело и с тебя же за все нехватки вычитают, а за всем уследить прямо невозможно. Вот например в приемке не хватило

С. 2

сапог и с меня вычли 56 рублей. В этом то вся и досада. Что прибыли то никогда не будет, а убыль то неизбежна. А полковник, какой-то странный человек, говорит что всю <неразб.> и нехватки будут числится за вами. Что же касается пускаться на какие либо сделки, для того чтобы хотя исполнять эти убытки, то у меня даже никогда и совести не хватит подобные вещи делать, вроде того примазать в цене и т. д. В общем дело канительное и ответственное. Да кроме этого деньгами заведывать приходится, а там глядишь кричат сено привези или дрова какие нибудь ну и рвись, как собака. Я уже подавал рапорт о зачислении в действующую армию в Сибирск. полк

С. 3

и наверное даже скажу, что ни за что здесь ни усижу обязательно удеру, если все время будет так. Здесь можно с ума сойти, а там то все равно, хоть нет такой обязанности. В общем я очень не рад что сюда меня забросила судьба. От меня поклон всем нашим, а также Паш если будет у нас и Валентину Александровичу. Да всетаки досадно работаешь, работаешь и у тебя же из кармана ни за что не прочто вылетает как быдто так и надо. Безпорядок страшней нет. Да это очевидно везде. В общем эта долность самая паскудная, еслибы мне удалось ее сбросить, то я бы успокоился, но никто не соглашается взять ее, паки как окладу меньше и ответственности больше. Передай

С. 4

домой, что на днях напишу. Скажи папе, что я здесь виделся с Реминым и Пономаревым. Узнай пожалуйста в какой части находится Митя, так как я до сего времени не знаю и поэтому не могу ему писать и он чудак до сего времени не сообщает полка, что было бы очень важно для него относительно получения писем. Потому что достаточно указать часть и весь его адрес. Погода здесь стоит отвратительная. Все время идет дождь и грязь страш-

нейшая. В Москве нам приходилось говорить с <неразб.>австрийцами чехами. Много интересного относительно ихай армии и начала войны – пока до свидания.

17 сен. 1914 (*Подпись неразборчива*)

На полях с. 3 приписка по вертикали: «Тут вполне можно угодить не за что не про что под суд».

Документ 13

Письмо

Написано простым карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 10», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/97». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

15 Декабря 1916 года

Здравствуйте
Милостивые Государи
Валентин Александрович и Прасковия Николаевна.

Шлю я вам ниский поклон и пожелание от Господа Бога доброго здравия и всякова благополучия. Валентин Александрович в данный момент нахожусь в брянски и живем здесь в бараках. А в них очинь сыро и грязна. А в кажном бараки помещается

С. 2

больше чем <зачеркн.> 300 человек поетому можете себе представить что тута идет как лек набок атака и неворочийся наволито от учинья мокрый и приходишь в баракто тоже мокро. А сушится все тудже как знаешь така и делай. Здесь мы проживем вероятно недолга дней десять небольше вероятна скора отправят туда от куда немногие вернутся в полном здравии новидно Валентин Александрович

С. 3

делать нечево придется и мне защищать свое отечество. <зачеркн.> А теперь позвольте вас поблагодарить Валентин Александрович заваше неоставлен закотрое я оченно вами благодарен вернусь я постараюсь вам заслужить. Досвидание ваш покорный слуга А. Милютин

С. 4

Адрес мой

Действующая Армия 11. пехотный запасный полк 157 очередная рота пополнение при 1. кадровой роте 3 взвод.

Документ 14

Письмо

Написано черными чернилами на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 27 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 14», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/98». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

7 марта 1917 г.

Многоуважаемый

Валентин Александрович!

В минуту тяжелых сомнений за судьбу революции, за судьбу своей родины хочется поделиться с Вами — муромлянином.

В армию проникли крайние левые ученья, литература (пока листки) рабочих групп привозимая пудами, ежедневно с утра до позднего вечера на улицах толпы солдат. Стоят, слушают, пойдут пообедают, опять стоят. Выступают больше социалисты. Лозунги: «Демокр. Республика, организационная связь частей, слушаться вр.

С. 2

правительства, а выше всего стоит сов. раб. и с. депутатов. Оппонентов им нет. Офицерство за весьма малыми исключениями почти не выступает, сознательное опасается недоверия толпы, кадровое очевидно не все верит в конечный результат, а офицеры из народа что могут сказать? Власти растерялись и помимо того дискредитированы крайней левой. Были два случая возмутительных эксцессов: один раз ротный арестовал генерала, сидит теперь в тюрьме, другой раз офицер убил двух солдат. В частях, где офицеров знают, и то недоверчивое отношение

С. 3

к ним. Лишь некоторая часть из землевладельцев или интеллигентных лиц, при безусловном исповедывании конституционно демокр. начал, признают законность только одного вр. правительства и сохранили внешний и внутренний порядок, подчиняясь всецело своим начальникам.

Волна докатилась до окопов. «Земляки» целыми толпами бредут сюда. Движение совершилось так стихийно, что элемент законности и порядка не успевал опознать себя и стать сдерживающим центром. Если так будет продолжаться, то скоро окопники уйдут и немцы победоносным

С. 4

маршем пойдут по России.

Я прошу город. думу, прошу всех сознательных сограждан кричать врем. правительству, чтобы не было двоевластия, нужно убедить сов. раб. и сол. деп. подчиниться, оставить армию в стороне от агитации.

Я <неразб.> уже есть слухи, что с. р. [7] и с. д. [8] пытался два раза арестовать Родзянку [9], что в Петрограде начался раскол среди войска. Сегодня везут сюда членов Г. Думы, <неразб.> пр. Дзюбинского [10]. Дай Бог, чтобы подействовали. Вся надежда на сознат. элемент в армии.

Ваш. А. *<далее подпись неразб.>*

Документ 15

Письмо

Написано фиолетовым карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 11», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/99». Орфография оригинала сохранена. В верхней части первой страницы рисунок синим и красным карандашами. В левой части рисунка горшок с растущим цветком, в правой — праздничный стол, на котором стоят самовар с чайником, бутылка с рюмкой, блюдо с закуской, стакан на блюдце и лежит конверт с печатью.

С. 1

1917го

15 м<неразб.>

Христос Воскрес

Вздраствуйте дорогой хозяин Велентин Александрович и равно хозяюшка Прасковия Никалавна от дворника вашего Якова Федоровича. Спешу я вам сообщить об своем здорови что я внастоящее время помилости божй нахожусь жив и здоров натурецкам вронти того вам желаю. Затем спешу я вам послать дорогие хозяюшки свое чисто сердечное глубочайшее почтение

С. 2

и с любовю ниский поклон. Затем он желаю явам от господа бога доброго здровия вжизни вашей скорого налучего счасливого успеха затем еще кланиюсь вашем деткам Кл. Наташи Велен Катюши и Маруси шлю всем нижащие почтение и любящий поклон и желаю всего хорошива вашей жизни. Затем дарогие хозявушки чесь имею я вас праздровить свысокоторжественым христовым Воскресением. Жедаю я вам встретить вдобрым здравие и проводите вчести и врадости. Христос Воскрес. Христос воскрес. Христос Воскрес. Целую вас.

С. 3

Затем дарогие хозявушки неот ставте моей прозбы незабуте меня начужой стороне прошу я вас Велентин Александрович Прасковия Никалавна пришлите мне какую возможно посылочку а вы как получите мое письмо то

дайте мне ответа. Затем досвидания Велентин Александрович Прасковия Никалавна. Жду от вета.

И звесной ваш работник бывший дворник деревни битюкова Яков Федоров Андреянов (*под именем «Яков» вписано «Яша»*).

С. 4

Вот вам мой адрис Кавказкая действующая Армия 6 й Кавказкий Стрелковый Полк 6 я рота 3 й взвод передать Якову Федоровичу Андреянову.

Жду ответа от нашый Кати.

Документ 16

Письмо

Написано сухим химическим карандашом на сложенном поперек листе бумаги в линейку. Размер 21 Х 26 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 6», на с. 4 в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/91». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

Витебск 19 16/VIII 15 г

Здравствуйте
многоуважаемая
Просковья Николаевна!

Письмо Ваше от 3/VIII получил 10/VIII и открытку от 7 го получил 13/ VIII за что большое спасибо. За посылку, которую еще не получил заранее приношу большую благодарность. Я живу пока слава Богу очень хорошо, главное некогда скучать, занятия всему этому причина. Сегодня у нас до 3 часов дня занятий не будет, так же и в Воскресенье, а после обеда устные занятия. Я извиняюсь, что долго на ваши 2 письма не отвечал, время очень мало, только что вот в воскресные дни до обеда свободна минутка и то после обеда.

С. 2 В нашей команде находятся следующие музыкальные инструменты, гармония, гитара, мандолина и балалайка и вот каждый вечер или в обед в свободную минутку начнут игру с пляской под бубин, весело время летит. Хотя и под надвудесятый [11] праздник все равно играют у солдата нет праздника, как у нас все ребята говорят. Я очень рад что Вы получаете письма от братьев и Георгия Александровича. Но как Вы от Васи, Соловьева получаете письма или нет? Если бы я находился в роте, то их уже скоро отправят на позиции, со дня на день ждут приказа. В Скопине учебную команду

С. 3

составляющие тоже солдаты Владимирской губернии отправлены на позицию. Все Божья воля. Письма из дома получаю довольно таки часто, но как Вы написали в открытке, что у нас т. е. в Москве на дворе

сен. бернар [12] известий не было до сего времени. 14 го Августа к нам в г. Витебск прибыли новобранцы 1917 года Курской губернии, ребята довольно таки крепкие. Теперь мы уже старые солдаты, придется им сапоги нам чистить. Погода у нас стоит не очень <неразб.>, все таки к утру становится холодно в

С. 4

палатках, по привычке все переносим, а на зимние квартиры или в казармы уйдем неизвестно когда. Все идет слух что нас опять куда нибудь переведут в другой город, а на наше место придет штаб. Слухом и земля полнится.

14 го августа получил от Марии Константиновны перевод на 25 рублей, за что конечно сердечно благодарен. Писать больше нечего, на счет военных действий, могу кое что написать, где мы были в г. Беляеве и в Мистечке Высоко-Литовской они уже заняты. Передайте поклон Валентину Александровичу, Танючке, Кате, Маруси, Александре Ивановне и Нуни. Остаюсь жив здоров уважающий вас Пску*<далее подпись неразб.>*

Документ 17

Письмо

Написано простым карандашом на половине листа бумаги в линейку. Размер 13,5 Х 21 см. На с. 1 в правом верхнем углу синим карандашом «№ 9», на обороте в левом нижнем углу простым карандашом «М-16/94». Орфография оригинала сохранена.

С. 1

Октября 19 дня 1916 года

М. Г.

Валентин Александрович

Здравствуйте и желаю я всем от Господа Бога доброго здравия еще кланиюсь Прасковие Николаевне и спожеланием от Господа Бога доброго здравия и всякова благополучия. Валентин Александрович ранше я читал Толька (*зачеркн.*) в газетах что есть какиито газы и теперь нас здесь знакомят напрактии выстроеная землянка и вот в нее (*зачеркн.*) нас и пускают толька сначало наденут

С. 2

маски зделаные из марли. Когда взойдете в эту землянку то пускают какойто зиленоватый дым и после как выйдешь оттудова то наруках и налице остается липкая штука. А просалдатскую жизнь вам Валентин Александрови писать ничево потому вы ее знаити. А теперь уже и подавно ранше в три и четыри года учили а теперь в четыри нидели. Остаюсь жив и здрав что и вам желаю ваш покорный слуга А. Милютин

Публикация и примечания Ю.М. Смирнова

Примечания

1. О семье Вощининых см.: Чернышев В.Я. Муром. Краткий путеводитель. Прогулки по Мурому. Муром, 2004. Кн. 2.

2. Это хароши книги (*прим. автора письма*).

3. В это верится с трудом. Пулеметная рота линейного пехотного полка немецкой армии имела 6-12 пулеметов MG-08. В полку было до 35 пулеметов.

4. Причины задержек при стрельбе из пулемета.

5. Видимо, станковый пулемет системы Максима, модернизированный тулячками и в 1910 г. принятый на вооружение русской армии. В германской армии также стояла на вооружении модификация пулемета «Максим» MG.08; австро-венгерская была оснащена пулеметами M/07 «Шварцлозе». Американские станковые пулеметы Коль-Браунинг M1895 поставлялись на вооружение и русской армии.

6. Вершок – 4,445 см, 20 вершков – 88,9 см.

7. С. р. – партия социалистов-революционеров, эсеров.

8. С. д. – партия социалистов-демократов.

9. Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – действительный статский советник, один из лидеров октябристов, председатель III и IV Государственной думы, в 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы.

10. Дзюбинский Владимир Иванович (1860–1927) – лидер трудовиков в III и IV Государственных думах.

11. Надвудесятый праздник – двунадесятые праздники (также дванадесятые праздники) – двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии. Посвящены событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы.

12. Сенбернар – порода крепких крупных собак.

М.В. Таскаев*

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ**

1. Постановление Яренского уездисполкома от 24 сентября 1918 г. о командировании на Удору специального отряда для производства военного контроля

Слушали: Выборы члена Уисполкома для отправки на Удору для прекращения спекуляции.

Постановили: Командировать члена Исполкома Н.И. Ворсина, которому дать все руководящие директивы, подтвердить постановление Исполкома от 18 сентября сего года, выдать мандат на право обысков, арестов, реквизиции и конфискации имуществ, наложения контрибуции, смещения с должностей, предания суду, право вербовать и принимать на месте в продовольственные отряды и Красную Армию, принимать все меры к смягчению продовольственного кризиса. Все лица и учреждения выполняют беспрекословно его приказы и распоряжения. Не исполняющих приказы и распоряжения может арестовывать и подвергнуть суду. В случае вооруженного сопротивления имеет право принимать самые крутые меры, вплоть до расстрела.

Выдать аванс на поездку и расходы. Медико-санитарному отделу приготовить небольшую походную аптечку для оказания первой помощи в нужных случаях.

(*Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 12 октября*)

2. Телеграмма командира белогвардейского отряда подпоручика Н. Калиниского Архангельскому губернскому комиссару о стычке с красноармейским отрядом под Важгортом

Лешуконск, 21 октября. Семнадцатого октября передовые части красноармейцев, двигающихся в Усть-Вашку из Яренска, на реке Вашке разбиты, оружие, военное имущество отнято. Есть убитые, потонувшие и пленные. Наших потерь нет. В Важгортской волости власть Советов пала. Участвовало в сражении против красноармейцев все местное население

*__Таскаев Михаил Владимирович__ (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

**Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект №12-У-6-1001.

Важгортской и Чупровской волостей... Единогласно решили присоединиться к Архангельской губернии... Население просит телеграфно утвердить их присоединение к Мезенскому уезду. Учащие, фельдшера без хлеба, без денег. Яренск мстит за свержение советской власти. Ожидается сильный карательный большевистский отряд. Спешно нужно подкрепление в 250 человек с пулеметами. Добровольцы разошлись по домам. Нужны средства на организацию. Жду распоряжений.

Начальник отряда подпоручик Н.Калининский.

(*ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 5. Л. 68*)

3. Постановление Яренского уездисполкома от 24 октября 1918 г. о посылке на Удору второго красноармейского отряда

Заслушано: Об отправке отряда красноармейцев на Удору.

Постановлено: 1) Председателем П.И.Покровским был сделан доклад о положении отряда тов. Ворсина на Удоре и выступлении белогвардейцев и срочных мерах для предупреждения дальнейшего продвижения белогвардейцев. На особом совещании решено отправить отряд красноармейцев на Удору и просить Губвоенком о присылке оружия, обмундирования и денег. Отряд красноармейцев набран из добровольцев, пожелавших идти на Удору. Настроение красноармейцев бодрое... Товарищ Покровский предлагает завтра проводить отряд всему Исполкому в целом. Предложение единогласно принимается. 2) Откомандировать на Удору врача М.А.Осколкова, который медикаменты и все нужное для фронта получит из аптеки. 3). Поручить военному комиссару возбудить ходатайство перед центром об отпуске средств и материалов для телефонной связи с Удорой.

(*Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 23 ноября*)

4. Сообщение об отправке красноармейского отряда И. Епова на Удору

25 октября отправлен на Удору отряд красноармейцев на поддержку отряду Ворсина. Настроение отряда доброе. Он целиком набран из красноармейцев, добровольно пожелавших идти на Удору указать место белогвардейской сволочи. Мы уверены, что белые хулиганы будут висеть на удорских соснах и елях. Там их хватит!

Удорские бедняки просят оружие, чтобы дать отпор белым. Красноармейцы встретят не только самое сочувственное отношение с их стороны, но и будут иметь в тылу прекрасный боевой материал.

(*Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 26 октября*)

5. Приказ из штаба командущего белогвардейскими войсками Северной области от 17 октября 1918 г. полковнику Д.Д. Шапошникову об отправке его в Мезенский уезд

Селения, расположенные по верхнему течению р. Мезени и по левому притоку ее р.Вашке, подвергаются налетам красноармейцеви примкнувшим к ним местных хулиганов. Союзное командование для очищения Мезенского края от названных банд командирует туда свой отряд, усиленный 50-ю солдатами архангельской военной милиции при одном офицере. Предполагается, что отряд союзников через 10-14 дней после прибытия в Мезень будет отозван обратно и дальнейшая работа по очищению Мезенского Вашского районов от противника должна быть возложена на русских милиционеров и отряды русских добровольцев, к формированию которых надлежит приступить немедленно по прибытии в Мезень.

По приказанию командующего войсками на вас возлагается обязанность общего командования всеми русскими отрядами, которые останутся в Мезенском районе по отбытию оттуда союзников. В силу изложенного, вы должны отправиться вместе с союзным отрядом из Архангельска в Мезень. Ваши обязанности должны заключаться в нижеследующем:

1. До тех пор, пока начальник союзного отряда не передаст вам командования над остающимся в Мезенском краю силами, вы должны находиться при нем с целью всеми мерами способствовать в достижении преследуемых целей по очищению края.

2. Немедленно же по прибытии в Мезень приступить к формированию отрядов добровольцев, для чего использовать в поступающих в ваше распоряжение 5-ти офицеров из школы на Бакарице.

3. С отбытием союзников вы должны сосредоточить в своих руках командование всеми находящимися во всем Мезенском крае вооруженными силами и приложить все усилия, чтобы истребление бандитов было закончено в кратчайшие сроки.

4. Все лица из местного населения, относительно которых несомненно будет установлено, что они тем или иным способом содействуют противнику или противодействуют вашим распоряжениям, должны арестовываться.

5. Для оплаты производимых вами расходов вам будет открыт кредит в Мезенском уездном казначействе.

6. Продовольствие людей в течении первых 2-х недель берут на себя союзники. В дальнейшем надлежит довольствоваться из того запаса, который отправляется одновременно с вами на Мезень на пароходе по расчету на 250 человек на 4 месяца.

7. Для вооружения добровольцев союзники отправляют в Мезень около 250-300 винтовок, запас патронов.

8. Отправляемые в Мезень милиционеры будут снабжены зимней одеждой и одеалами в Архангельске. Снабжение этими вещами добровольцев должно быть произведено на месте вашим распоряжением.

9. Мезенский уездный комендант в оперативном отношении подчиняется первоначально начальнику союзнического отряда, а с отбытием их – вам во всех отношениях. По сему поводу ему дается распоряжение.

10. О всем происходящем в Мезенском районе доносите ежедневно на мое имя по телеграфу.

Генерального штаба генерал-майор Самарин.

(ГАРФ. Ф. 20. Оп.1. Д. 60. Л. 21–22)

6. Вторая военная экспедиция на Удору для ликвидации белогвардейщины

В конце августа 1918 года начали доходить до Яренского Уисполкома слухи, что на Удоре не все благополучно, что распоряжения Уисполкома не проводятся в жизнь, что местное зажиточное население недовольно советской властью. В середине сентября начали поступать официальные подтверждения. Уисполком забил тревогу. Решено было командировать на Удору члена Исполкома с чрезвычайными полномочиями, который проверил бы на месте и направил бы жизнь Удоры по советскому пути. Чувствовалось, что белогвардейцы начали свивать первоначальное гнездо в селе Важгорте, откуда упрямо шли слухи о ненависти к советской власти. Уисполком решил ликвидировать это сопротивление сначала мирным путем, а если это не удастся, то применить воздействие силы.

Для этой цели командированному члену Уисполкома Николаю Ворсину было дано до 20-ти красноармейцев, вооруженных винтовками. Отряд Ворсина выбыл из Яренска во второй половине сентября. До половины октября месяца от него не было никаких извещений и донесений. Уисполком сильно не тревожился, так как надеялся, что его представитель все уладит мирным путем. Вдруг около половины октября в Уисполком поступает донесение, что, недоезжая 3-х верст до с.важгорта, по отряду Ворсина была открыта ружейная стрельба, что есть раненные и убитые и что отряд, преследуемый стрелявшими по нему, отошел обратно и остановился в селе Ертоме, где намерен ждать дальнейших указаний. В Яренске сразу же было созвано экстренное заседание Уисполкома совместно с Укомом РКП(б). Выносится постановление: командировать для подавления белогвардейского выступления члена Уисполкома, знающего военное дело, с отрядом красноармейцев при полном боевом вооружении. Уездвоенкомату дается задание срочно сформировать новый отряд. За неделю удалось сформировать отряд в 40 человек. К этому же времени удалось по-

лучить из Вологды вооружение и боеприпасы. Отряд был снабжен продовольствием на один месяц и 25 октября, в самую распутицу и бездорожье, выступил с определенными задачами подавить на Удоре белогвардейское выступление. Командиром отряда был назначен я, а политкомом отряда матрос Князев. Большая часть обоза двинулась по Шежамо-Бутканскому волоку на Кослан, а меньшая часть через д.Черву в село Ертом, где должно было произойти соединение с находившимся там отрядом Ворсина. Отряд двигался медленно. бездорожье и распутица тормозили движение. В Ертом прибыли лишь в числах 10 ноября и сразу же приступили к формированию отряда. Соединившись с находящимся здесь первым отрядом, навербовали от ертомцев 15-20 добровольцев и составили один отряд в 70 штыков. Здесь же к нам присоединились 3 товарища, бежавших из Важгорта (Д.Остапов, А.Попов и А.Старцев), которые в дальнейшем все время находились в нашем отряде и выполняли самые трудные обязанности по разведке противника. Через них нам удалось узнать, что белогвардейцы в Важгорте свили уже крепкое гнездо, что силы их доходят до 250 человек при 4-х пулеметах.

Закончив формирование отряда, двинулись дальше на Важгорт. Вперед выслали разведку. В деревне Чирки (в 30 верстах от Важгорта) наши разведчики встретились с разведкой противника. Произошла коротенькая перестрелка. Разведка противника отошла. Мы заняли д.Чирки и начали готовиться к наступлению на Важгорт. послали разведку в 15 человек в ближайшую деревню в Выльвидз разведать местность и выявить силы противника. Деревня оказалась занятой белогвардейцами. Произошла перестрелка более серьезная, чем первая.

На следующую ночь решено было начать наступление всем отрядом. Но в эту же самую ночь белогвардейцы сами повели наступление и, обойдя лесом наши передовые посты, окружили д.Чирки. Наше наступление было предупреждено. Количественный перевес противника несколько умалял уверенность в свои силы. Решили на случай неудачи вывезти обоз и штаб. Вдруг в нашем тылу затрещал пулемет. Это белогвардейцы открыли огонь по нашему обозу. Послышалась ответная стрельба из ружей нашего отделения, прикрывающего обоз. Обоз целиком попал в руки противника. Ободренный успехом, противник продолжал наступать более энергично. Часть нашего отряда, оборонявшая деревню с северо-восточной стороны, не выдержала и начала отходить. Удержать остальных было невозможно.

Решено отступить, но так как прямая дорога была перерезана противником, мы отступили за реку и лесом в д.Иб, откуда отступили до села Ертома для нового формирования и пополнения сил... Всем было ясно, что противник, ободренный успехом, будет продолжать наступление. Нужно было готовиться к отражению. В Ертоме созвали сельский сход. Комиссар

Князев выступил с коротеньким обращением к населению о поддержке. Население откликнулось на наш зов и все, как один изъявили желание примкнуть к нашему отряду. Вооружились своими берданами и дробовиками. Начали строить окопы, укрепляться.

Через несколько дней белые повели наступление, но не дойдя одной версты до Ертома, поспешно отступили обратно, не приняв бой.

После этого прошло лишь несколько часов, как новая тревога, новая опасность и угроза для Ертома, на это раз уже с другой стороны – с тылу. Из села Разгорт приехал ездивший туда наш красноармеец и сообщил, что со стороны Мезени на Ертом движется белогвардейский отряд в тысячу человек и его передовые части уже заняли село Разгорт. Сообщение было полной неожиданностью. Нужно было принимать экстренные меры. Немедленно послали разведку проверить сообщение, а сами начали готовиться к отступлению из Ертома. Наши планы скоро стали известны всей деревне. Население недоумевало и выражало явное недовольство. Пришлось вновь созвать сход и обсудить создавшееся положение... К этому времени возвратилась разведка, которая подтвердила ранее полученные сведения, хотя несколько в ином духе. Оказывается в Селибской и Косланской волостях вспыхнули кулацкие восстания и действительно Селиб, Разгорт и Кослан заняты белогвардейцами.

Нам ничего не оставалось делать, как оставить село Ертом. Начали подгатавливаться с нами к отступлению почти все ертомцы. Отступили сначала в Венденгу, а потом, не выдержав напора белых, отошли через д.Лоптюгу до г.Яренска для нового пополнения и формирования отряда.

И.В. Епов

(*Югыд туй. 1925. № 227–230*)

7. Приказ о введении осадного положения по Яренскому уезду. 3 декабря 1918 г.

С 3-го декабря сего года город Яренск и весь Яренский уезд объявляется на осадном положении со всеми вытекающими из этого положения последствиями. военно-Революционный Совет призывает всех граждан города и уезда неуклонно исполнять следующее обязательное постановление:

1. Появление и хождение на улице с 8 часов вечера до 6 часов утра воспрещается, за исключением лиц, которые будут иметь на то особое разрешение.

2. Всякие сборища, хотя бы и на частных квартирах, митинги, хождение по улицам группами абсолютно воспрещается.

3. Зажигание огней в частных домах после 10 часов вечера не допускается, кроме квартир советских работников, на коих это запрещение не распространяется.

4. Все пропуска, выданные ранее Военно-Революционным Советом, объявляются недействительными.

5. За появление на улицах в нетрезвом виде, виновные предаются военно-революционному трибуналу и будут караться законами военного времени.

6. За агитацию против советской власти виновные предаются военно-полевому трибуналу.

7. Всякие попытки выступления с целью погрома будут подавляться силой оружия, и виновные будут расстреливаться на месте без суда и следствия.

8. Всякое распространение непроверенных, провокационных слухов категорически воспрещается, и виновные в этом предаются суду революционного трибунала.

Все, замеченные в неисполнении обязательного постановления, будут подвергнуты самым суровым мерам наказаний военного времени, вплоть до расстрела.

Начальник гарнизона Ф.Коковкин.
Начальник комендантской части В.Шергин.
(*Известия Яренского УКСД. 1918. 10 декабря*)

8. Обращение Яренского уездного Революционного Совета к красноармейцам и населению уезда по случаю белогвардейского вторжения на Удору. 4 декабря 1918 года

Октябрьская революция своим мощным размахом с своего пути смела наших вековых врагов, притеснителей-капиталистов и помещиков, передала всю власть в руки пролетариата и деревенской бедноты. Пролетариат и деревенская беднота выдвинули свое пролетарское правительство – Советы в лице горячо любимого вождя Ленина. С момента перехода власти в руки пролетариата начался последний и решительный бой. Капиталисты, помещики и их прихвостни мобилизовали все свои силы, чтобы свергнуть ненавистную для них советскую власть. Кулаки и их друзья приятели, так называемые социалисты-предатели делают попытку свергнуть советскую власть, призывая на помощь иностранных капиталистов и их приспешников.

Вот в настоящее время белогвардейцы пытаются свергнуть советскую власть и в нашем Яренском уезде – Удорских волостях, и, к великому сожалению, уже заняли весь Удорский край. Они пользуются своим превосходством и вооружением, давят бедноту: расстреливают советских работников, бедноту, увозят продовольствие, скот. Чтобы пресечь дальнейшее продвижение белогвардейцев, прекратить их белый террор и лучше следить за их проявлением, весь Яренский уезд объявлен на осадном положении.

Товарищи, объявляя осадное положение в уезде, мы надеемся, что ни один белогвардеец не пройдет незамеченным и ни одна пядь земли не будет им занята без боя.

Товарищи, положение нашего уезда тяжелое. Белогвардейцы заняли Удорский край лишь только благодаря превосходству численностью сил, но мы надеемся, что все граждане совместно, кому дороги интересы бедноты, кому ненавистен белый террор дружным усилием с Красной Армией раздавят белогвардейскую банду, осмелившуюся поднять голову. Раз и навсегда нужно покончить с этой дрянью. Покажем им, и что мы сильны и не позволим больше эксплуатировать трудящихся и сосать нашу кровь.

Товарищи, настал час испытаний для нас. Все, кому дороги завоевания пролетарской революции, должны встать на защиту своих прав, данных Октябрьской революцией. К оружию, товарищи! Винтовки в руках рабочего класса и беднейшего крестьянина – лучший залог победы революции.

Выдержка и бдительность прежде всего. Не следует ни на минуту забывать, что в такие моменты кулачество и все прихвостни буржуазии здесь мобилизуют свои силы, чтобы нанести удар советской власти в спину. Зорко следите за своими врагами, эксплуататорами-кулаками. Душите их!

Товарищи-крестьяне! Теперь больше, чем когда-либо от вас требуется бдительность. Теперь, как никогда, вы должны быть готовы для защиты прав рабочего и крестьянина. Теперь, как никогда, буржуазия хочет внести расстройство в наши ряды. Она посылает к нам волков в овечьей шкуре - шептунов, которые шепчут нам из-за угла разный бред и сплетни, чтобы убить в вас дух стойкости, посеять недоверие друг другу. Но мы должны им заявить: “Прочь, шептуны, прочь, прихвостни буржуазии!”

Мы дружным напором окончательно и бесповоротно расправимся со своими врагами-кровопийцами кулаками.

(*Известия Яренского УКСД. 1918. 10 декабря*)

9. Телеграмма бывших членов Печорской уездной Земской управы в Архангельск, Верховное Управление Северной области (ВУСО), Зубову

УСТЬ-ЦИЛЬМА, 13 августа 1918 г. Уездный съезд Совдепов, высказавшись за признание новой областной Верховной власти, предлагает создать временный уездный комитет. Просим дать указания съезду о немедленной передаче власти Земству, как единственно законно избранному органу самоуправления. Состав уездной земской управы налицо.

Председатель Смирнов, члены: Попов, Артеев, Глазачев, гласный Губземства Пинежского уезда Упадышев.

(*ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 24. Л. 13*)

10. Из рапорта коменданта парохода «Сергий Витте» командующему флотилией Северного Ледовитого океана от 22 августа 1918 года

Перед отправлением парохода в устье Печоры на него прибыл назначенный приказом командующего вооруженными силами отряд под командой подпоручика Можаева и пулеметный отряд из 2-х пулеметов под руководством подпоручика Манькова. Кроме того, от порта был принят 1 пулемет и 16 винтовок. Общая численность была 3 пулемета, 40 винтовок при 12 чинах личного состава.

Отправившись 10 августа, пароход по пути посетил бухту варнек на острове Вайгач и 15 августа прибыл в устье Печоры и стал у пристани близ селения Куя.

Имея задачей охранять пароход от возможного нападения большевиков и укрепить в пределах возможности власть Верховного Управления Северной области, приступил немедленно к выяснению обстановки путем опроса местных жителей и знакомства с документами различных лиц, выданных местными властями. Во время прихода парохода у пристани находился речной пароход «Александр» и еще три речных пароходика. Узнав, что на пароходе «Александр» находятся красноармейцы, произвел на нем обыск, при чем были задержаны 6 красноармейцев, от которых было отобрано оружие.

Согласно общим отзывам, главной местной большевистской силой является завод фирмы «Стелла Поларе», поэтому отправил туда отряд под командой подпоручика Можаева для водворения власти Верховного Управления, передачи управления заводом в руки управляющего и для ареста неблагонадежных лиц. Завод находился в 12-ти верстах, поэтому отряд вернулся в 3 часа ночи. Привез конфискованное оружие и 2-х арестованных – Григория Хатанзейского и Ефима Захарова Ануфриева. Первый из них был отпущен по выявлению его малой виновности в безобразиях, творившихся большевистской властью, второй же оказался лидером местной коммунистической партии, был задержан и доставлен мною в Архангельск, как участник убийств и грабежей.

На следующий день 16 августа решил выяснить обстановку в Усть-Цильме, так как накануне еще выяснил, что там властвует Уездисполком. Для чего послал на имя председателя Уездисполкома телеграмму с просьбой сообщить о немедленной передаче власти новым органам управления, указав, что при неисполнении этого, последствия лягут на Уездисполком. В ответ в самом спешном порядке получил телеграмму, из которой стало ясно, что посылка какого-либо отряда излишня, если центральные власти

в лице Губернского комиссара утвердили временный комитет на месте и в Усть-Цильме полное спокойствие.

Получив доказательство того, что в районе 300 верст Печорского края новая власть создалась и крепнет, дал разрешение уйти по своим надобностям пароходикам, задержанным сначала на всякий случай, и перенес распоряжения влияния Верховного управления на местные деревни. Окрестное крестьянство обратилось со всеми нуждами, при чем выяснилось, что большевистской властью край приведен в состояние полной разрухи в хозяйственном и продовольственном отношении. Ныне крестьяне ждут от новой власти хлеба и хлеба, и от того только зависит перемены их политических взглядов на существующую власть. Своевременная доставка хлеба закрепит край глубоко за новой властью. В последнее время здесь ничего не угрожает со стороны большевиков, так как они уехали вверх по Печоре в самом начале переворота, при первых же известиях и разошлись по домам. На заводе "Стелла Поларе" известия о переходе власти, о возвращении всего управления заводом в руки управляющего, были приняты вполне спокойно и рабочие охотно приступили к работам на новых началах. В день отхода парохода 17 августа прошел спокойно. Перед самым отходом парохода получил телеграмму из Усть-Цильмы с известием о приближении 16 красноармейцев из Койнаса и с просьбой о помощи. Не имея приказаний на специальную посылку отряда в Усть-Цильму, не будучи уполномочен задержать пароход в его срочном рейсе, узнав кроме того от пассажиров, только что приехавших из Усть-Цильмы, что они красноармейцы, вероятнее всего, местные жители, возвращающиеся домой при неудаче у Архангельска, я послал уездному комиссару Козлову телеграмму о том, что я могу оставить только оружие для тех отрядов, которые будут соорганизованы для борьбы с большевиками и разрешил отправку парохода продолжать рейс. С рассветом 18 августа пароход "Сергий Витте" снялся с якоря и ушел в Архангельск. 22 же августа, после выхода на о.Колгуев, при самой благоприятной погоде прибыл благополучно в Архангельск. Оружие было сдано в штаб командующего вооруженными силами, а арестованный Ефим Захаров Ануфриев – коменданту города Архангельска.

Лейтенант Земенов

(*ГАРФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 179. Л. 63–64*)

11. Приказ командующего вооруженными силами Верховного Управления Северной области капитана Чаплина от 27 августа 1918 года полковнику Естифееву о немедленном выезде на Печору для организации белогвардейских отрядов

С получением сего предлагаю вам проследовать в село Устьцильму (Печорский уезд), где вам надлежит приступить к спешному формированию отрядов из добровольцев – местных жителей и к организации обороны края от большевиков.

Вам предоставляется право в зависимости требований создавшейся обстановки и по соглашению с местной гражданской властью:

а) Объявлять населенные пункты, находящиеся в пределах порученного вам района, на военном положении;

б) Подвергать аресту лиц, явно приверженных советской власти;

в) Производить реквизиции для временного пользования предметов, необходимых для военных целей (велосипеды, телеги, шлюпки и т.д.);

г) Привлекать, в зависимости от обстановки, жителей к участию в работах, необходимых для военных целей, по укреплению вверенного вам района (рытье окопов, починка дорог, постройка мостов и т.д.);

д) Установить непосредственную связь с моим штабом;

е) О всех принятых мерах, о ходе всех работ и движении противника возможно чаще доносить, но не менее, как через 3 дня.

Капитан 2-го ранга Чаплин.
Начальник штаба подполковник Маслов.
Начальник оперативного отдела капитан Крицкий.
(*ГАРФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 179. Л. 39*)

12. Информационное сообщение об организации и наборе добровольческого отряда для отправки на Печору

При Усть-Сысольском комитете Российской Коммунистической партии большевиков производится формирование отрядов Красной Армии и отдельно продовольственных отрядов, а также унтер-офицерских рот.

Запись производится в помещении собрания партии у председателя Комитета матроса И.Андрианова.

Товарищи! События требуют вас. Идем!

Устьсысольский уездный комитет партии.
(*Зырянская жизнь. 1918. 1 сентября*)

13. Печорские события

До сих пор целый уезд Архангельской губернии продолжает находиться в руках большевистских банд... 26 сентября с верховьев Печоры

отряд красноармейцев вновь сделал налет и занял Усть-Цильму, где по полученным сведениям при нашем отъезде с устья Печоры разграбили казначейство и почту. есть и жертвы их произвола.

Несмотря на свою отдаленность, Печоре пришлось пережить не меньше других уездов от большевистского ига. Ранней весной приезжал из Архангельска отряд Ларионова, оставив кровавый след за собою. После них до сих пор орудуют отряды Приуральских советских организаций Екатеринбурга, Перми.

История появления их в пределах Печорского уезда следующая: по открытии навигации к нам пожаловала экспедиция «Уралснабжения» для вывоза рыбных и прочих продуктов края. Имея в верховьях Печоры свои специальные отряды красноармейцев, экспедиция по виду чисто экономического характера, сразу же начинает вмешиваться в уездные дела. По приезде в Усть-Цильму они заставляют созвать съезд представителей волостных продотделов. Демагогией, посулами, угрозой съездом вертели, как им удобно было, заставляли выносить те или иные в пользу их постановления, как, например, таксу на сиги – отбор установили 48 рублей пуд, тогда как свой привезенный хлеб расценивали 40 рублей за пуд. Для их выгоды нужно было, чтобы в местных Совдепах сидели большевики, которые свои партийные интересы, как водится, ставят выше интересов края, и они работали в том направлении, способствуя хулиганам становиться у власти...

Переворот в Архангельске приостановил хищнические махинации экспедиции... 14 августа был уездный съезд, на котором они уже не могли господствовать, и им пришлось, оставив одну баржу в Усть-Цильме, с кое-какими товарами на незначительную сумму, удрать в верховья Печоры. Пока этот отряд уезжал в низовья Печоры, население районов Красноборска и Мохчи наскоро организовали отряд до 50 человек для защиты уездных учреждений, так как не было уверенности, что красноармейцы, проезжая обратно, не разграбят казначейство, Продуправу и пр.

21 августа была небольшая стычка около Усть-Цильмы, но благодаря промахам местного отряда красноармейцы ночью, воспользовавшись темнотой, проскочили мимо. Опасность временно миновала, но не было гарантии, что они сделают еще налет. В их распоряжении были лучшие пароходы Печоры, и нельзя было думать, чтобы «Уралснабжение» оставило уезд в покое. Уездная власть много раз телеграфировала в Архангельск прося помощи, так как не было уверенности справиться своими силами. На мольбы уезда в конце-концов Архангельск прислал в Усть-Цильму полковника, несколько офицеров и солдат. Справедливость требует сказать, что сей полковник не принес никакой пользы уезду. Сидел около 2-х не-

дель в Усть-Цильме и, при первых признаках опасности, уехал обратно в Архангельск.

Около 10 числа сентября по инициативе населения некоторых волостей (Красноборск, Мохча) вновь организовался отряд для поездки в верховья Печоры, чтобы выяснить положение там. Полковник не только сам не поехал вместе с этим отрядом, но и не хотел пустить и некоторых желавших поехать вместе с отрядом офицеров. Около Щугора в Чердынском уезде отряд по некоторым данным потерпел поражение и, по-видимому, рассеялся. После чего красноармейцы 26 сентября вновь появляются в Усть-Цильме.

Население уезда тщетно надеялось и ожидало помощи со стороны Архангельска, но таковой не было.

И край, который ежегодно доставляет Архангельску многие десятки тысяч пудов рыбных, мясных и прочих продуктов, край, на богатства которого обратили внимание даже большевики из Екатеринбурга – остается заброшенным на произвол судьбы. Масса рыбы осталась невывезенной, так как расстройство транспорта было полное, благодаря тому, что банды еще не исчезли из пределов уезда. Нет также никакой надежды, что зимой удастся достать заготовленный хлеб свыше 200 тысяч пудов для уезда из Ляпина.

Ф. Терентьев

(*ГАРФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 173. Л. 53*)

14. Объявление в Печорском крае осадного положения

ЩУГОР, 11 октября 1918 года. Селения Усть-Цильма, Усть-Уса, Усть-Щугор, Троицко-Печорск объявляются на осадном положении и воспрещаются всякого рода собрания, митинги. Гуляние на улицах должно прекращаться с 6-ти часов вечера. В случае неповиновения, виновных немедленно арестовывать.

Командующий Печорским районом Суворов.

(*Зырянская жизнь. 1918. № 30*)

15. Телеграмма из Щугора Кедрову в Вологду, Геккеру в Котлас, Мандельбауму в Усть-Сысольск с сообщением результатов второй экспедиции Устьсысольского коммунистического отряда в Печорском крае

ЩУГОР, 22 октября. В район реки Печоры 11 октября на пароходе «Михаил» с тридцатью красноармейцами при одном орудии и 2-х пулеметах вышел из Щугора для следования вниз по Печоре с целью разведки и организации Советов. По пути нашего следования население дружественно нас встречало и просило достать им хлеба, ибо жители на Печоре абсолютно голодают.

Пройдя вниз 568 верст до устья р.Ижмы, направился по Ижме, ибо там село Мохча выше устья 60 верст – гнездо белогвардейщины. По моем приходе вся эта свора разбежалась. Я высадился с 10-ю красноармейцами, зашел в Мохчу и нашел, что здесь Совет не на высоте своего призвания, объявил его распущенным и дал распоряжение организовать новый Совет, под контролем соседнего Ижемского Совета, который нашел, что он работает хорошо. Останавливаясь в других селениях, давал указания и накладывал контрибуции на местных кулаков.

Окончив дело организации в Ижме, пошел вниз по Печоре в Усть-Цильму. Белогвардейцы же, вероятно, надеялись, что красные больше не придут в Усть-Цильму, прислали пароход с баржей с грузом с морской пристани, вероятно, хотели в Усть-Цильме устроить базу, привезли аппарат Морзе, который прибыл телеграфной конторе. При первом нашем посещении Усть-Цильмы аппараты нашими были взяты и увезены. Они хотели установить связь с пристанью. Мы же поспели вовремя, захватили пароход и баржу. На барже грузы следующие: пшеничного 2070 мешков, весом 7880 пудов, кожи выделанной разных сортов 164 пуда, охоничьего пороху 72 бочки, конопля 198 пудов, керосину 133 бочки. На барже были также пассажиры до 300 человек, которые большей частью больные. Врач признает болезнь так называемая «Испанская болезнь». Я всех пассажиров и команду сдал в карантин на свободную баржу. В первый день из больных умерло 4 человека. Приняты меры оказания медицинской помощи.

Потом из Усть-Цильмы на «Михаиле» спустился еще 30 верст и повернул обратно, ибо суровый север грозил заморозить пароход внизу. Возвратился в Усть-Цильму, отдал распоряжение организовать уездный Совет, забуксировал баржу и взятый пароход «Артельный», пошел вверх по Печоре. По пути следования снабжал население захваченным хлебом, керосином, порохом, кожей.

Население Печоры на месяц обеспечено хлебом. Голодная опасность для населения Печоры миновала, а зимним путем овладеем Ляпинским хлебом, который будет у кулаков мною взят. В счет ста тысяч пудов постараюсь пополнить кассу отряда, ибо отряд содержится исключительно контрибуцией с Галовских жителей. Раньше наложил контрибуцию 500 тысяч рублей, которую должны внести к 15 ноября...

По сему прошу вашего распоряжения, как поступить. Мое мнение взять последнее на содержание отряда. Смею уверить, что положение на Печоре для советской власти благоприятное. Организуются Советы и Комитеты. Комитеты бедноты приступают к реквизиции у кулаков излишков... Белая гвардия среди населения успеха не имеет. По слухам на мор-

ской пристани находятся 7 офицеров, которые вербуют в белую гвардию, но успехи плачевны.

Несмотря на снежную бурю и встречающийся лед, мне удалось все нуждающиеся волости снабдить хлебом на 1918 год. Из них (ляпинских запасов) 100 Совету и 400 (тысяч) на содержание отряда. А также мною конфискованы у одного кулака из Галова 1500 штук замшевых шкурок совсем еще не выделанных, которые предполагаю передать "Уралснабжению".

Волостные Советы при выдаче мною нижеупомянутого хлеба предлагали за него деньги, но я принимать не мог и благополучно вместе с захваченным пароходом и баржей прибыл к месту зимнего расположения отряда – в Щугор, 21 октября. Отвечаю, что красноармейцы во время похода вели себя выше всякой похвалы, и также отмечаю труды помощника капитана парохода «Михаила» тов. Мезенцева по доставке захваченного нами парохода.

Начальник отряда Корпуса Советской Охраны И.Андрианов.

(*НАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 16. Л. 340–341*)

16. Донесение полковника Д.Д.Шапошникова в Архангельск генерал-губернатору Е.К.Миллеру о взятии Усть-Цильмы

ЛЕШУКОНСК, 30 ноября. В субботу, 30 ноября, Усть-Цильма на Печоре занята нами. Часть красной армии разбежалась, остальные убиты. Убит председатель Устьцилемского Совдепа Батманов. С нашей стороны убит подпоручик Рябов. В низовьях Печоры, в Хабарихе, остался отряд красноармейцев, подлежащий ликвидации. Административные должности временно займут офицеры.

Шапошников.

(*ГАРФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 160. Л. 85–86*)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Горшков Д.И. Состав гвардейских полков Императорской Гвардии в начале «второй польской кампании» 3

Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии в России в эпоху 1812 года (обзор отечественной историографии) 53

Попов А.И. Мемуары наполеоновских военнопленных как исторический источник 65

Рей М.-П. Россия и русские глазами пленных французов в 1812 году: Компаративное исследование 101

Земцов В.Н. Уральские земли эпохи европейской войны с Наполеоном в мемуарах французского военнопленного (невероятная история одной мистификации) 118

Промыслов Н.В. Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 года 135

Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Нижегородской губернии в 1812–1814 годах 154

Миловидов Б.П. Наполеоновские военнопленные в Псковской губернии (ноябрь–декабрь 1812 года) 172

Галямичев А.Н., Тотфалушин В.П. Достопамятные дни моей жизни: поход и плен в России. Из анонимного дневника немецкого офицера 194

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Смирнов Ю.М. Письма времен Первой мировой войны из архива Муромского историко-художественного музея 198

Таскаев М.В. Документы по истории гражданской войны на Европейском Северо-Востоке России 220

ISBN 978-5-89606-488-6

Научное издание

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 10

Рекомендовано к изданию
Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 13,19. Усл. печ. л. 14,75.
Тираж 100. Заказ № 7.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
Г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.